

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь XVII.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1789.

Н О В Ы Й
Г О Д Ъ,
ВОЗТОЧНАЯ СЦЕНА.

Дѣйствіе въ Щастливой Аравіи.

Представляется внутренность огромнаго храма, наполненнаго народомъ. Впереди возвышается олтарь, освѣщаемый великолѣпнымъ балдахномъ. Подлѣ онаго стоитъ главный жрецъ, свѣдый и кощениый старецъ, въ длинномъ бѣломъ платьѣ. Прочіе жрецы, такъ же одѣтые, окружаютъ олтарь. Благоговѣніе изображается на лицахъ ихъ. На правой сторонѣ храма стоятъ отроки и юноши, а на лѣвой мужи и старцы. Нѣсколько времени царствуетъ глубокое молчаніе. Всѣ устремляютъ взоры свои на главнаго жреца, которой, сложивъ на груди руки, пребываетъ въ глубокомъ

Часть XVII. Но. 1. раз-

размышленія. Онѣмѣ курится во всѣхъ
сторонахъ храма.

По томъ главный жрецъ оборачивает-
ся къ народу. Вдругъ раздается въ хра-
мѣ музыка и жрецы поютъ хоромъ:

Великъ, великъ Сотворшій землю,
Моря, поля, луга, лѣса!
Великъ Сотворшій солнце, звѣзды,
Луну, эфиръ и небеса!

(музыка умолкаетъ).

Главный жрецъ.

Смертные, собравшіеся вкупу для
приношенія моленій своихъ Вѣчному! по-
чувствуйте живо Его величіе! Да воспла-
менятся сердца ваши огнемъ усердія и
вѣры! Тогда, чада земли и неба, тогда
дерзайте молить Его — и моленіе душъ
чистыхъ не оспанется бесплодно.

(по нѣкоторомъ молчаніи).

Нѣжный миртъ человечества! о вы,
первенцы весенніе, — любезные отрски!
благословите Творца своего въ простыхъ
сердечныхъ пѣсняхъ!

Хоръ отроковъ.

Еще нашъ юный умъ не знаетъ,
Кипо Ты еси, Отецъ!
Но сердце наше ощущаетъ,
Что благъ есть нашъ Творецъ.

Ты насъ живишь, питаешь,
И радость въ насъ вливаешь.
Тебя мы славимъ всѣ,
Тебя мы хвалимъ всѣ!

Главный жрецъ.

Пышная роза странъ восточныхъ,
благотѣпные юноши! пламенные взоры
ваши возвѣщаютъ мнѣ полношу вашихъ
сердецъ: и шакъ да излепся оная предъ
Всевышнимъ въ гармоническихъ пѣ-
снахъ!

Хоръ юношей.

Возхвалимъ, возхвалимъ
Сотворшаго все!
Прославимъ, прославимъ
Живящаго все!

Онъ въ громахъ и въ буряхъ
Порочныхъ страшитъ,
И въ нѣжныхъ зефирахъ
Быть добрымъ велитъ.

Возхвалимъ, возхвалимъ
Сотворшаго все!
Прославимъ, прославимъ
Живящаго все!

Главный жрецъ.

О вы, созрѣвшіе плоды щедрой Ара-
віи, мужи достойные! предайтеся внут-
реннему священному влеченію своему —
и да удостоится гимнъ вашъ благосло-
венія Небесъ!

Хоръ мужей.

Кто бездну моря могъ измѣрить
И счесть песокъ на днѣ его?
Кто звѣзды неба могъ изчислить?
Никто, никто не могъ сего.
Никто не могъ измѣрить
Величія Творца;
Никто не могъ постигнутьъ
Премудрости Его.

Главный жрецъ.

Вѣшвисыя кедры, устоявшіе про-
шивъ бурь мятежной жизни, и служа-
щіе кровомъ для древъ юныхъ и цвѣ-
шовъ слабыхъ! почтенные старцы, съ-
динами опытности украшенные! мы ожи-
даемъ вашего пѣснопѣнія.

Хоръ старцевъ.

О Ты, Который міромъ правишь,
И знаешь все, и все творишь!
Ты благо, благо міромъ правишь,
И мудро, мудро все творишь!
Прими хвалу отъ старцевъ,
Сѣдыхъ и слабыхъ старцевъ;
Хвала у насъ въ устахъ,
Хвала у насъ въ сердцахъ.

Главный жрецъ.

Благо смертнымъ, чувствующимъ
величіе Творца своего! — Опроки! вы

конечно пришли молишь Великаго о какомъ нибудь дарѣ, нужномъ для благополучія вашего?

Одинъ изъ отроковъ (приближаясь къ жрецу).

Мы всѣ пришли сюда съ однимъ желаніемъ. Ахъ, отецъ нашъ! и послѣдняя луна года сокрылась отъ глазъ нашихъ! — Мы хотимъ просить Великаго, чтобы Онъ далъ намъ новый годъ. Скажи намъ, отецъ нашъ, скажи, какая жертва будетъ Ему пріятна? Все, что имѣемъ, все гоповы мы принесли Ему въ даръ — только бы Онъ послалъ намъ новый годъ. Ахъ! намъ еще жить хочется!

Главный жрецъ.

Любовь къ жизни, дѣти мои, есть такое чувство, съ которымъ мы родимся; а жизнь есть величайшій изъ даровъ, получаемыхъ нами отъ Всещедрого. Но умѣемъ ли мы пользоваться дарами Его? Умѣемъ ли пользоваться жизнью? Если нѣтъ, то горе намъ, неблагодарнымъ! и мы не достойны ея, и молитва наша о продолженіи оной не будетъ услышана. Скажи же мнѣ, отрокъ, скажи искренно, какъ провелъ ты кончающійся годъ?

Отрокъ.

Я училъ наизусть правила мудрости; утѣшалъ старую и больную мать свою; приносилъ ей всегда лучшіе цвѣты и плоды; ловилъ хорошо поющихъ ппичекъ, чтобы онѣ пѣніемъ своимъ ее веселили; собиралъ еиміамъ для храма, игралъ съ своими товарищами, но никогда не забывалъ пѣть гимна въ честь Великому.

Главный жрецъ.

И совѣсть швоя была всегда покойна?

Отрокъ.

Совѣсть? Всегда — почти. Но иногда, не могши долго поимать ппички, я сердился; а послѣ стыдился и разкаивался.

Главный жрецъ.

Хорошо, сынъ мой, что ты разкаивался --- и я надѣюсь, что общая молитва ваша будетъ услышана Великимъ, если всѣ ошроки подобно тебѣ проводили сей годъ. — Юноши! чего вы желаете?

Одинъ изъ юношей (приближась къ жрецу).

Новаго года, отецъ нашъ. Едва только начали мы наслаждаться жизнью, чув-

чувствовать цѣну ея и благодарить Великаго.

Главный жрецъ.

Хорошо, сынъ мой; но какъ же ты наслаждаешься жизнью?

Юноша.

Стараясь дѣлать доброе.

Главный жрецъ.

Но что есть доброе?

Юноша.

Жить по правиламъ мудрости, благодарно наслаждаться Природою, сражаться съ страстями, побѣждать ихъ и не гордиться побѣдою.

Главный жрецъ.

Хорошо, юноша! — Ты старался дѣлать доброе: но всегда ли былъ ты доволенъ собою?

Юноша.

Ахъ, нѣтъ! иногда сердце меня обманывало; я предавался страсти — и поздно уже открывались глаза мои. Тѣмъ болѣе, отецъ мой — ахъ! шѣмъ болѣе желаю жить, чтобы впредь строжайшимъ исполненіемъ правилъ мудрости загладить прошедшія преступленія.

Главный жрецъ.

Естьли вы всѣ, юноши, подлинно намѣрены впредь жить лучше, то я надѣюсь, что Великій даруетъ вамъ новый годъ. — Мужи! чего вы просите у Великаго?

Одинъ изъ мужей (приближась къ жрецу).

Того дара, почтенный отецъ, которой обѣщаешь ты опрокамъ и юношамъ. Мы просимъ его у Отца временъ не столько для себя, сколько для чадъ своихъ, — юныхъ, слабыхъ чадъ, пребующихъ всегда нашей помощи. Что будетъ съ ними, если онѣ однѣ останутся? Кто ихъ возпитаешь и наставишь въ добродѣтели и мудрости?

Главный жрецъ.

Конечно отецъ долженъ научать сына — таковъ есть уставъ Натуры. Но чтобы другихъ наставлять въ добродѣтели и мудрости, надлежитъ быть самому добродѣтельнымъ и мудрымъ. — О чемъ воздыхаешь ты, сынъ мой?

М у ж ь.

Чувствую свои недоспашки; но надѣюсь исправить ихъ въ слѣдующій годъ и быть примѣромъ для сыновъ своихъ.

Что

Что я былъ за пятьдесятъ лунъ передъ симъ? Все приближается по степенямъ къ совершенству, хотя — естли осмѣлюсь объявить свое мнѣніе — и не возможно достигнуть онаго на сей землѣ.

Главный жрецъ.

Блаженъ, блаженъ, кто безпрестанно приближается къ совершенству! — Сынъ мой! можно достигнуть онаго и на сей землѣ. Живи, бесѣдуй съ старцами, съ Натурою, съ сердцемъ своимъ — и ты увѣришься въ истиннѣ словъ моихъ. Совершенство, о которомъ можемъ имѣть понятіе, есть конечно цѣль здѣшней жизни нашей. Такъ утверждаютъ всѣ мудрецы пространной Аравіи. — Благоговѣйте предъ Великимъ, смертные, и надѣйтесь, что Онъ исполнитъ ваше прошеніе! — — Уже ли и вы, почтенные старцы, еще не насытились жизнію? Давно возросли и созрѣли ваши чада; внуки ваши цвѣтутъ какъ лиліи въ срединѣ лѣта — для чего еще хотите вы жить въ семъ мірѣ?

Одинъ изъ старцевъ (прибли- жась къ жрецу).

Для мудрости. Уже припупленные чувства наши не удобны наслаждаться на-

наружностію, которая прежде обольщала насъ; но въ сердцахъ нашихъ открылся источникъ живѣйшихъ удовольствій. Выникая въ тѣ вѣчные законы, которыми правится вселенная, мы удивляемся и чтимъ Великаго; но еще не совершенно открылись намъ сіи законы, слѣдственно мы еще не совершенно мудры, и жееаемъ жить для приращенія своихъ знаній, безъ сомнѣнія пріятныхъ Великому. Между тѣмъ стараемся изкоренять въ себѣ остатки тѣхъ пороковъ, которые владѣли нами въ юнѣйшихъ лѣтахъ.

Главный жрецъ.

Да изкореняшся оные совершенно! — — И такъ, смертные, всѣ вкупѣ возгласимъ моленіе о новомъ годѣ; и каждый звукъ пѣсни да изліется изъ глубины сердца нашего!

Всѣ хоромъ.

Отецъ временъ, Великій!
Пошли намъ новый годъ!
Пошли намъ новый годъ,
Отецъ временъ, Великій!

Отроки.

Тебя, Тебя мы славить будемъ,
Себя стараясь исправлять.

Юноши.

Юноши.

Тебя, Тебя мы славить будемъ,
Стараясь спраси побѣждать.

Мужик.

Тебя мы будемъ пѣснословить,
уча примѣромъ чадъ своихъ.

Старцы.

Тебя мы будемъ пѣснословить,
Вникая въ мудрость дѣлъ Твоихъ.

Хоръ.

Опецъ временъ, Великій!
Пошли намъ новый годъ!
Пошли намъ новый годъ,
Опецъ временъ, Великій!

Главный жрецъ.

Се! — (сводъ храма разтворается и показывается молодой мѣсяцъ; всѣ унадаютъ на колѣни). — Благодаримъ Тебя, Опецъ времени и вѣчности! Се является юная луна, возвѣщающая намъ наступленіе новаго года! Слава Тебѣ! (сводъ затворяется, и всѣ встаютъ.)

Хоръ.

Тебя, Великій, славимъ,
Тебя, Великій, хвадимъ!

Ты далъ намъ новый годъ,
Послалъ намъ новый годъ!

Отроки.

Великій! зри на нашу радость!
Ты любишь радость чистыхъ душъ.

Юноши.

Ты любишь радость чистыхъ душъ:
Благослови же нашу радость!

Мужни.

Мы будемъ чадъ своихъ учить
Тебя хвалить, благодарить.

Старцы.

Тебя во всемъ искать мы будемъ,
Доколѣ въ мѣръ семъ пребудемъ.

Жрецы.

Въ сердцахъ своихъ мы чтимъ Его,
Великаго Творца всего.

Хоръ.

Тебя, Великій, славимъ!
Тебя, Великій, хвалимъ!
Ты далъ намъ новый годъ,
Послалъ намъ новый годъ!

Главный жрецъ.

Такъ, смертные! Онъ исполнилъ на-
ше моленіе и даровалъ намъ новый годъ.
Вы

Вы видѣли младую луну: какъ она ясна и нѣжна! да будетъ такова жизнь наша въ теченіе сего года! — Чада и брашя мои! всѣ мы сотворены ко щастію, и въ каждомъ возрастѣ можемъ онымъ наслаждаться. Тихое, веселое сердце, любящее добродѣтель и мудрость, есть святыище щастія; безпорядочныя спраси разрушаютъ оное — такъ свирѣпая буря обрываетъ розу и лишаетъ ее всѣхъ пріятностей — тогда щастіе отъ насъ удаляется. — Каждый возрастъ имѣетъ свои опасности, злыя спраси, свирѣпыя бури. И кедръ можетъ еще превратиться въ прахъ отъ громоваго удара; и мудрому старцу предстоятъ еще опасности. Но еслии будемъ жить такъ, какъ велитъ совѣсть, которая съ равною силою говоритъ и въ опрокъ и въ старцѣ: тогда спасемся отъ всѣхъ опасностей, миръ будетъ обитать въ сердцѣ нашемъ, и щастіе отъ насъ не отлучится. Опроки и юноши! любите добродѣтель, наслаждайтесь Природою и будьте щастливы! Мужи! любите добродѣтель, возпывайте во благѣ чадъ своихъ и будьте щастливы! Старцы! погружайтесь умомъ своимъ во глубину дѣлъ Великаго, возходите по лѣствицѣ добро-

добродѣтели выше прочихъ земнородныхъ, и будыше щасливы во сей годѣ и во вѣки!

Хоръ.

Будемъ въ годѣ сей возвышашься
Въ добродѣтели святой,
И душевно просвѣщашься
Свѣтомъ мудрости простой!
Будемъ тѣмъ Творцу угольны,
Будемъ къ щастію способны.
Благо, мудро спанемъ жишь
И Веякому служижь!

Конецъ сценъ.

СНОВИДѢНІЕ (*).

Какъ мучимся мы, когда любезную намъ вещь почитаемъ для себя потерянною! Какъ душа наша въ воображеніи спремится за нею! И сколь усиливается безразсудная любовь ея къ ней и уныніе, когда она, въ случаѣ неудачи, опяшь въ себя приходитъ! Скорбь наша — вмѣсто того, чшобы прибѣгнушь къ разуму, кошорой могъ бы облегчить ее — ищетъ новой пищи. Она принуждаетъ память представлять разные случаи и обстояельства ихъ удовольствій, кошорыми мы прежде наслаждались; приносши, доставляемыя шѣмъ богатствомъ, кошораго мы лишились; силу и блескъ прежней знашности нашей; или голосъ, слова, взоры, нравъ и склонности нашихъ умершихъ друзей. Отъ сего-то спрасъ возрастаетъ до такой степени, что раздираетъ сердце, ее питающее, ештли время не опнметъ у сихъ обстояельствъ силы и живости, отъ чего разумъ приходитъ въ большее равновѣсіе со спрастію, или другое бли-

Часть XVII. Но. 2.

Б

жай-

(*) Сія піеса переведена съ Англійскаго языка изъ Слектатора.

жайшее желаніе не затмишѣ ихѣ живѣйшимѣ представленіемѣ. — Занимаясь сими мыслями, я заснулѣ и увидѣлъ сонѣ, относящійся къ сему предмету; и такѣ онѣ могущѣ служишь приличнымѣ введеніемѣ къ описанію онаго.

Я очутился на пустомѣ берегу среди такихѣ людей, копорыхѣ жалостной видѣ показывалѣ горешное разположеніе души ихѣ. Передѣ нами была глубокая и тихая вода, называемая *рѣкою слезною*, которая текла съ высокаго мѣста изѣ двухѣ источниковѣ, и окружала островѣ, передѣ нами лежавшій. По ней ходила лодка старая и худая, копорая иногда бывала опрокидываема отѣ неперпѣнія и шоропливости нѣкоторыхѣ пассажировѣ, желавшихѣ скорѣе доплыть до другаго берега. *Нещастіе*, ея управляющее, потчасѣ подвезло ее къ намѣ, и мы уже готовились състь въ нее, какѣ явилась женщина, виду крошкаго и покойнаго, копорая спала насѣ опводивъ отѣ нее, представляя опасности, сопряженныя съ такимѣ плаваніемѣ. Тѣ, копорые признали въ ней *Терпѣливость*, и нѣкоторые изѣ шѣхѣ, кои до того громче всѣхѣ кричали, были ею убѣждены и возвратились назадѣ. Мы остав-

шіеся

шіеся вошли въ лодку; а она — не хотѣвъ по своему великодушію оставить людей въ замѣшательствѣ — желала провождать насъ, чшобы во время пуши жопя нѣсколько насъ ушѣшать и подавать намъ совѣшы. Какъ скоро мы успѣлись, лодка отъ берегу отдѣлилась, парусъ раздулся отъ *вѣдоховъ*, кошорые въ сихъ мѣстахъ служатъ вмѣсто вѣшровъ, и мы приплыли къ другому берегу со многими трудностями, незамѣчаемыми большею частію изъ насъ.

Приспавъ къ берегу, увидѣли мы, что островъ былъ покрытъ удивительными шуманами, кошорыхъ свѣшъ никакъ не могъ проникнуть, шакъ чшо черной ужасъ вѣчно пребывалъ въ семъ мѣстѣ. Такой видъ устрашилъ людей крошкихъ, и нѣкошорые, уговоренные въ сіе время *Терпѣливостію*, пушъ насъ оставили, и шихонько пошли по берегу острова искать броду, кошорымъ они, по словамъ *Терпѣливости*, могли перейти рѣку.

Что касается до меня, то я шелъ все впередъ, съ шѣми, кошорые хотѣли дойти до средопочія острова; и соединясь съ другими, кои попались намъ на дорогѣ, продолжали мы пушъ свой съ

унылою важностію, подобно какъ при похоронахъ, пробираясь сквозь сросшіеся розмаринныя кусты и писовыя деревья, которыя по большой части осѣняютъ гробницы и цвѣтутъ на кладбищахъ. Тупъ услышали мы со всѣхъ сторонъ плачь и стenanіе разныхъ жипелей, которыя въ отчаяніи валялись подъ деревьями; и когда мы приблизились къ нѣкоторымъ изъ нихъ, то увидѣли, что они ломали руки, били себя въ грудь, рвали на себѣ волосы, или инымъ образомъ обнаруживали волненіе скорби своей. Наше уныніе увеличилось отъ вліянія слышимаго и видимаго нами, и одинъ изъ насъ доведенъ былъ до такой свирѣпости, что хотѣлъ повѣситься на большой вѣтви, будто бы нарочно для того перегнувшейся черезъ пропу, по которой мы шли; но нѣжнымъ стараніемъ упомянутой сопушницы нашей былъ онъ отъ этого отвращенъ.

Мы уже дошли до самаго мрачнѣйшаго и безмолвнѣйшаго мѣста острова, и по усилившемуся шуму вздоховъ, которыя между вѣтвями производили печальной свистъ, по густотѣ воздуха, которымъ едва можно было дышатьъ, и по жестокому бѣнію сердца, болѣе и болѣе
въ

въ насъ волновавшагося, узнали мы, что пришли къ *Гроту Печали*. Въ сей пространной, пуспой и меланхолической пещерѣ, глубоко вдавшейся въ долину, текли ручьи темнокраснаго цвѣту. Унылое журчаніе сихъ сгущенныхъ и сонныхъ водъ, медленно пробиравшихся по разнымъ излучинамъ, смѣшивалось съ эхомъ спенаній, которое раздавалось по всѣмъ переходамъ. Въ самой отдаленной части грота сидѣла сама *Печаль*. Путь къ ней былъ усѣянъ терніемъ и другими колючими растѣніями, а престолъ, на которомъ она сидѣла, изсѣченъ въ камень, неравно обрубленномъ, для шого, чтобы выдавшіеся углы его служили ей опорю. Тяжелой мракъ покрывалъ ее; голова ея, онымъ опягчаемая, преклонялась къ плечу. Такъ царствовала она надъ своими опчаянными подданными — будучи до безчувственности угнѣтена собою — въ вѣчной задумчивости и въ глубочайшемъ молчаніи. Съ одной стороны стояли подле нее *Уныніе*, упдающее въ обморокъ, и *Блѣдность*, изсохшая какъ скелетъ; а съ другой *Забота*, внутренно мучимая воображеніемъ, и *Тоска*, снаружи шерзаемая *Безпокойствами*, копорыя въ образъ хищныхъ пщицъ высасыва-

ли кровь изъ ея сердца. По всему своду разпространялся ужасъ; нѣсколько лампадъ, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныхъ, копорыхъ синее пламя подымалось и опускалось въ урнахъ, часъ отъ часу увеличивали его для глазъ нашихъ. Нѣкоторые изъ насъ упали, будучи изнурены безпокойствами пути, и предались шѣмъ мучителямъ, копорыхъ тамъ вездѣ много было; другіе, упомянутые и измученные, возвратились ко входу, гдѣ *Терпѣливость*, нами оставленная, дождалась насъ.

Съ нею — копорой соповарищество спало намъ пріятнѣе съ того времени, какъ мы почувствовали въ ней нужду — обошли мы гротъ и взошли на поверхность его, оставя плачевную долину, въ нѣдрахъ копорой онъ находился. На семъ возвышеніи, по ея совѣту, мы остановились отдохнуть; и поднявъ глаза, копорые до того были все въ землю потуплены, почувствовали мы нѣкоторое печальное удовольствіе, видя сквозь мрачную шѣнь великое множество людей, бывшихъ на островѣ. Сіе удовольствіе, копорое кажется порочнымъ, было извинительно въ такое время, когда собшвенная гореснь наша не поз-

воляла намъ входить въ горести другихъ. Мы не почисляли ихъ страдающими, но только чувствовали свое освобождение отъ мукъ онаго пагубнаго состоянія. И такъ сіе чувство основывалось на человеколюбіи и состраданіи, хотя душа наша, бывъ мрачна и слишкомъ занята, не могла того видѣть; но когда мы отошли подалѣе, сіе начало открываться, и примѣтя несчастіе другихъ, спали мы другъ у друга спрашивать, когда мы сошлись, и какіе печальные случаи свели насъ вмѣстѣ. Слушая свои исторіи, мы ихъ сравнивали, сожалѣли другъ о другъ, и поспешенно дружились.

Такимъ образомъ прошли мы большую часть безпокойной дороги. Наконецъ отверзшія между деревьями спали разширяться, воздухъ казался тонѣе, угнѣпалъ насъ не столь уже сильно, и по временамъ видѣли мы въ немъ слѣды свѣтлѣйшей бѣлизны, подобные разсвѣту дня, скоро исчезающіе, но блиставшіе часъ отъ часу живѣе, и называемые въ сей странѣ *блесками забавы*. Скоро сіи блески спали чаще, обширнѣе и продолжительнѣе. *Вздохи*, до сего времени столь плачевно раздававшіеся въ воздухъ, пре-

вратились въ вѣяніе обыкновеннаго вѣтерка, и вообще всѣ ужасы острова уменьшились.

Пришедши наконецъ къ броду, гдѣ намъ переходить надлежало, нашли мы тѣхъ обыкновенныхъ воздыхателей, которые вмѣстѣ съ нами перѣхали черезъ рѣку, но не захопѣвъ итти такъ далеко, какъ мы, шли по берегу до сего перехода, гдѣ и ожидали прибытія нашего, чптобы возвращаясь вмѣстѣ съ нами, заставитъ людей думать, будто и они были среди ужасовъ Грога. Вода, которая на другой сторонѣ была столь глубока и шика, шутѣ совсѣмъ пересохла, и намъ хорошо было переходить.

Перешедши на другую сторону, были мы встрѣчены друзьями и знакомыми нашими, которыхъ *Утѣшеніе* привело на берегъ поздравить насъ съ возвращеніемъ въ свѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ бранили насъ, что мы долго не возвращались; другіе совѣщвали намъ, не смотря на всѣ изкушенія, никогда уже не ходитъ шуда, гдѣ мы были; иной говорилъ, что не надобно возобновлять нашей горести, спрашивая насъ о путешествіи нашемъ; и всѣ вообще заключили шѣмъ, что *Терпѣливость* была

была для насъ въ такой меланхоліи и горести наилучшею сопушницею. *Терпѣливость*, услышавъ похвалы, развеселилась и поручила насъ *Утѣшенію*. *Утѣшеніе*, принимая насъ, улыбалось. Куда оно обратилось, тамъ небо покрылось вдругъ пурпуровымъ цвѣтомъ, и въ одну минушу возсіялъ надо мною день лучезарнѣйшій.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О НѢКОТОРЫХЪ

БАСНОСЛОВНЫХЪ ПТИЦАХЪ.

Въ Натуральной Исторіи находяшся такая же сказки, какъ и въ общежитіи. Многія люди думали, что Натура слишкомъ единообразна. Воображеніе любитъ чудеса; и тамъ, гдѣ Натура почитала ихъ излишними, оно по своей волѣ шворило ихъ. Казалось, что роды птицъ и рыбъ весьма малочисленны и не разнообразны. Не только однѣмъ дѣтямъ пріятны басни; и для взрослыхъ дѣтей надлежало сочинять оныя. Почли, что всего лучше вымышлять чудеса въ Натурѣ. Такимъ образомъ кисть разпаленнаго воображенія обогатила ее разными произве-

деніями, которыя удивляли легковѣрна, человекѣка, но въ которыхъ образующая Натура ни мало не участвовала. Пройдемъ теперь выдуманная чудеса въ царствѣ пернатыхъ. Обыкновеннѣшія изъ оныхъ суть:

І. Г Р И Ф Ъ.

Въ самомъ дѣлѣ есть птица изъ роду коршуновъ, которую называютъ *Грифъ*; есть и другая, именуемая *Грифъкоршуномъ*. Но здѣсь говорится только о баснословномъ *Грифѣ Живописцевъ и Поэтовъ*. И тѣ и другіе имѣютъ право давать свободу воображенію своему преимущественно передъ другими людьми, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не соединяли явныхъ противоположностей, не приспавляли человѣческой головы къ лошадиной перьями украшенной шеѣ, или рыбаго хвоста къ женскому туловищу, и вообще не вымышляли никакихъ гнусныхъ чудовищъ. *Грифъ*, о которомъ рѣчь идетъ, есть довольно чудное произведеніе. Ему приписывали величину и корпусъ льва, голову и крылья орлиныя, перьями покрытое шло и четыре ноги. Есть ли въ Нашурѣ нѣчто сему подобное?

Хочя

Хошя птиць можно почиташь особливымъ родомъ четвероногихъ животныхъ, у которыхъ двѣ заднія ноги держуть на землѣ все тѣло, и служатъ имъ для ходьбы, а другія двѣ, обросшія перьями, должны носить ихъ по воздуху; и по тому вымышленная безобразная птица съ четырьмя ногами и двумя крылами подобра вымышленному *четвероногому* животному съ *шестью* ногами: однакожь сія ошибка кажется намъ не такъ странна, какъ другая; по тому что крылатые кони бога Поэзіи, богини Чести, Героевъ Аріостовыхъ, и проч. приучили глаза и воображеніе наше къ такимъ уродамъ. Но гораздо хуже и противнѣе законамъ соразмѣрности и гармоніи будетъ то, естли у четвероногаго животного отнимешь двѣ ноги; ибо крылья, которыя можно ему дать въ замѣну ихъ, будутъ нѣкоторымъ образомъ только случайною принадлежностію онаго.

Грифъ былъ собственно посвященъ Солнцу; и древніе Индійскіе живописцы заставляли его возить колесницу Солнцеву, думая, что лучи сего свѣтила не могли ослѣпить его. Образъ сей птицы находится и на нѣкоторыхъ медаляхъ.

ляхъ. По мѣнѣю древнихъ жила она въ пустыняхъ и въ горахъ, искала золотыхъ жилъ и берегла сей металлъ съ великимъ раченіемъ. „Сія свирѣпая и спраш-
„ная птица боялась только львовъ,
„шигровъ и слоновъ. Индійцы ходили
„за нею обыкновенно во многолюдствѣ,
„при лунномъ свѣтѣ, въ надеждѣ, что
„она спитъ, и старались похищать у
„нее добычу; но она всегда почти была
„бдительнымъ стражемъ — и то, что
„служило къ обогащенію людей, надлежа-
„ло покупать кровію. „

Сколь подробно умѣли Древніе рассказывать исторію такого живописнаго, которое конечно никогда не существовало въ такомъ образѣ, какъ они его описывали. Но надобно думать, что при всякомъ случаѣ, когда говорится о свойствахъ и дѣйствіяхъ баснословнаго Грифа, мѣшаютъ его съ онымъ большимъ темноокраснымъ коршуномъ, называемымъ иногда Грифомъ; или съ *Грифокоршуномъ*, о которомъ также нѣкоторые древніе Писатели говорятъ, что онъ слона подымаетъ съ собою на воздухъ и опять опускаетъ на землю до того, пока онъ упадетъ мертвой и можетъ служить пищею сей птицѣ.

Подре-

Подробное описаніе и фигура сего вымышленнаго *Грифа*, которой спереди кажется орломъ, а сзади львомъ, находится въ *Aldrov. Ornithol. Franc. 1610. Lib. X. p. m. 304. &c.* и въ *Johnst. hist. avium p. 225. и Tab. 12. p. 162.* гдѣ между прочимъ повѣствуется, что сіи пщицы дѣлающъ себѣ гнѣзда изъ одного золоша, споль искусно умѣя находить въ горахъ золошыя жилы; и что въ сіи гнѣзда кладушъ онѣ по два яйца, которыя гораздо болѣе и жестче орлиныхъ.

Альдровандусъ и Джонстонъ говорятъ, что естли принимать Грифа за нѣчто дѣйствительное и существенное, то подъ симъ именемъ [откинувъ вымышленной лъвиной образъ] не лзя разумѣть ничего инаго, кромѣ Аравійскаго *Рука* или павлина, *Кондора* или *Грифокоршуча*, о которомъ Г. Бюффонъ сообщаетъ подробное свѣдѣніе.

II. П Е Л И К А Н Ъ .

И въ разсужденіи сей пщицы басня смѣшалась съ Исторіею, единственно для того, чшобы представить въ ней образъ совершенной родительской нѣжности. Еще и по сіе время не извѣстно, по чему нѣко-

копо-

которыя Писатели утверждали, будто Пеликанова самка чрезмѣрными ласками и часнымъ преніемъ своего носа умерщвляетъ своихъ птенцовъ, по помѣ при дни сидишь подлѣ нихъ и показываетъ всѣ знаки величайшей горести; а самецъ, кошорой бываетъ еще печальнѣе самки, терзаетъ носомъ грудь свою, и лиющаяся кровь оживляетъ его птенцовъ. Въ сочиненіяхъ древнихъ Физиковъ нѣтъ ни малаго слѣда такого вымысла, хотя и есть въ оныхъ множество другихъ басней. — Изображеніе баснословнаго Пеликана находится въ Aldrov. Ornith. Lib. XIX. Tab. II. fig. I. Pelicanus Pictorum, и въ Johnst. de avibus. T. 62. fig. I.

Прежде сего Физики весьма старались узнать, какую птицу должно разумѣть подѣ Аристотелевымъ и Эліановымъ Пеликаномъ, и подѣ Плиніевымъ Онокропалусомъ. Нѣкоторыя думали, что Онокропалусъ есть ничто иное, какъ *болотная цапля* [кошорую Линней именуетъ *Ardea stellaris*, и кошорая называется по Нѣмецки *Reyhdommel*, по Французски *Butor*, по Англійски *Bittern*, *Butter-bump*] ибо она выпускаетъ носъ свой въ шину и громко кричитъ. Другіе почитали Пеликаномъ Древнихъ *болотнаго гуся*

гуся [*Löffelgans, Gralla Platalea Linn.*] у котораго носъ похожъ на ложку. Восстусъ полагаетъ за вѣрное, что Пеликанъ есть *большая черная ворона*; а Божаршъ хотѣлъ доказать, что онъ есть *ночной воронъ* (*Nycticorax*) Царя Давида. Можетъ быть сіи различныя мнѣнія были причиною того, что Петръ Гедоинъ почиталъ Пеликана вообще птицею неизвѣстною и баснословною.

Не говоря болѣе о баснословіи Древнихъ, скажемъ, что Пеликанъ нынѣшнихъ Физиковъ есть самъ по себѣ весьма примѣчанія достойная птица. Пеликанъ древнихъ Живописцевъ былъ ничто иное, какъ выдумка; нѣкоторые изображали его орломъ, другіе цаплею. Но Пеликанъ Физиковъ есть собственно нѣкотораго рода гусь, которой по Персидски называется *Такобъ* или *Водоносъ*, и *Мисси* или *Овца*; а сіе послѣднее имя дали ему по величинѣ его. Перья его такъ бѣлы и мягки, какъ гусиныя. Голова у него по соразмѣрности болѣе шѣла. Носъ его будетъ длиною отъ осьмнадцати до двадцати дюймовъ, а шолциною въ руку. Подъ носомъ, во всю длину его, виситъ *мѣшокъ* или *кошель*, въ которомъ сія птица держитъ большое количество

воды,

воды, чтобы ею поливать пищу свою. Обыкновенно кладетъ она длинной носъ свой на спину, чтобы онъ не мешалъ ей. Кормится она по большей части рыбою, которую весьма искусно ловитъ умѣетъ, опуская носъ свой въ воду такимъ образомъ, что рыба попадаетъ въ него какъ въ сѣть. Когда она разинетъ ротъ, то и молодой ягненокъ можетъ пройти въ него. Въ Аравии и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воды мало, дѣлаетъ она гнѣздо свое въ отдаленности отъ рѣкъ и колодезей, какъ бы почувствуя, что въ такихъ мѣстахъ будущею ея менѣе беспокоить. Но употребляя сію предосторожность, нужную для ея спокойствія, бываетъ она принуждена на нѣсколько дней оплестать отъ гнѣзда, чтобы принести воды птенцамъ своимъ, которую набираетъ въ *мѣшокъ*, висящій у нее подъ носомъ. Сіе-то можетъ быть подало поводъ къ древней баснѣ, будто Пеликанъ разщербываетъ грудь свою, чтобы кровью оживить своихъ птенцовъ.

(Продолженіе будетъ впродъ).

III.

Ф Е Н И К С Ъ.

Все то, что выдуманно на щетѣ Пеликана, есть почти ничто въ сравненіи съ шѣми баснями древнихъ Грековъ, которыя они оставили намъ о своемъ Фениксѣ, пщицѣ столь же баснословной, какъ и славная Химера. Они предсказали сего Феникса величиною съ большаго орла. Перья на шеѣ были у него золотыя, прочія пурпуровыя, на головѣ прекрасной хохолъ, хвостъ бѣлой, а въ хвостѣ нѣсколько красноватыхъ перьевъ. Глаза его блискали какъ большія звѣзды. Овидій, какъ Поэтъ, опредѣляетъ ему въ пищу ѳиміамъ и другія благовонія; а Клавдій и Лактанцій одну росу. Съ такимъ же правомъ могли бы они его посадить за столъ языческихъ боговъ, кормить амброзією, а поить однимъ нектаромъ. Сенаторъ Манилій, возвращаясь изъ похода въ восточныя земли, первой разпустилъ въ Римѣ чудной слухъ о сей пщицѣ. Ложь мало по малу принимала видъ совершенной истины, и разпространялась болѣе и болѣе. Одинъ Авторъ написалъ о Фениксѣ

Часть XVII. No. 3. В слѣ-

сѣдующее: „Разсмотримъ чудо, случа-
 „ющееся въ земляхъ восточныхъ. Тамъ
 „есть птица единственная въ своемъ ро-
 „дѣ, называемая Фениксомъ. Она жи-
 „ветъ около 500 лѣтъ; и когда почув-
 „ствуетъ приближеніе смерти своей, по-
 „дѣлаетъ себѣ гнѣздо изъ ѳиміама, смир-
 „ны и другихъ ароматовъ, садится въ
 „оное и черезъ нѣкоторое время умира-
 „етъ. Изъ гниющаго мяса ея родится
 „нѣкоторой червь, которой нѣсколько
 „времени питается шѣломъ птицы, и
 „мало по малу оперяется. Получивъ бо-
 „льше силъ, беретъ гнѣздо, гдѣ лежатъ
 „кости того живошнаго, отъ котораго
 „онъ произошелъ, и летитъ съ нимъ
 „черезъ Аравію въ Египетъ до города
 „Геліополиса. Туда прилетаетъ онъ въ
 „день, будучи всѣми видимъ; кладетъ
 „сіи кости на олтарь Солнцевъ, и по-
 „томъ потчасъ опять улетаеъ. То-
 „гда Египетскіе жрецы справляются съ
 „своими лѣтописями, и по вѣрномъ из-
 „численіи находятъ, что самая сія пти-
 „ца за пять сотъ лѣтъ передъ шѣмъ
 „являлась. „

Изъ Италіи дошла сія басня до Аф-
 рики, какъ то мѣзъ Терпулліана видно.
 Однакожь Древніе въ разсужденіи образа
 смерти

смерти Фениксовой были между собою не согласны. По большей части утверждали, что сей пернашой спарець, чувствуя конецъ свой, садится на костеръ, зажигаетъ его лучами солнечными, макая безпре-
спанно крыльями, и такимъ образомъ сожигаетъ самого себя; а изъ пепла его родился другой Фениксъ — по чему пшца сія и была посвящена Солнцу. Удивительно то, что не смотря на всѣ противорѣчія въ разсужденіи образа смерти и долгошты жизни сей пшцы, Тацитъ ни мало не сомнѣвается въ ея существованіи, и кажется совершенно увѣреннымъ въ томъ, что въ нѣкоторое время дѣйствительно видятъ ее въ Египтѣ.

Имя *Φοῖνιξ*, означающее и пальмовое дерево и оную пшцу, могло подать нѣкоторой поводъ къ сему заблужденію; ибо сокъ пальмоваго дерева такъ пишашеленъ, вкусенъ и здоровъ, что нѣкоторые почитали его наилучшимъ средствомъ къ излѣченію самыхъ опасныхъ болѣзней, и къ продолженію жизни. Впрочемъ мало нужды знать, кто сперва началъ такимъ образомъ играть словами, и Греки ли, или Раввины — Арабы, или Египтяне — украсили сію игру прекрасными выдумками гнѣзда, благовоній,

В 2

сож-

сожженія, смерти, воскресенія, и жертвы благодарности, приносимой Солнцу въ Геліополисѣ. Смѣлые вымыслы Поэповъ и Живописцовъ, сколь они сами по себѣ ни похвальны, такъ же могли способствовать разпространенію сихъ басней. Хорошіе стихи, купно съ изображеніемъ пщицы, возстающей изъ своего пепла — какое сильное средство разпалишь воображеніе такихъ народовъ, копорые всегда любили чудное!

Изображеніе Феникса, сожигающагося на кострѣ, можно видѣть въ Джонстоновомъ сочиненіи, Т. 62, F. 2; а всю басню прочесть на 226 стр. cf. Cours de la Nat. T. IV. p. 309.

Хошя Цезарь Скалигеръ и самъ моѣ все сіе придумать, однакожь ему весьма не хотѣлось изгнать Феникса изъ царства существенности. По тому утверждалъ онъ, что Фениксъ есть Семенда или Семендаль, живущій въ южныхъ земляхъ Индіи. Пишутъ, что у сей пщицы носъ съ шрема уступами, подобно флейтамъ Органа, и что она передъ своею смертію производитъ въ ономъ такіе шоны, копорые составляющъ прекрасное пѣніе. Прочая исторія сей странной пщицы совершенно согласуется съ баснею

баснею

баснею о Фениксѣ. См. Johnst. . с. р. 227.

Семенда и Фениксѣ извѣстны намъ только по имени и по баснямъ. Смѣшно бы было, ещѣли бы кто нибудь въ наши времена вздумалъ пространно опровергать ихъ существованность. Главное намѣреніе наше состоятъ въ томъ, чтобы молодымъ людямъ, начинающимъ учиться Натуральной Исторіи, примѣрами показать, что они могутъ найти множество именъ, подъ которыми, кромѣ игры воображенія, ничего существеннаго разумѣть не лзя.

Къ сему же классу принадлежатъ:

IV.

ГАРПИИ ДРЕВНИХЪ ПОЭТОВЪ.

Сии вымышленныя птицы были составлены изъ женской головы и коршунова корпуса съ кривыми острыми когтями. См. Johnst. Т. 62. Ф. 3. Гезіодъ говоритъ, что ихъ было собственно три: Aello, Osureta и Celano. Въ разсужденіи ихъ произхожденія еще не согласились, хотя бы, кажется, весьма легко было приписать оное воображенію Поэтовъ. Древ-

ніе почитали ихъ Геніями. Виргилій въ 3 книгѣ своей Героической Поэмы назначаетъ имъ жилище на одномъ изъ Греческихъ острововъ, которые тогда назывались Спрофдами и лежали на большомъ Ионическомъ морѣ. Онъ описалъ ихъ ужасными красками. Полетомъ своимъ производятъ онъ ужасной шумъ; а крикъ ихъ столь же несносенъ, какъ и запахъ. Увидя издали пищу, онъ оскверняютъ ее, и все уносятъ съ собою. Сія по хищность, можетъ быть, подала поводъ къ ихъ наименованію, принадлежащему въ собственномъ смыслѣ хищнымъ и злобнымъ людямъ, которые, къ несчастію, не на однихъ Спрофадскихъ островахъ находятся.

Всѣ изобрѣшенія Поэшовъ по большей части основаны на нѣкоторыхъ моральныхъ истинахъ, которыя хотѣли они представить чувственнѣе; и такъ подъ Гарпією, сидящею на мѣшкѣ съ деньгами, разумѣютъ обыкновенно скупого. Иногда же изображаютъ сіи птицы злобу. — Такимъ образомъ и въ Поэзіи и въ Живописи хотѣли Гарпіями изобразить нѣкоторыя пороки.

КОРИЧНАЯ ПТИЦА.

И сія птица принадлежитъ, кажется, или къ выдуманнѣмъ, или по крайней мѣрѣ къ неизвѣстнѣмъ во времена наши. Геродотъ пишетъ, что она птица большая. Другіе сравниваютъ ее съ большимъ воробьемъ, и говорятъ, что она отчасти желтая, отчасти голубая; и что носъ у нее длинной желтоватой. Древніе пишутъ, что она живетъ въ Аравіи; напрошивъ того Албертъ почитаетъ ее отечествомъ Египцію.

Говорятъ, что сіи птицы дѣлаютъ гнѣзды свои изъ маленькихъ вѣтвей коричнаго дерева, или на высокихъ деревьяхъ, или на крутыхъ скалахъ. Когда Арабы захопятъ ихъ поймавъ, то кладутъ близь ихъ гнѣздъ большіе куски мяса. Птицы напрасно стараются опнести сію пищу въ свое гнѣздо; силъ ихъ на то недостаетъ — онѣ упадаютъ съ добычею на землю, и тогда Арабы берутъ ихъ руками. Прекрасная басня, ясно показывающая намъ, что Древніе не имѣли понятія о точныхъ дѣйствіяхъ живошнаго инстинкта, или есте-

ственнаго побужденія, по которому животное никогда не берется за невозможное для себя дѣло. И такъ когда говорится о *Коричной птицѣ*, то можно смѣло полагать, что рассказываетяся басня.

VI.

О *Гаруской птицѣ* извѣстно по одно, что Древніе приписывали ей блестящія перья, которыя могли освѣщать самую глубокую тьму.

VII.

Беллоній почитаетъ и *птицу Каспійскаго моря* неизвѣстною и баснословною птицею. Пишетъ, что она величиною съ гуся; что спина у нее красная, брюхо сѣдое, шея длинная бѣлая съ желтыми пятнышками, и ноги журавлиныя. Въ описаніи сей птицы всего примѣчательнѣе то, что она квакаетъ какъ лягушка.

VIII.

Между вымышленными птицами находящяся и такія, которыя произхожденіе

не надобно искашь въ Мифологіи или въ баснословіи древнихъ язычниковъ. На пр. извѣстно изъ басни, что Мемнонъ, сынъ Титоновъ и Авроринъ, былъ превращенъ Апеллономъ въ пшцу, кошорая болѣ прочихъ размножается, и всякой годъ — какъ ушверждали Древніе — летаетъ изъ Египти въ Трою, чтобы на гробъ отца своего пролить слезы сыновней любви.

IX.

СЕЛЕВКСКАЯ ПТИЦА.

Жители горы Казіуса и Селевкии просили Юпитера, чтобы онъ послалъ имъ такую пшцу, кошорая могла бы освободить ихъ отъ множества саранчи, поѣдавшей хлѣбъ ихъ. Кажется, будто языческой богъ исполнилъ ихъ прозьбу, пославъ имъ *Селевкскую птицу*; ибо Плиній въ десятой книгѣ своей Натуральной Истории пишетъ, что она ужасно пожираетъ саранчу — кошорая, по Джонстонову свидѣтельствъ, въ желудкѣ ея совсѣмъ исчезаетъ — и сравниваетъ ее съ нѣкошорыми людьми, кошорыя единственно тогда показывающся, когда имѣютъ въ чемъ нибудь нужду, и посяца-

юшѣ своихѣ знакомыхѣ только въ то время, когда хотяшѣ отъ нихѣ чѣмѣнибудь воспользоваться.

Х.

ПТИЦА СТИМФАЛИЧЕСКАГО ОЗЕРА.

Пишутѣ, будто сіи птицы, величиною ужасныя, жили прежде въ Аркадіи, и наиболѣе держались близъ береговъ Стимфалическаго озера, гдѣ былѣ отъ нихѣ несносной духѣ. Геркулесу предоставлена была честь изшребить ихѣ стрѣлами своими; ибо онѣ, по словамѣ Павзанія, жестоко гнали тамошнихѣ жителей. Бѣшли вѣрить Белону, по сіи птицы въ самомѣ дѣлѣ существовали. Онѣ говорилѣ, что онѣ величиною сѣ журавля; что на головѣ у нихѣ хохолѣ; что впрочемѣ подобны онѣ Ибису, или черному Египетскому аисту; что онѣ часто бываюшѣ видимы въ Аравійскихѣ пустыняхѣ, и свирѣпостію своею подобны львамѣ и барсамѣ. Джонстонѣ пишетѣ, что онѣ хожя и подобны Ибису, однакожѣ носѣ у нихѣ не кривой, и шакѣ острѣ и крѣпокѣ, что онѣ могушѣ онымѣ про-
шкнущѣ

ткнушь щипъ. Плиній также называетъ ихъ хохлашыми. (LXI. 6. 37). Изидоръ почитаетъ ихъ морскими птицами; а другіе пишутъ, что онъ живущъ въ пустыняхъ — противорѣчіе, по которому можно сомнѣваться въ существованіи сихъ птицъ!

XI.

Аристофанъ говоритъ еще о нѣкоторой птицѣ, которую называетъ онъ Фенедріопсомъ, но о которой кромѣ его никто не упоминаетъ.

XII.

Сирены, которыя обыкновенно почитались морскими Нимфами, по мнѣнію Джонсона также принадлежатъ къ числу баснословныхъ птицъ, копя изображали ихъ сверху женщинами, а снизу рыбами; ибо нѣкоторымъ любителямъ вымысловъ угодно было превратить ихъ верхнюю часть въ воробья, а нижнюю въ женщину. Правда, что человекъ въ произведеніяхъ своего воображенія самовластенъ, и по волѣ можетъ давать имъ всякіе виды; однакожь щасливы мы, что въ наши просвѣщенные времена не имѣемъ

емъ нужды вымышлять чудовищъ, чтобы такимъ гіероглифомъ изобразить какою нибудь истину. Кто ко щастію своему не побѣдился разсмотрѣть Натуну во всемъ ея пространствѣ, во всей ея многообразности и красотѣ, тому легко будетъ и въ царствѣ дѣйствительности найти множество предметовъ, которыми по своей волѣ можетъ аллегорически изобразить всякія добродѣтели и пороки. Впрочемъ всегда не мудро поступитъ тотъ, кто, желая доказать или предсказать чувственнѣе истину, прибѣгнетъ къ выдумкамъ.

ОТРЫВОКЪ РЪЧИ

О

СТРЕМЛЕНІИ ПОДРАЖАТЬ ИНОСТРАНЦАМЪ (*).

Всякой, разсматривающей со вниманіемъ характеръ и нравы народовъ, долженъ со мною согласиться, что каждая нація имѣетъ къ себѣ нѣкоторое почтеніе, одушевляется нѣкоторою благородною гордостію. И если мы поищемъ причины

чины

(*) Сочиненіе Іосифа Рецера — переводъ съ Нѣмецкаго.

чины сему, то найдемъ, что сія гордость основывается на ея древности, могуществѣ и великихъ дѣлахъ, воинскихъ и гражданскихъ, или на оныхъ мужахъ, копорыхъ она произвела вѣнѣдрахъ своихъ, и копорымъ удивлялись всѣ народы; почему гордость ея справедлива. Какъ же нація должна думать о шакомъ недостойномъ гражданинѣ своемъ, копорой презираетъ честь и славу своего отечества, и только иностранное уважаетъ, чужаго желаетъ, и чужому подражаетъ; копорой, презирая природной языкъ свой, учится только иностраннымъ; копорой едва ли по имени знаетъ сочинителей, составляющихъ славу своего народа, отечественные нравы почитаетъ грубыми, и по голосу, тѣлодвиженіямъ и плашью естъ иностранецъ; копорой не удостоиваетъ своего употребленія никакой вещи, не изъ за-моря привезенной? Не презираютъ ли его всѣ благоразумные соотечественники? Не почитаютъ ли его всѣ прочіе сограждане извергомъ, измѣнникомъ, предателемъ своего отечества? — И я, я изберу долю сего несчастнаго? Я буду подражать ему? . . Нѣтъ! лучше удалюсь отъ всякаго человѣческаго общества, лучше буду жить въ пещерахъ дикихъ

дикихъ звѣрей, нежели пить горькую чашу презрѣнія справедливыхъ согражданъ моихъ.

Еще бы можно было нѣкоторымъ образомъ извинить сихъ рабскихъ подражателей, естли бы они надѣялись чрезъ то прославиться и быть щасливыми; или естли бы иностранцы думали объ нихъ шѣмъ выгоднѣе, чѣмъ несноснѣе кажутся они своимъ соотечественникамъ. Но въ противномъ увѣряетъ насъ оное *народное самоуваженіе*, оная благородная гордость, которую — какъ я уже сказалъ — имѣютъ всѣ націи. Всякой народъ почитаетъ иностранцевъ неспособными достигнуть той степени совершенства, до которой по его мнѣнію онъ достигъ. Что же подумаетъ нація о томъ, которой, будучи отъ природы склоненъ къ тихой важности, перенимаетъ ея говорливость, или, наслѣдуя постоянной національной характеръ, рабскимъ подражаніемъ старается приобрѣсти въ обхожденіи и въ шѣлодвиженіяхъ живость, собственно ей принадлежащую; которой, не произнося на природномъ языкѣ и пяти словъ безъ ошибки, хочетъ на языкѣ ея сочинять стихи? Не будетъ ли она смѣясь надъ нимъ? не назоветъ ли его
обезъ-

обезьяною? или, по крайней мѣрѣ, не пожалѣетъ ли о его несчастномъ опытѣ? Можеть быть одинъ изъ многихъ [ибо различны душевныя дарованія] и будетъ въ подражаніи своемъ щастливѣе: однакожь иностранцы, по оной національной гордости, не воздадутъ ему надлежащей хвалы, которую по его достоинству конечно бы воздалъ ему народъ его.

Не думайте, государи мои, чтобы я намѣренъ былъ оуждать шѣхъ славныхъ Авторовъ, копорые писали на иностранномъ языкѣ, можеть быть болѣе прочихъ обработанномъ, и копорыхъ превозходныя шворенія читаются съ удивленіемъ отъ Лиссабона до Константинополя — въ то время, когда еще нашъ языкъ былъ грубъ и необработанъ; когда еще не было у насъ оныхъ сочинителей, копорыми наша нація по справедливости можеть гордиться. Нѣтъ, государи мои! я вмѣстѣ съ вами удивляюсь нашему Цезарю, Лейбницу, Бару, Пельницу и Билефельду. Однакожь иностранцы не приписываютъ имъ той похвалы, копорой они достойны. Я имѣлъ случай говорить съ Французомъ о сочиненіяхъ Барона Билефельда со всемъ свойственнымъ мнѣ жаромъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ весь-

ма холодно: *oui, il écrit assez bien en François pour un allemand* [да, для Нѣмца пишетъ онъ по французски порядно] — а вы знаете, что Французъ разумѣетъ подѣ названіемъ *allemand*.

Какъ же безразсудны и несчастливы сии подражатели, которые, привыкнувъ уважать одно чужое, доходятъ наконецъ до такого состоянія, что нигдѣ не имѣютъ права гражданства! Презирая все въ отечествѣ своемъ, бывающъ за то предметомъ ненависти своихъ согражданъ и посмѣяніемъ иностранцевъ, которыми столь рабски подражаютъ. Никогда, никогда не буду я прошивъ тебя неблагодарецъ, любезное мое отечество! Всегда буду стараться быть тебя достойнымъ. Знаю и чту твою древность, великія дѣла сыновъ твоихъ, служившихъ Религіи и Наукамъ, и прославившихся въ цѣломъ мірѣ. Воздаю честь храбрости, вѣрности, важности и посюянству моихъ Патриотовъ. Но еслии и въ другихъ земляхъ найду что нибудь хорошее, могущее возвысить истинную славу моей націи, и служить къ истинному щастію моихъ согражданъ, то никогда не откажусь подражать тому.

~~~~~

МИЗОНЪ ХЕНСКОЙ,
или
ДВЯТЕЛЬНОЙ МУДРЕЦЪ.

Древній Философической анекдотъ ().*

Во время семи Греческихъ мудрецовъ было уже въ обыкновеніи путешествовать, чтобы научиться чужимъ наукамъ и узнавать людей. Но сіе обыкновеніе отличалось отъ нынѣшняго тѣмъ, что тогда путешествовали по большей части люди разумные, желавшіе обогатиться чужими знаніями, а не безбородые юноши, дорогою цѣною покупающіе чужіе пороки и болѣзни. Грекъ ѣздилъ въ Египетъ, чтобы научиться мудрости; а когда Египетская мудрость хорошо принялась на Греческомъ грунѣ, и принесла благословенные плоды, тогда ѣздили въ Грецію для собиранія сихъ плодовъ — такъ какъ нынѣ начинаютъ ѣздить изъ Франціи и Англій въ Германію за основательными продуктами Философій.

Часть XVII. Но. 4.

Г

Ана-

(*) Переведенной съ Нѣмецкаго языка изъ Нѣмецкаго Меркурія.

Анахарсисъ, братъ Царя Скиѣскаго, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые пріѣхали въ Грецію для того, чтобы тамъ обогатиться мудростію. Онъ познакомился со всѣми древними мудрецами, и свелъ дружбу съ Солономъ, которой удивлялся его остроумію. Такимъ образомъ Анахарсисъ зналъ уже Греческую мудрость, но не былъ еще доволенъ; онъ чувствовалъ въ душѣ своей нѣкоторую пустоту, которую хотѣлъ наполнить истинною мудростію, и рѣшился ѣхать въ Дельфы, чтобы спросить, кто въ Греціи мудрѣе его — кто знаетъ всю Греческую мудрость.

Онъ спросилъ — въ Пифіи обнаружилась божественная конвульсія, и Анахарсисъ изъ афористическаго отвѣта ея заключилъ, что Мизонъ Хенской въ Лакедемонской области мудрѣе его (*).

Анахарсисъ поблагодарилъ чистымъ золотомъ за полезное извѣстіе, сообщенное ему Аполлономъ; приготовился къ путешествію, и отправился въ Хену. Никакая волшебная молнія и никакой искусствомъ производимой громъ не препятствовали ему — такъ какъ Геркулесу,

(*) Диогенъ Лаертій въ жизни Мизона.

лесу, когда онъ шелъ къ мудрецамъ Индйскимъ — прибыть благополучно къ мудрецу Хенскому.

Лѣто уже приходило къ концу, и вечеръ былъ прекрасной, когда онъ съ голоднымъ желудкомъ и съ жаждущею мудрости душою прѣѣхалъ въ Хену. Мѣстечко было не велико; маленькіе хорошіе домики привлекли къ себѣ взоры его, а спокойные дружелюбные поселяне, съ искренностію желавшіе ему добра, привлекли къ себѣ его сердце. Онъ спросилъ о Мизонѣ. Съ ласковою услужливостію указали ему на средину мѣстечка. Онъ пошелъ, и издали увидѣлъ прекрасной домикъ, кошорой былъ поболѣе прочихъ; у воротъ стоялъ почтенной старецъ. Тутъ рѣшился онъ снова освѣдомиться о своемъ мудрецѣ. Подошедши поближе, увидѣлъ онъ, что старикъ придѣлываетъ къ сохѣ рукоятку. Сіе удивило его, — ибо тогда было уже время жатвы. Другъ мой! сказалъ онъ ему: мнѣ кажется, что теперь не время работать сохою. Однакожь время ее чинить, освѣчалъ ему старецъ (*).

Г 2

добно

(*) Диогенъ Лерцій рассказываетъ сей анекдотъ въ жизни его.

добно признаться, что отвѣтъ хорошъ, сказалъ Анахарсисъ: ты знаешь искусство отвѣчать, другъ мой; и по тому надѣюсь я вѣрно узнать отъ тебя, гдѣ живетъ мудрецъ Мизонъ.

Мизонъ? сказалъ старецъ — ибо зима жизни посребрила уже волосы его — Мизонъ подлѣ тебя; но не спрашивай у него мудрости — она пребываетъ въ Дельфахъ у Аполлона — тамъ ее спрашивай.

Я теперь отъ него, отвѣчалъ Анахарсисъ, и пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы познакомиться съ Мизономъ.

Развѣ онъ можетъ тебѣ сдѣлать услугу? спросилъ старецъ. Превеликую, отвѣчалъ Анахарсисъ.

Хорошо, сказалъ старецъ: радуюсь, что онъ можетъ служить тебѣ. Вотъ тебѣ рука его — пойдѣмъ въ его жилище.

Какъ! возкликнулъ Анахарсисъ въ удивленіи: ты Мизонъ? Мизонъ, отвѣчалъ старецъ: но естли ты ищешь Мизона въ пурпуровой одеждѣ, то конечно не найдешь его. Я найду его, сказалъ Анахарсисъ: ибо почтенной видѣ его превращаетъ полошнюю одежду въ пурпуръ.

Это

Это *аттически* (*) сказано, отвѣчалъ Мизонъ; но пойдѣмъ ко мнѣ въ домъ; можетъ быть ты будешь говорить со мною простѣе. Я принимаю твое благосклонное приглашеніе, сказалъ Анахарсисъ: но прежде позволь мнѣ, почтенной старецъ, свести съ тобою дружбу и обнять тебя.

Мизонъ обнялъ его отъ добраго сердца и сказалъ: поди въ домъ мой, гдѣ опытомъ докажу тебѣ дружбу свою. Анахарсисъ съ живымъ чувствомъ пожалъ у старца руку, и вошелъ съ нимъ на дворъ.

Тутъ все было чисто и просто. Голуби и куры вмѣстѣ бѣжали клевать кормъ, которой бросала имъ хозяйка, одѣтая въ бѣлое полотняное платье. Я привелъ къ тебѣ странника — сказалъ ей Мизонъ — которой хочетъ насъ поѣштить. Добродушная жена его съ улыбкою взглянула на Анахарсиса, подошла къ нему и подала ему руку. Пойдемъ, любезной странникъ, сказала она: ты конечно отъ дороги усталъ; и шакъ оп-

Г 3

дохни

(*) Сказать аттически значило у Грековъ сказать остроумно.

дохни у насъ. Анахарсисъ взялъ ее за руку и пошелъ за нею.

Они вошли въ порядочной домъ; и Мизонъ, принудивъ Анахарсиса сѣсть, спросилъ у него, чѣмъ можешь ему служишь.

Когда ты такъ искренно хочешь одолжать меня, сказалъ Анахарсисъ, то я конечно удовлетворю требованію твоему. Но прежде надобно сказать тебѣ, кто я. Зовущъ меня Анахарсисомъ; я братъ царя Скиѣскаго, и въ Грецію прѣхалъ за тѣмъ, чтобы учиться мудрости; посѣщалъ мудрецовъ вашихъ, и каждой сказалъ мнѣ нѣсколько умныхъ словъ. Талесъ говоритъ, что величайшая наука есть познаніе самого себя; Солонъ утверждаетъ, что надобно избирать не пріятнѣйшее, а лучшее — и такимъ образомъ всякой объявилъ мнѣ нѣчто доброе. Но я не былъ тѣмъ доволенъ — пошелъ къ Аполлону въ Дельфы, и спросилъ, кто еще мудрѣе меня, собравшаго всю мудрость Греческую? Пифія отвѣчала: Мизонъ Хенской — и такъ я отправился въ Хену, чтобы научиться отъ тебя мудрости. Всякой Греческой мудрецъ сказывалъ мнѣ хорошія правила; теперъ прошу, чтобы ты

увѣн-

увѣнчалъ мудрость, собранную мною въ опечествѣ швоемъ, и сказалъ мнѣ, что *собственно для меня* всего мудрѣе.

Мизонъ посмотрѣлъ на него, подумалъ и сказалъ: другъ мой! благодарю тебя и Аполлона за то хорошее мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете; однакожь мнѣ удивительно, какъ вы оба — Аполлонъ и ты — вздумали искать мудрости въ эпомъ маленькомъ мѣстечкѣ. Я не могу научить тебя никакимъ мудрымъ пословицамъ, такъ какъ мудрецы Греческіе; ибо не думаю, чтобы истинная мудрость состояла въ блистательныхъ правилахъ и пословицахъ. Но если ты неоптмѣнно хочешь почитать меня мудрымъ, то позволь сказать, что мудрость по мнѣнію моему пріобрѣтается дѣятельностію. Правила и пословицы полезны; но онѣ мало принесутъ пользы, если опытомъ не увѣришься въ истиннѣ ихъ. И такъ пробудь нѣсколько времени въ Греціи, и посмотри, какъ живутъ мудрые мужи; тогда будутъ у тебя образцы, по которымъ можешь исполнять пословицы мудрыхъ. Однакожь я скажу тебѣ одну пословицу, которая для тебя — ибо ты братъ царской — есть самая мудрѣйшая. *Замѣшь, что можно*

быть мудрымъ безъ всякаго блеска и безъ зависти? Болѣе ничего не могу сказать тебѣ.

Ты довольно сказалъ, отвѣчалъ Анахарсисъ: но въ доказательство, что я готовъ исполнять свои наставленія, позволь мнѣ побыть у тебя нѣсколько времени, члобы изъ дѣлъ твоихъ научиться мудрости; ибо я увѣренъ, что въ жизни твоей найду лучшія правила оной.

Ты весьма ласково говоришь со мною, сказалъ старецъ: но въ доказательство, что я въ дѣлахъ своихъ не имѣю причины тебя бояться, съ удовольствіемъ хочу съ тобою жить, пока тебѣ угодно.

Анахарсисъ благодарилъ его за такую благосклонность, и Мизонъ разговаривалъ съ гостемъ своимъ о Скиеской землѣ до того времени, какъ Арета приготовила небольшой деревенской ужинъ, такой чистой и вкусной, что самъ овецъ Юпитеръ не отказался бы сѣсть за столъ, такъ какъ нѣкогда у Филемона и Бавкиды.

Лишь только хотѣли они садиться, вбѣжали съ шумомъ три мальчика, крича всѣ вдругъ: ахъ, дѣдушка! миленькой дѣдуш-

дѣдушка! тамъ лежишь бѣдной чело-
вѣкъ.

Гдѣ? гдѣ? сказалъ съ торопливостію
Мизонъ.

У воротъ, отвѣчали дѣти: онъ ле-
жалъ у забора противъ нашего сада, не
могъ итти, и просилъ насъ, чтобы мы
довели его до дому; мы взяли его за ру-
ки и привели сюда.

Другъ мой! сказалъ Мизонъ: ты
конечно позволишь мнѣ отдать преиму-
щество праву человѣколюбія передъ пра-
вомъ учтивости. Мнѣ надобно прежде
сходить къ этому челоѣку; а ты меж-
ду тѣмъ садись съ женою моею за
ужинъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Анахарсисъ:
я пойду съ тобою за добрымъ дѣломъ.
Всталъ и пошелъ съ Мизономъ.

У воротъ нашли они челоѣка, ко-
торой былъ уже въ лѣпахъ: скорбь и
бѣдность изсушили лице его и помрачи-
ли его взоры. Другъ мой! сказалъ ему
Мизонъ: чѣмъ могу служить тебѣ? —
О доброй челоѣкъ! отвѣчалъ странникъ:
сжался надъ бѣднымъ, кошорой не мо-
жешь передвигать ногъ! Я изъ Аѳинъ;
разпочительная жена и дѣти, ею раз-
вращенныя, ввергли меня въ нещастіе.
Прошу только напоить и накормить ме-

ня, чтобы я могъ ипши искать себѣ пропитанія. — Охотно напою и накормлю тебя, сказалъ Мизонъ: а естли можно, то и болѣе для тебя сдѣлаю. Пойдемъ ко мнѣ, странникъ!

Бѣдной, собравъ всѣ силы свои, припашился на дворъ, и сѣлъ на крыльцѣ. Поди въ домъ, сказалъ Мизонъ; но странникъ просилъ, чтобы онъ позволилъ ему тутъ остаться и отдохнуть. Мизонъ изподнилъ волю его, принесъ ему хлѣба и плодовъ, и по томъ сѣлъ самъ за столъ ужинать съ Анахарсисомъ.

Ты оставишь этова человѣка у себя ночевать? сказалъ Анахарсисъ. Оставляю, отвѣчалъ Мизонъ; по тому что онъ имѣетъ нужду въ моей помощи. Но естли онъ обманщикъ? спросилъ Анахарсисъ.

Какая нужда! Дѣлая ему добро, исполняю должность человѣколюбія; а естли онъ обманщикъ, то шѣмъ хуже для него.

Но естли онъ тебя въ эту ночь обокрадетъ? —

Нѣтъ — онъ слабъ, а сокровищи мои весьма тяжелы. Развѣ ты думаешь, что онъ, подобно Геркулесу, можетъ угнать скотъ мой и унести на себѣ мою пашню? Сверхъ того мнѣ позволено наблю-

блюдать всевозможную осторожность. Если бы онъ былъ человѣкъ сильной и съ виду подозрительной, то я отвелъ бы ему маленькую горницу, построенную для того на дворѣ, и заперъ бы ворота; а принять его обязанъ я по челоуѣколюбію.

Хорошо, сказалъ Анахарсисъ; но что же сдѣлаешь съ нимъ завтра? Если ли ему нужна будетъ помощь моя, отвѣчалъ Мизонъ, то я попрошу, чтобы приняли его въ *домъ челоуѣколюбія*, которой мы здѣсь завели. Старыя женщины наши (*) понедѣльно тамъ хозяйствуютъ, а двѣ дѣвушки служатъ больнымъ, чтобы научиться челоуѣколюбію и узнавать бѣдность челоуѣческую. Тамъ ему будетъ не худо; потому что каждой изъ поселянъ нашихъ почитаетъ себя за честь доставлять въ домъ челоуѣколюбія сѣстные припасы и плаще, смотря по надобности.

Это благодѣтельное заведеніе мнѣ весьма нравится, сказалъ Анахарсисъ: мнѣ
бы

(*) Въ Парижѣ многія знатныя Госпожи берутъ на себя попеченіе о заключенныхъ въ темницахъ больныхъ. Говартъ о темницахъ.

бы хотѣлось самому о семотрѣть его. Завтра можетъ исполниться воля пвоя, опяѣчалъ Мизонъ: а шеперь займетъ ше-ба другой предметъ. Въ нѣкоторые дни недѣли по вечерамъ собираюшя у меня мальчики и молодыя дѣвушки; съ ними приходяшъ и прочіе жишели мѣспечка на-шего — и такимъ образомъ садимся мы подѣ буковымъ деревомъ въ саду по-зади маленькаго моего домика. Тамъ въ крапкихъ повѣстяхъ представляю имъ разные примѣры великодушія, гостепріимства и человѣколюбія. Старики, братья мои, также разсказываютъ разные исторіи; а когда примѣ-тимъ, что дѣши перестаютъ уже со вниманіемъ слушать наши настав-ленія, то позволяемъ имъ играть въ невинныя игры, и примѣчаемъ ихъ стра-сти, чшобы узнать собственной харак-теръ каждаго, и какимъ образомъ можно его поправить. Мы разсуждаемъ вмѣстѣ о порокахъ, которой въ комъ нибудь изъ нихъ примѣтимъ, и всякой сказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ его поправить. Такимъ образомъ проведемъ мы вечеръ пріяшно и не безъ пользы. Думаю, что скоро придутъ молодые и старыя пова-рищи мои; и шакъ, другъ мой, насы-цайся

щайся по своей волѣ, а по томѣ вспа-
немѣ и будемѣ ихѣ дожидаться.

Анахарсисѣ насытился — вспали
изѣ за-стола и дожидались гостей. Но
Мизонѣ сходилѣ прежде къ страннику,
копорой сидѣлѣ у него на крыльцѣ, и
пригласилѣ его съ собою въ садѣ; по
томѣ сѣли они подѣ шѣнїю бука. Уже
соловьи пѣть перестали; но за шѣ нѣж-
ное журчанїе вокругѣ ихѣ разпространя-
лося и вливало крошкое спокойствїе въ
грудь ихѣ.

Вдругѣ пришли старики и дѣти.
За всякимѣ старикомѣ шло по нѣсколькѣ
дѣтей. Они поклонились Мизону и
странникамѣ; старики дружески пожали
у Мизона руку. По томѣ всѣ сѣли,
мальчики и дѣвушки, вокругѣ бука. И
Мизонова Ареша пришла шуда съ вѣко-
шорыми пожилыми женщинами. Мизонѣ
началѣ говорить согласно съ чувствами
своего сердца. Онѣ благодарилѣ боговѣ
за богатую жашву; и при семѣ случаѣ
доказывалѣ своимѣ согражданамѣ, что
они должны подражать богамѣ, осыпав-
шимѣ ихѣ дарами своими, и быть все-
гда благодарными и гостепрїимными.
По томѣ рассказалѣ имѣ, какѣ Филе-
монѣ и Бавкида угостили Юпитера, и
какѣ

какъ царь Феакійскій, Алькиноосъ, дружески принялъ Улисса. Онъ рассказывалъ имъ и другіе примѣры изъ собственной своей жазни. По томъ — видя, что вниманіе юныхъ слушателей его спало уменьшаться — позволилъ имъ начать игры свои.

Вдругъ вскочили всѣ мальчики и дѣвушки, начали перешептываться объ играхъ, прыгать отъ радости и по томъ играть въ кегли и въ Кошпабусъ — бросая маленькими камешками въ поставленную цѣль — и въ Короли, игру, Мизономъ изобрѣтенную. Одинъ былъ Королемъ, а другіе приходили къ нему съ дѣлами, которыя надлежало ему рѣшить. Въ сію игру играли большіе мальчики, для изощренія ума своего. Дѣвушки были Адвокатами и съ той и съ другой стороны. Маленькіе плясали въ кругахъ, или играли въ жмурки. Мизонъ и прочіе старики ходили между ими, правили играми, рѣшили споры и примѣчали зараждающіяся спраспи и характеръ cadaго, чтобы послѣ взявъ надлежащія мѣры къ ихъ исправленію.

Были у нихъ и другія игры для упражненія разума; но для оныхъ назначались особливые дни.

Мѣсяцъ взошелъ уже высоко, и старики примѣшили, что время по домамъ разойтися. Игры кончились. Всѣ, отъ молодаго до стараго, пожелали Мизону и странникамъ пріятнаго сна, и съ радостнымъ сердцемъ пошли домой.

Мизонъ ошвелъ слабаго Аѳинскаго странника въ домъ и положилъ на постелю; а по томъ пришелъ опять къ Анахарсису, которой еще ни мало не хотѣлъ спать, и сѣлъ съ нимъ, подъ буквымъ деревомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, небо было такъ чисто, зефиръ вѣялъ такъ нѣжно, что Анахарсисъ пришелъ въ восхищеніе, и самъ Мизонъ чувствовалъ въ душѣ своей такое веселіе, какого онъ уже давно не чувствовалъ. Клянусь Юпитеромъ, сказалъ Анахарсисъ, что я еще ни къ одному старцу не ощущалъ такой любви, какую къ тебѣ ощущаю, Мизонъ! И даже самаго вѣрнаго друга моего, съ которымъ утвердили мы дружбу союзомъ крови (*), едва ли любилъ я болѣе. — Я самъ полюбилъ тебя,

(*) Скионы, желая подружиться, прокалывали себѣ палецъ, выпускали кровь въ стаканъ, пили ее, и клялись вѣчно не нарушать союза дружбы. — См. Лукіан. разговоръ о дружбѣ.

бя, молодой человекъ — сказалъ Мизонъ — полюбилъ за твое искреннее и прямое сердце. Такъ дай же мнѣ правую руку, добродушной старецѣ! сказалъ Анахарсисъ. Мизонъ подалъ ему правую руку, и взаимная склонность заставила ихъ обняться.

Теперь открой мнѣ, сказалъ Анахарсисъ, какъ могъ ты въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ научиться той мудрости, которую въ тебѣ примѣчаю?

Какъ можно мнѣ отвѣчать на вопросъ твой? сказалъ Мизонъ: я никакъ не могу почитать себя мудрецомъ, видя въ себѣ еще многіе недостатки. А еслили хотя отчасти вѣришь тому, что ты мнѣ приписываешь, то я имѣю можетъ быть доброй, здравой разумъ, исправленной поспояннымъ размышленіемъ и уклоненіемъ отъ всякаго суетнаго разсѣянія, и отъ природы доброй характеръ, утвержденной обхожденіемъ съ честными сельскими жителями, и сбереженной отъ городскихъ пороковъ страстей. Вотъ все то, что я сказать могу. Но отъ этого будетъ еще доброй скачокъ до той мудрости, которую ты мнѣ приписываешь.

(Продолженіе будетъ впродъ)

Продолженіе Мизона Хенскаго.

Ты скромнѣ, сказалъ Анахарсисъ: болѣе не хочу приводить тебя въ замѣшательство. Однакожъ въ удовольствіе мое можешь ты рассказать мнѣ, какъ тебя возпиывали — какъ ты жилъ и образовалъ пошъ здоровой разумъ, пошъ челоѵколюбивой характеръ (*), копорой напечатлѣнъ во всемъ существѣ швомъ пакъ ясно, какъ Минерва на Ашшическихъ монетахъ.

Часть XVII. No. 5.

Д

Другъ

(*) Хотя какой-то Аристоксенъ, о которомъ упоминаетъ Діогенъ Лаертій въ жизни Мизоновой, и называетъ его Мизантропомъ — можетъ быть для того, что онъ уединенно жилъ въ деревнѣ: — но какъ Аполлонъ и Греція объявили его однимъ изъ мудрѣйшихъ, то по моему мнѣнію лучше положиться на Аполлона, Грецію и на имя мудреца, нежели на Аристоксена. По сельской жизни своей могъ онъ быть шѣмъ челоѵкомъ, къ копорому по справедливости надлежало опнести слова: *мудръ безъ всякаго блеска*. Чшобы судить объ немъ, надобно прочесть описаніе добродѣтельной жизни его въ 18 рѣчи Максима Тиріуса, §. 1. по Геинзіеву порядку.

Другъ мой! сказалъ Мизонъ: ты не малаго пребуешь, желая, чтобы я говорилъ о самомъ себѣ. Въ такомъ случаѣ у скромнаго человѣка печать съ лица пошъ градомъ, и языкъ худо ворочается. Однакожь небо чисто, душа моя радостна, ты доброй чистосердечной человѣкъ, не любящей злословія — корешко сказать, я оставляю свои сомнѣнія, и расскажу тебѣ главныя обстоятельство своей жизни.

МИЗОНОВА ИСТОРИЯ.

Спримонъ былъ сынъ Фессалійскаго Владѣльца, котораго одинъ изъ его Со-вѣтниковъ — человѣкъ хитрой, коварной и властолюбивой — лишилъ короны и жизни. Спримону надлежало уйти, ибо ему угрожала судьба отца его. Онъ взялъ съ собою все то, что могъ; и любя науки, вознамѣрился путешествовать въ Египетъ, чтобы тамъ научиться мудрости, составляющей наилучшее утѣшеніе несчастливыхъ и разумныхъ людей. Онъ прибылъ въ Египетъ — видѣлъ Пирамиды, Обелиски, Героглифы, Монуменшы Египетскихъ аистовъ и Царей Мемфисскихъ и Фивскихъ, Лабиринтъ, озеро Мерисъ

МерисѢ и всю славу Египетскую. ОнѢ учился Морали подѢ руководствомъ жрецовѢ, упражнялся въ ФизикѢ, и преимущественно вникалѢ во взаимную симпатію жизненныхъ и безжизненныхъ вещей, копорю держится шѢлесной мірѢ, и души дружбою и любовью совокупающся. ОнѢ учился прилѢжно, возвысилѢ духѢ свой, размягчилѢ сердце, узналѢ всѢ науки Египетскія, и наконецѢ поѢхалѢ далѢе, желая болѢе познакомиться со свѢтомѢ. ОнѢ проѢхалѢ разныя земли, и пошомѢ прибылѢ къ Царю Лидійскому, гдѢ его приняли съ отличною честію; ибо у него былѢ важной, почтенной видѢ. ОнѢ говорилѢ смѢло и красно — и всѢ поступки его были сшоль опмѢнны, что всякой кричалѢ: *я еще не видывалѢ тако-го челоѢвка!* Царь, копорому уже при-скучили единообразные разговоры и поступки его придворныхъ, дивился чудному челоѢвку, и полюбилѢ Спримона. ОнѢ сталѢ другомѢ ЦарскимѢ; а Царская дружба, умные глаза, пріятной голосѢ и Аполлонова красота, сдѢлали его другомѢ всѢхъ придворныхъ госпожѢ. Старыя госпожи хвалили его мужеспвенной умной видѢ, а дѢвицы пріятность въ одеждѢ и пламя въ глазахъ его. ВсѢ люди съ

изумленіемъ обращали на него взоры, какъ на комету невиданную.

Ты можешь быть удивляешься, Анахарсисъ, что я въ самой спарости своей описываю сего человѣка такъ живо — не правда ли? Но человѣкъ, любимой муштинами и женщинами, былъ мой отецъ. Въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ я красоту его, и самъ ему удивлялся, не зная, что онъ отецъ мой. — Слушай же далѣе.

Только одна изъ женщинъ удостоилась его вниманія. Она была дочь Царскаго Совѣтника -- дѣвица нѣжная, скромная, бѣлокурая, важная — любившая умозрѣніе, и весьма холодно обходившаяся со всѣми муштинами. Будучи любовыпшна, прилѣжно слушала она разговоры отца моего, и находила въ нихъ удовольствіе; ибо онъ говорилъ съ размышленіемъ, съ пріятностію и — что всего болѣе прельщало нѣжную душу ея — съ чувствомъ. Не примѣтно спала она къ нему благосклоннѣе, и по цѣлымъ часамъ начала съ нимъ разговаривать. Онъ описывалъ ей свои путешествія; а она съ жадностію слушала все то, что онъ сказывалъ ей о Египетскихъ наукахъ, о симпатіи жизненныхъ и безжизненныхъ вещей. Нако-

нецъ

нецъ и сама она почувствовала къ нему симпатію, которая черезъ нѣкоторое время увѣнчалась тайнымъ бракомъ. Она рѣдко показывалась въ публичныхъ собраніяхъ, и пошомъ на нѣкоторое время удалилась въ увеселительной замокъ отца своего; но извѣстная склонность ея къ уединенію отворачивала всякое подозрѣніе. Въ семъ замкѣ я родился.

При Дворѣ былъ тогда старой Аѣинской жрецъ, человекъ доброй, имѣвшій сердце чистое и прямое, и припомъ опмѣнно оспрой разумъ. Отецъ мой полюбилъ сего человека за его натуральные и правдивые поступки, и свелъ съ нимъ шѣсную дружбу. Изъ Аѣинъ выгнали его за то, что онъ для общей пользы хотѣлъ обнародовать нравственное Элевзинское ученіе; послѣ чего странствовалъ онъ, подобно Адраспу, изъ земли въ землю, изъ государства въ государство — въ путешествіи своемъ пріобрѣлъ много мудрости и человекознанія, и въ обхожденіи былъ весьма пріятенъ. Великая его любовь къ наукамъ наиболѣе подружила его съ опцемъ моимъ. Сему человеку открылъ отецъ мой тайну свою и опдалъ меня на воспитаніе, въ ожиданіи удобнаго случая къ обнародованію своего брака,

брака, чего еще тогда по разнымъ обстоятельствамъ не лзя было сдѣлать. Дѣдушка мой, производя въ прямой линіи отъ Царей, и будучи начальникомъ цѣлой области и повѣреннымъ Царскимъ, весьма гордился своимъ родомъ и чиномъ; и по тому никакъ не могло спасться, чтобы онъ согласился выдать дочь свою за такого человѣка, коимъ — не смотря на то, что онъ былъ любимецъ Царской и человѣкъ весьма достойной — могъ быть роду подлаго. Отецъ же мой никакъ не хотѣлъ открытъ своего сошьянія, желая, чтобы почитали его по личнымъ достоинствамъ, а не по роду.

Коротко сказать, воспитаніе мое поручили Дикпису, Аѳинскому жрецу, коимъ уѣхалъ со мною въ свободную Лакедемонскую область. Тамъ, во время своего путешествія, познакомился онъ съ однимъ пожилымъ человѣкомъ, коимъ былъ совершенно по сердцу его — уменъ, чещенъ, добросердеченъ. Сей человѣкъ былъ не худо воспитанъ, но нужда заставила его удалиться отъ обманчивой Аѳинской пышности, и въ сельской жизни искать спокойствія. Тутъ поселился онъ съ двумя сыновьями, достойными отца своего; сыновья жени-

лись

лись — и такимъ образомъ выстроилъ онъ съ семействомъ своимъ маленькую деревеньку, которую назвали по его имени Хеною. Онъ жилъ уединенно, и воспитывалъ дѣтей и внучатъ своихъ, дѣлая ихъ добрыми людьми посредствомъ хорошихъ наставленій и примѣровъ. Дикписъ рѣшился жить въ его деревенькѣ, и какъ скоро мнѣ уже не было нужды въ кормилицѣ, отдалъ меня на руки добродѣтельной женѣ Хенесовой. Живя въ томъ же домѣ, онъ самъ смотрѣлъ за мною; а когда я выросъ поблѣе и могъ уже пользоваться его наставленіями, то никогда почти не отходилъ отъ него, кромѣ нѣхъ часовъ, въ которые игралъ съ своими товарищами. Но часто самъ онъ училъ насъ разнымъ играмъ и бывалъ ихъ начальникомъ. Когда же онъ обрабатывалъ садъ или поле свое, я бывалъ съ нимъ, игралъ подлѣ него съ дѣтскою невинностію, и часто заставлялъ добраго старика улыбаться, придавая бездѣлкамъ смѣшной видъ важности. Иногда я предлагалъ ему вопросы — добродушной старецъ облакачивался на заступъ, а я ловилъ всякое слово его; ибо онъ говорилъ всегда такъ чистосердечно и хорошо, что я не могъ

его наслушаться. Иногда изъяснялъ онъ мнѣ, смотря по моимъ лѣтамъ, разныя дѣйствія Нашуры, что забавляло меня не менѣе новой игры, или какойнибудь остроумной загадки; ибо съ самаго младенчества любилъ я все натуральное, чему причинсю было разумное воспитаніе и простой характеръ самого воспитателя моего, старавшагося отвлечь меня отъ всего искусственнаго. Отыдохая послѣ работы своей, научалъ онъ меня разнымъ моральнымъ пословицамъ и объяснялъ ихъ примѣрами, которые самъ видѣлъ, или извлекъ изъ опытовъ другихъ людей. Сверхъ того заставлялъ меня учить наизусть стихи, содержащіе въ себѣ хорошія правила — стихи изъ Гезіода, изъ Орфеевой Морали, или изъ другихъ мудрыхъ Пѣвцевъ.

Такимъ образомъ въ пріятномъ ученіи прошли лѣта моего дѣтства, и я вступилъ въ возрастъ отроча съ живымъ, искреннимъ, правдивымъ сердцемъ и съ любопытнымъ духомъ. Тогда мудрой мой Несторъ началъ сообщать мнѣ въ порядкѣ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя прежде сообщалъ игрою, утверждая ихъ причинами и опытами изъ разныхъ сценъ человѣческой жизни.

Онъ

Онѣ училѣ меня благодарить боговъ, даровавшихѣ мнѣ бытіе и множество радостей въ жизни; сказывалѣ мнѣ, чѣмѣ я обязанѣ сочеловѣкамѣ моимѣ, которые всѣ вообще и почасти должны споспѣшествовать благополучію разумнаго рода своего, чтобы всякой жилѣ весело и спокойно, и могѣ исполнять шѣ обязанности, къ которымѣ онѣ назначенѣ. Изѣ сего выводилѣ онѣ добродѣтели обходительности, челоѣколюбія, дружбы, и всѣ шѣ обязанности, кошорыми мы другѣ другу обязаны, и которыя нѣкошорымѣ образомѣ надлежитѣ намѣ наблюдать и въ разсужденіи прочихѣ живешныхѣ. Кроткая, почтенная важность, съ кошою предлагалѣ онѣ всѣ свои ученія, а еще солѣ дѣяшельная любовь къ ближнимѣ увѣрила меня въ истинѣ сихѣ обязанностей и въ ихѣ необходимости къ истинному спокойствію жизни. Мудрыя наставленія его вселили въ меня способность къ горячей велицемерной дружбѣ, къ обходительности, къ патріошизму, къ челоѣколюбію, объемяющему цѣлой мірѣ. Есльи и нынѣ сіи добродѣтели освящаютѣ сердце мое, то ихѣ посадилѣ во мнѣ мудрой Диктисѣ.

Я росъ, и спалъ юноша. Тутъ открылось новое позорище. Однажды, занявшись важнымъ разговоромъ, просидѣли мы до полуночи. Вдругъ Дикписъ возвысилъ голосъ — божественное пламя возсіяло въ глазахъ его. Сынъ мой! сказалъ онъ: до сего времени главнымъ предметомъ ученія моего были обязанности твои въ разсужденіи человѣческаго рода; теперъ же подробнѣе скажу тебѣ, чѣмъ ты самому себѣ обязанъ. Я научу тебя стараться о собственномъ своемъ благѣ. Человѣка можно назвать добрымъ; но его врожденное самолюбіе и склонность ко всему тому, что ему пріятнымъ кажется, преступили въ общежитіи надлежаще предѣлы, и произвели злодѣевъ, которые съ адскимъ остроуміемъ выдумали многочисленные пороки, совсѣмъ неизвѣстные тебѣ, живущему здѣсь въ обѣяшіяхъ Природы. Можешь быть по смерти моей придеть какой нибудь подлець, которой познакомишь тебя съ сими пороками, утаивъ ядъ ихъ и спасительное лѣкарство, отвращающее ужасное дѣйствіе онаго. Для того намѣренъ я открышь тебѣ ихъ въ сіи тихія минушы, чшобы ты самъ отъ нихъ предостерегся и другихъ предостеречь могъ.

Тутъ

Тутъ началъ онъ мнѣ рассказывать пороки утонченнаго сладоспрастія, господствующаго въ Вавилонѣ, въ Аѳинахъ, въ Сардисѣ и въ другихъ развращенныхъ городахъ — картина ихъ ужасныхъ слѣдствій привела меня въ шрепетъ. Съ того времени началъ онъ наставлятъ меня въ правилахъ тонкой свѣтской науки, вознамѣрившись показать мнѣ челоуѣка въ цѣломъ, и объѣздить со мною славнѣйшіе города и государства. Легко можешь представить себѣ, другъ мой, какъ сіе намѣреніе пріятно было душѣ моей. Но Судьба, предупреждая разслабленіе души нашей, всегда выѣшиваетъ въ нектаръ радости по нѣскольку горькихъ капель. Такъ и со мною случилось. Любопытство побуждало меня видѣть людей; но сладчайшая склонность удерживала меня въ прелестной Хенѣ, и помрачала шѣ блистательныя надежды, которыя основывалъ я на своемъ пущешествіи. Можешь ли отгадать, что меня удерживало?

Въ сердцѣ моемъ таилась такая склонность, которой, съ нѣкоторыми условіями, не лзя похулить въ чувствительной юношѣ. Я чувствовалъ нѣжную любовь къ дочери Хенесовой, доброй, привѣтливой, щикой, голубоглазой,
чисто.

чистосердечной дѣвушкѣ, и споль разумной, что ее можно было почестъ воспитанницею Грацій и Минервы — а сіе и въ самомъ дѣлѣ почти такъ было. Крошкующю, нѣжную улыбку наслѣдовала она отъ своей любезной матери, а мудрости научилась отъ мудраго моего Дикписа. Она была лучшимъ доказательствомъ его благоразумія и искусства воспитывать людей. Умная мать сообщила ей всѣ знанія, нужныя доброй хозяйкѣ, для соблюденія порядка въ дому своемъ и для щастія своего мужа и семейства. Но Дикписъ увѣнчалъ ея хорошее воспитаніе, возвысилъ природную доброшу сердца ея моральными наставленіями, и предохранилъ оное отъ всякихъ суетныхъ стремленій. Онъ образовалъ разумъ ея повѣствованіемъ о чудесахъ Натуры, и описаніемъ земель и народовъ. Въ пруднѣйшихъ наукахъ наставлялъ Дикписъ меня одного, думая, что онъ бесполезны для женскаго пола. Впрочемъ училъ онъ насъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми Хенесовыми, наставляя въ пріятной мудрости и въ наукѣ нравственной. Потомъ, для нужнаго душевнаго отдохновенія, играли мы въ разныя игры, приводящія шло въ полезное движеніе. — Такимъ обра-

образомъ мудрой Дикписѣ велѣ насѣ пущемъ пріятности и пользы, ошѣ первыхъ дѣшскихъ забавѣ до важнѣйшихъ упражненій взрослыхъ людей.

Но пришло время разлучиться. Мнѣ надлежало оставитъ мою любезную, крошкующую, разумную и прелестную подругу — ту, кошорая со мною гармонически улыбалась, и проливала нѣжныя слезы, когда я плакалъ. Мнѣ надлежало проститься съ великодушною, добродѣтельною дѣвицею; ибо насталъ день, и мы съ Дикписомъ ошправились въ пущь. Черезъ Фракію и Геллеспонтѣ проѣхали мы въ Азію, пробираясь въ Лидію, гдѣ Дикписѣ хотѣлъ представить меня ошцу моему, и шребовать ошѣ него повелѣнія въ разсужденіи дальнѣйшаго моего пущешествія. Тушѣ увидѣлъ я блескъ Лидійскаго Двора; увидѣлъ ошца своего, умнаго величественнаго мужа, и удивлялся ему — какъ я прежде сказалъ — не зная, что онѣ мой ошець. Онѣ былѣ тогда знатнѣйшимъ человѣкомъ при Дворѣ и правою рукою Царскою. Дѣдѣ мой спалѣ менѣе гордиться царскимъ своимъ происхожденіемъ, и согласился всенародно признать его зяшемъ своимъ; а особливо когда узналъ, что онѣ самѣ родился ошѣ

Θессалійскаго полубога. Но отецъ мой не хотѣлъ еще мнѣ открыться. Сперва надлежало Дикшису довершивъ возпѣваніе мое, познакомить меня съ людьми, съ землями и съ Египетскими науками. Потомъ хотѣлъ онъ самъ пріѣхать за мною въ Хену, которую описалъ ему Дикшисъ прелестными красками, и объявить себя отцемъ моимъ. Такъ уговорились они втайнѣ, а я поѣхалъ съ Дикшисомъ черезъ Сирію въ Египетъ.

Тамъ узналъ я Физику, исторію боговъ, Хронологію, взаимную симпатію вещей, и вообще всѣ Египетскія науки; и, подобно отцу моему, видѣлъ Пирамиды и Обелиски, Лабиринтъ, озеро Мерисъ, памятники священныя аистовъ, Царей Мемфисскихъ и Θивскихъ — коротко сказать, всю славу Египетскую. Пробывъ въ Египтѣ нѣсколько лѣтъ, поѣхалъ я въ значительнѣйшія Африканскія земли; а отшуду, черезъ Сирію и Феникійскую землю, назадъ въ Азію. Вездѣ осматривалъ я славнѣйшіе города, и примѣчалъ, какъ спраши и пороки утончаются вмѣстѣ съ народными нравами.

Коротко сказать, другъ мой, пятилѣтнее путешествіе удовлетворило моему желанію учиться иностраннымъ наукамъ,
видѣшь

видѣть дальніе города и разныхъ людей. Всѣмъ сердцемъ своимъ спремился я къ любезной, спокойной Хенѣ, гдѣ въ радости пропекли первыя лѣта моей жизни. Самому Дикпису наскучила уже Одиссейская странствующая жизнь — и такъ мы возвратились въ Хену. Тамъ возобновились въ душѣ моей прелестныя идеи юности; тамъ нашелъ я опять вѣрныхъ своихъ молодыхъ и старыхъ друзей, маленькой садикъ, освѣняемые липами ручайки, и нѣжную мою Арешу — ибо она была моя любезная. Слѣды прежней красоты ея можешь видѣть еще среди пріятныхъ морщинъ старости. Ахъ, другъ мой! вообрази, какою радостію я наслаждался, возвращаясь послѣ нѣпильшней разлуки въ ея дружескія объятія, къ ея вѣрному сердцу!

Тогда рѣшился я провести съ нею всю жизнь мою въ спокойствіи и тишинѣ, хотя и могъ подозрѣвать, что меня не къ тому назначали; въ чемъ и не ошибся. Едва только сердце мое снова пріобрѣло прежнюю довѣренность моей Арешы, увидѣлъ я въ одинъ день бѣдующую къ намъ колесницу, въ кошорой сидѣлъ богато одѣтой человекъ съ женщиною. Пріѣхавшіе спрашивали Дикписа;

а скоро по шумѣ пришелъ Дикшисъ ко мнѣ, и позвалъ меня съ собою въ садъ. Мы вошли въ домъ. Тутъ Дикшисъ сказалъ мнѣ: Мизонъ! я только тебя воспитывалъ: вотъ истинные родители твои, даровавшие тебѣ жизнь. — Другъ мой! представь себѣ мое изумленіе. Все во мнѣ оцѣпенѣло. Наконецъ подошелъ я къ отцу моему, и съ любовію подалъ ему руку. Онъ обнялъ меня и подвелъ къ моей матери. Потомъ объявилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ за мною, хочетъ меня представить Лидійскому Двору, и сдѣлать знашнымъ человѣкомъ. Принесли богатое платье, и въ изумленіи своемъ допустилъ я нарядить себя. Мать моя съ нѣжною поспѣшностію рассказала мнѣ, что она приготовила для меня прекрасной домъ и еще нѣчто прекраснѣйшее — а именно, пригожую, бѣлокурую невѣсту, которая во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ мастерица, богата какъ Плутусъ, и происходитъ отъ царской фамиліи.

(Продолженіе будетъ впереди)

Продолженіе Мизона Хенскаго.

Назови ее дочерью великаго Юпишера, которая вылупилась изъ янца Ледина (*), сказалъ я: для меня все одно. — „Какъ! развѣ ты ни во что спавишь родъ Царей Лидійскихъ?„ — О нѣштѣ! ошвѣчалъ я съ нѣкоторымъ движеніемъ: только весьма сомнишельно, чшобы она была пакъ вѣрна, невинна, кропка и прелестна, какъ моя Ареша. — „Чшо? швоя Ареша? Да кто она?„ — Моя любезная, дочь спараго добродушнаго Хенеса. Я люблю ее какъ правой глазъ свой, и думаю, что она всѣхъ на свѣштѣ лучше. По крайней мѣрѣ знаю шо, что не женюсь ни на комъ, кромъ моей Арешы. — „Ты не женишься ни на комъ, кромъ своей Арешы? Какъ бытъ этому? Опецъ швой производшѣ опѣ Ѳессаллійскихъ Владѣльцевъ, я свойственница Царя Лидійскаго, тебя сдѣлаетъ опецъ знатнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ и со временемъ повѣреннымъ Царскимъ, а женою швоею будетъ дочь бѣднаго поселянина, жипеля

Часть XVII. No. 6.

Е

ма-

(*) Извѣстно по Миеологіи, что изъ янца Ледина родились Елена и Клишменспра.

маленькой деревеньки? Мизонъ! какъ этому спасться?, — Какъ этому спасться, машушка? сказалъ я пишайшимъ голосомъ, ибо назвалъ ее матерью: естли тебѣ угодно, шо я изъясню сіе. Ареша для меня любезнѣе, чистосердечнѣе, невиннѣе и умнѣе всѣхъ женщинъ подлунною; она съ самаго младенчества моего вмѣстѣ со мною возлипывалась, всегда меня любила, любила какъ самое себя; я клялся быть вѣрнымъ, искреннимъ другомъ ея — и мнѣ оставить ее, оставить для знапности, для богатства? Мнѣ, ученику мудраго Дикписа, копорой училъ меня быть всегда добрымъ и держать слово свое — мнѣ, поставлявшему честность за непремѣнное правило жизни своей, мнѣ нарушить свое слово, подобно подлomu рабу, и покинуть милую Арешу? Машушка, любезная машушка! какъ этому спасться?

Возраженіе было сильно; наслѣдственная гордость и придворной шонѣ возпоржествовали. Отвѣчай же мнѣ, сказала она съ жаромъ, отвѣчай, хочешь ли ѣхать съ нами въ Лидію, и разспасться съ своею хваленою Арешою, или намѣренъ жизнь свою провести въ эпой уединенной деревенькѣ?

Оживѣнїѣ мой былѣ коротокѣ. Есть-ли тебѣ угодно, машушка, по я сѣ побою побѣду: только бы Ареша была моею. А безѣ нее не пронусь сѣ мѣста. — Ты самѣ видишь, сказала она ошцу моему, что его не дѣзя передѣлашь. Онѣ думаетѣ совсѣмѣ не такѣ, какѣ надобно думать знатному человекѣ. Оставимѣ его, и побѣдемѣ навздѣ.

Тутѣ ошцѣ мой вошелѣ вѣ посредство. Со всею силою краснорѣчїя убѣждалѣ онѣ меня ѣхать сѣ нимѣ. Можетѣ бышь со временемѣ я и позволю тебѣ жениться на Арешѣ, говорилѣ онѣ: только теперѣ побѣзжай сѣ нами. Но я примѣшилѣ его намѣренїе разлучить меня сѣ нею, и сказалѣ ему: Оставь меня, батюшка, оставь меня жить здѣсь сѣ моею Арешою вѣ тишинѣ и мирѣ. Я не гожусь для Лидїйскаго Двора; будучи просто възпитанѣ, никогда не могу примѣниться кѣ тонкимѣ нравамѣ людей придворныхѣ. Можетѣ бышь вѣ семѣ уединенномѣ мѣстѣ небольшїя знанїя мои принесутѣ мнѣ болѣе пользы, нежели при Дворѣ, кѣ которому я не способенѣ. И такѣ оставь меня здѣсь, батюшка. — Сынѣ! сказалѣ онѣ пронувшись: ты думаешь благородно, чшя дружбу, и держа слово,

какъ прилично мужу. Нравы придворные мнѣ извѣстны — и по тому спарался я возпищать тебя въ невинности сердца и въ простотѣ души. Никакъ не могу винить тебя тѣмъ, что ты честную сельскую жизнь предпочитаешь блестятельному безпокойству Двора, а вѣрную жену искусной мастерицѣ во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ и во всѣхъ хитростяхъ притворства. И такъ отдаю тебѣ на волю, здѣсь оспаться, или ѣхать съ нами.

Благодарю, благодарю тебя, батюшка! сказалъ я; и остаюсь здѣсь съ своею милою Аретою и съ добродушными друзьями моими. Хотѣлось бы мнѣ жить и съ тобою, батюшка; но ты видишь, что я съ своею опкровенностію и простотою не могу жить въ большомъ свѣтѣ. И такъ прости мнѣ, добросердечной родитель, что я не ѣду съ тобою.

Отецъ мой молчалъ и углублялся въ размышленіи. Потомъ вдругъ съ нѣжностію меня обнялъ и сказалъ: Оставайся здѣсь, сынъ мой, и наслаждайся спокойными радостями сельской невинности. Можетъ быть придетъ время, въ которое самъ я приѣду сюда окончать въ тишинѣ жизнь свою. Теперь честь не велитъ

ведишь мнѣ оставить того пути, на которой я уже вступилъ. И такъ черезъ нѣсколько дней надлежитъ мнѣ опять разлучиться съ побою; но въ сіи дни хочу веселиться твоею Арешою, друзьями твоими и сельскими забавами.

Такъ сказалъ онъ, и сдержалъ свое слово, и пробылъ съ нами нѣсколько дней. Узнавъ мою Арешу, похвалялъ ея природныя прелести, разумъ и сердце; бесѣдовалъ съ почтеннымъ престарѣлымъ Хенесомъ и съ прочими добрыми людьми нашей деревеньки, и признался, что душа его въ сообществѣ нашемъ вкушала спокойствіе, до того времени ему неизвѣстное. Сама мать моя помирилась со мною и съ простою сельскою жизнью, и радовалась пріятными естественными сценами. Отецъ мой сколько удѣлилъ мнѣ отъ своего богатства, что я безъ всякой нужды могъ жить особливымъ домомъ. Наконецъ насталъ день ихъ отъѣзда; съ сердечною скорбію разставались они со мною и съ сельскими удовольствіями.

Такимъ образомъ я оспался въ Хенѣ, и женился на своей любезной Арешѣ. Мы жили такъ согласно, такъ весело и невинно, какъ только доброй Филемонъ

могъ жить съ своею вѣрною Бавкидою въ оныя златыя времена Поэтовъ. Бракъ нашъ былъ благословенъ добрыми дѣтьми, которыхъ воспитывать помогалъ мнѣ мудрой Дикшисъ, самого меня воспитавшій. Дружба и согласіе питали сердца наши, подобно какъ живительная теплота весенняго солнца питаетъ юную озимь. Мы вели самую Елисейскую жизнь. Деревенька наша стала разпространяться: ибо нѣкоторые добрые Лакедемонцы почли за щастіе переселись къ намъ и участвовашъ въ нашемъ мирѣ и спокойствіи; добродѣтели ихъ увеличили наше благополучіе.

Но скоро надлежало мнѣ вкусить первую горестъ въ жизни моей. Опецъ, другъ мой, Дикшисъ, добродѣтельной старецъ, скончался; и смерть его причинила всеобщую печаль въ нашей деревнѣ. Мы оплакивали мудраго старца, и погребли его подъ симъ букомъ. Другъ Анахарсисъ! ты сидишь на могилѣ почтеннѣйшаго изъ смертныхъ! . . . И такъ ты посадилъ меня на лучшее мѣсто въ жилищѣ своемъ, сказалъ Анахарсисъ, — вспалъ и осмотрѣлъ могилу. Потомъ, будучи пронутъ до глубины сердца, спрашивалъ онъ подробности о харак-

характерѣ и жизни покойнаго Дикпися; но видя, что возпоминаніе о немъ слишкомъ прогастѣ Мизона, просилъ его продолжать повѣсть свою. Мизонъ исполнилъ его волю, и продолжалъ свое повѣствованіе.

Скоро по кончинѣ моего вѣрнаго наставника, Дикпися, щастіе привело ко мнѣ другаго — самого опца моего. Мать моя умерла. Онъ не любилъ придворной жизни; а послѣ ея смерти ничто уже не удерживало его при Лидійскомъ Дворѣ. Тогда рѣшился онъ провести со мною вѣ шиннѣ жизнь свою. Но едва началъ онъ вкушать истинное сельское спокойствіе, Судьба опять его у меня похитила; и кончина его повергла меня вѣ глубокую печаль. Мнѣ казалось, что весь свѣшъ оспавилъ меня; но я собралъ мужество свое, выгналъ изъ головы и сердца пустую мечту, и разсудилъ, что у меня осталась еще вѣрная жена, остались еще вѣрные друзья. Попеченіе о всеобщемъ благѣ, копорымъ прежде занимался Дикписѣ, пало тогда на меня; ибо мудрыя Дикписовы наставленія и полезное пупешествіе при его руководствѣ сдѣлали меня самымъ опытымъ и вѣщимъ человекомъ вѣ маленькомъ мѣ-

спечкѣ нашемѣ. Всѣ приходили ко мнѣ шребовать совѣща, и всѣ любили меня какъ отца; а я старался искренностію и ласками своими приобрѣсти дружбу всякаго согражданина моего. Не тщетно было мое стараніе. Мнѣ поручили начальство, и я опечески пекся о благѣ общества нашего. Число жилищей деревеньки нашей мало по малу умножалось, а съ онымѣ умножались и порочныя привычки, копорыя поселяне наши по естественному побужденію другѣ у друга перенимали, и копорыя доходили наконецѣ до вышшей степени злаго порока. Я зналъ по опыту, что чѣмѣ болѣе города, тѣмѣ многообразнѣе и пороки бывающѣ; и по тому рѣшился — не могши возпрепятствовать разпространенію нашей деревеньки — стараться по крайней мѣрѣ о томѣ, чтобы не давати умножаться злу и питать корень добродѣтели.

Доброша и прочность зданія зависятѣ отѣ швердоспи фундамента; и такѣ я все свое стараніе приложилѣ къ хорошему основанію моральной доброты согражданѣ своихѣ — а именно, къ разумному възпишанію. Дикуртѣ показалѣ мнѣ примѣрѣ тому въ Лакедемонѣ. Питомцы его умѣли себя обуздывать; но онѣ

онѣ возпишывалѣ жестокосердыхѣ воинѣ и нечувствительныхѣ гражданѣ, и не уважалѣ главной опоры хорошаго воспитанія — то есть, онѣ мало заботился о женскомѣ полѣ. Тѣхѣ, которыя отѣ самой груди должны занимать ся непримѣшнымѣ воспитаніемѣ младенца, непримѣшнымѣ, но часто рѣшительнымѣ въ добрую или худую сторону будущей жизни его; которыя составляютѣ прекрасную и любезнѣйшую половину рода человеческого; которыя, будучи невѣстами и разумными хозяйками, образуютѣ какѣ воскѣ сердца юношей и мужей, и возпламеняютѣ къ великимѣ благороднымѣ дѣйствіямѣ, или дѣлаютѣ ихѣ подлыми сластолюбцами и людьми легкомысленными — шѣхѣ забылѣ онѣ, и не попекся о благѣ души ихѣ. Онѣ же, по тонкости своего чувства, могутѣ дойти до высочайшей изящности въ моральныхѣ дѣйствіяхѣ, пристойныхѣ полу ихѣ, еслии ихѣ научатѣ въ самомѣ началѣ обуздывать свои быстрыя страсти, произходящія отѣ сего же самаго тонкаго, нѣжнаго чувства, и еслии помогутѣ разуму ихѣ беспрепятственно царствовать на тронѣ основательнаго разсужденія; корешко сказать, другѣ мой, еслии

сообщаѣ имѣ сполько мудрости и моральныхъ примѣровѣ, чшобы въ разумной душѣ ихѣ не было той пустоты, которая часто вовлекаетѣ ихѣ въ пучину страстей. Все сіе обдумалѣ я основательно, и увѣрился, что разумная мать хорошимѣ възпитаніемѣ весьма много можетѣ содѣйствовать къ сердечной добротѣ дѣтей своихѣ. И такѣ я вознамѣрился щазательно стараться о просвѣщеніи женскаго пола. Для сего избралѣ я нѣкоторыхѣ умныхѣ женщинѣ и наставлялѣ ихѣ въ Морали. Помомѣ всѣ дѣвушки мѣстечка нашего должны были учиться у нихѣ — младшія у однѣхѣ, старшія у другихѣ — разнымѣ женскимѣ руководѣльямѣ, хозяйству, и притомѣ добронравію. Я удѣлялѣ еженедѣльно отѣ работы своей по нѣскольку часовѣ на то, чшобы смотрѣть, какѣ учатѣ сіи умныя женщины, и самѣ сообщалѣ хорошія моральныя мысли и пословицы, и рассказывалѣ всякія полезныя повѣсти изѣ нравственнаго и физическаго міра. Взрослыхѣ дѣвушекѣ наставлялѣ я въ наукѣ възпитывать будущихѣ дѣтей своихѣ. Слыша, что которая нибудѣ изѣ нихѣ идетѣ за мужѣ, я призывалѣ ее за нѣсколько дней передѣ бракомѣ къ себѣ,

себѣ, изъяснялъ ей должности, которыми мать обязана дѣтямъ своимъ, и училъ ее, по нѣкопорому сочиненному мною плану, нужнѣйшимъ правиламъ пруднаго искусства возпитывать человека. Послѣ ея замужства освѣдомлялся я, какъ она исполняетъ мои правила, и самъ посѣщалъ ее; а примѣтивъ прощупки, или узнавъ о томъ отъ своихъ повѣренныхъ, имѣвшихъ надзираніе надъ воспитаніемъ, съ опеческою кротостію увѣщавалъ ее загладитъ сіи прощупки. Если родители упрямылись, то по общему договору, на которой всѣмъ молодымъ супругамъ передъ бракомъ своимъ надлежало соглашаться, отнимали у нихъ дѣтей, и отдавали ихъ мужамъ разумнымъ, избираемымъ по большинству голосовъ. Родители должны были давать симъ воспитателямъ все нужное для своихъ дѣтей; а если они сами были бѣдны, то дѣтей воспитывали на щепъ общей казны.

Такимъ образомъ учредили мы воспитаніе. Но чтобы болѣе утвердить и всенародно прославить цѣломудріе, нужнѣйшую добродѣтель для матерей, долженствовавшихъ воспитывать младенцевъ: то ежегодно передъ жашвою было

у насъ шоржество, на которомъ по большинству голосовъ цѣломудреннѣйшая дѣвушка увѣнчивалась розами; еспѣли сія дѣвушка была бѣдна, шо получала знатное приданое, чтобы она могла вышпи за мужѣ и бытъ матерью добрыхъ дѣшей. Былъ у насъ и другой праздникъ, на которомъ публично награждались дубовымъ вѣнкомъ двѣ другія добродѣтели, хотя не собственно женскому полу принадлежащія, однакожь похвальныя и нужныя для онаго — а именно, великодушіе и швердость. Та, которая въ честь своей пріятельницы или другой женщины рассказывала великодушнѣйшее дѣйствіе, получала сама миртовой вѣнокъ. Чрезъ сіе женщины наши отвращались отъ свойствъ низкихъ душъ, отъ зависти и суешности, и возпламенялись ревностію къ истинному душевному благородству.

Не забыли мы и воспитанія юношей. Для нихъ назначенъ былъ шоржественной день, въ которой лучшія дѣйствія награждались дубовымъ вѣнкомъ. Но какъ мужчины отъ природы шверже и нечувствительнѣе женщинъ, шо мы увѣнчивали болѣе человеклюбивыя, нежели мужественныя и сильныя дѣйствія. Къ мужественнымъ дѣйствіямъ они уже самымъ
возпи-

возпишаніемъ пригото́влены были; и кто когда нибудь поступалъ подло, шопъ подвергался всеобщему презрѣнію, и былъ опчужденъ отъ всѣхъ празднествъ и публичныхъ игръ до самаго своего исправленія. Сіе установленіе налагало цѣпи на склонность ко злу. Сверхъ того двумъ разумнѣйшимъ спарцамъ было поручено учить юношей, вселять въ нихъ ревность къ благороднымъ дѣйствіямъ, имѣть попеченіе о благонравіи каждаго, и всенародно давать въ помъ опчешъ. Они же смотрѣли и за общимъ столомъ юношей. Тебѣ надобно знать, другъ мой, что мы всѣ безъ исключенія обѣдаемъ за общими столами: мужи съ юношами, а дѣвушки съ нашими женами. Это еще Ликургова выдумка, которая показалась мнѣ полезною; ибо чрезъ сіе удерживаются отъ лакомства и сластолюбія какъ старыя, такъ и молодые люди — и сообщество разумныхъ мужей во время обѣда можетъ юношей нечувствительно образовать и довести до шого, до чего никогда не доведешь ихъ важными правилами. Послѣ стола старѣйшіе садятся вмѣстѣ и разговариваютъ, а младшіе играютъ. Игры послѣ обѣда заведены только для движенія; онѣ продолжаются короткое время,

и потомъ всякой идетъ къ своему дѣлу. Но другія игры, изощряющія разумъ, бывающъ въ нѣкоторыя опредѣленные дни, въ праздники боговъ, или въ другое время, когда отдыхаемъ отъ работы. Лѣтомъ собираемся мы подъ симъ букомъ, а зимою въ нѣкоторыя дни сходимся въ нашей общей столовой залѣ.

Еще надлежало мнѣ сохранить святость одной похвальнѣйшей добродѣтели — вѣрности въ дружбѣ. Ты знаешь, сколь часто самолюбіе и привязанность къ собственной пользѣ побуждающъ насъ дѣйствовать ко вреду нашихъ друзей, шѣхъ, которые, раздѣляя съ нами добро и зло, возвышающъ цвѣтъ нашихъ радостей и услаждающъ горесть нашихъ несчастій, и потому необходимо нужны для удовольствія жизни нашей. Для сего-то вознамѣрился я дружескую вѣрность подкрѣпить Религіею, честію и внѣшнею благопристойностію. Не далеко отсюда есть небольшой храмъ съ олтаремъ; онъ посвященъ гостепріимному Юпитеру. Когда два друга чувствуютъ пламенное желаніе заключить между собою истинную дружбу, то они объявляютъ сіе собранію. Потомъ разсматривающъ, сходны ли ихъ характеры; пред-
став-

спавляютьъ имъ всеобщее презрѣніе, которое можетъ сдѣлать несчастною всю будущую жизнь ихъ, естли они разорвутъ дружбу; даютьъ имъ время на размышленіе, чшобы они могли основательно все обдумать прежде заключенія неразрывнаго союза дружбы. Естли они пребываютъ тверды въ своемъ намѣреніи, то приводятъ ихъ торжественно къ олтарю гостепріимнаго Юпитера, гдѣ клянутся они взаимно соблюдать вѣчную дружбу, которую у насъ донинѣ такъ же ненарушимо соблюдали, какъ ваши Скиѣты соблюдаютъ свой союзъ крови (*). По крайней мѣрѣ имѣтъ еще примѣра, чшобы такіе друзья были когда нибудь другъ другу невѣрны. Сія дружба столь же тверда, какъ и связь супружества; а ненарушимость ея умножаетъ общую довѣренность между нами, и доводитъ до высочайшей степени взаимное соучаствованіе въ щастіи и несчастіи. Что приключается одному, то падаетъ и на другаго; но въ случаѣ обмана и невѣрности вся тяжесть презрѣнія пала бы на одного виновнаго, и принудила бы его наконецъ совсѣмъ оставить наше мѣстечко.

(*) О семъ говорено было прежде.

ко. Такъ установили мы, и положили за правило не допускать до сего союза тѣхъ, которымъ еще нѣшъ прищипи лѣшъ (*).

(Продолженіе будетъ впереди)

(*) Сія неразрывная дружба можетъ показаться романическою; но существенность ея доказывается нѣкоторымъ незнаемымъ и весьма еще не упонченнымъ народомъ въ Далмаціи, Морлаками, которыхъ не льзя почестъ язычниками по тому, что они имѣютъ языческія обыкновенія. Когда два Морлака рѣшатся заключить между собою долговѣчной союзъ дружбы, то объявляютъ о томъ Епископу; по семъ торжественно отводятъ ихъ въ храмъ, гдѣ передъ Олтаремъ клянутся они соблюдать неразрывную дружбу. Не было почти примѣра, чтобы такая дружба разрывалась, говоритъ Сочинитель описанія Морлакскихъ нравовъ, откуда я взялъ сіе извѣстіе. См. главу о дружбѣ.

Продолженіе Мизона Хенскаго,

Вотъ главныя учрежденія наши, которыми ушверждаемъ мы благоначіе въ маленькой нашей республикѣ. Предметомъ попеченій нашихъ есть преимущественно нравственность молодыхъ людей; ибо мы знаемъ, что юноши, которыхъ моральскія свойства означены печатью добродѣтели и хорошихъ наставленій, и въ самой старости своей не лишатся сего знака, и по тому, болѣе и болѣе созрѣвая въ разумѣ, должны безпрестанно возрастать въ добрѣ. По крайней мѣрѣ мы того отъ нихъ ожидаемъ. Но еслили кто нибудь изъ нихъ, пришедши въ лѣта, испортился: то онъ будетъ наказанъ всеобщимъ презрѣніемъ, ужаснѣйшимъ наказаніемъ между нами; ибо преступникъ, заслужившій оное, не можетъ присутствовать ни въ какомъ публичномъ собраніи нашемъ, совершенно опчуждается отъ обхожденія съ другими, и среди своихъ согражданъ долженъ жить въ изгнаніи, пока раскаится въ своемъ преступленіи, и дѣйствительно исправитъ характеръ свой.

Теперь, другъ мой Анахарсисъ, знаешь ты важнѣйшія приключенія жизни
 Часть XVII. No. 7. Ж моей,

моей, и всѣ шѣ учрежденія, которыхъ планъ предложилъ я старѣйшинамъ республики нашей, и которыя на самомъ дѣлѣ оказались для насъ полезными. Скажу тебѣ еще то, что мы всѣми силами стараемся помогать бѣднымъ, требующимъ помощи. Для сего-то завели мы домъ челоуѣколюбія, гдѣ содержимъ нищихъ и больныхъ согражданъ своихъ, не могущихъ пропитать себя; куда принимаемъ и постороннихъ, имѣющихъ нужду въ нашей помощи. Кто изъ нихъ можеть еще работать, тотъ обязанъ чтонибудь дѣлать, для предохраненія себя отъ порочной праздности. Жены и дочери наши ходять за ними, и шѣмъ исполняютъ должности челоуѣколюбія. Сверхъ того у насъ есть общественная казна, кою помогаемъ прилѣжнымъ людямъ, хотящимъ кормиться собственными своими трудами, но не имѣющимъ нужныхъ къ тому средствъ. Изъ сей же казны награждаемъ бѣдныхъ дѣвушекъ приданымъ, чтобы онѣ могли сыскать себѣ хорошихъ жениховъ, и завести хозяйство.

Такимъ образомъ благо маленькой республики нашей занимало меня почти во всю жизнь мою; ибо всѣмъ нашимъ учрежденіямъ не лзя было совершиться однимъ

однимъ разомъ, такъ какъ образъ на монетѣ выходитъ. Къ тому потребны были цѣлые годы, терпѣніе, основательное разсужденіе и бдительное око въ исполненіи предпріяній. Сверхъ того мнѣ надлежало еще занимать собственнымъ своимъ хозяйствомъ и всѣми домашними работами, которыми я и понынѣ занимаюсь, обрабатывая садъ и поля свои; ибо труды рождаютъ силу и здоровье, и напрягаютъ шло къ дѣятельности. Отъ безпрестаннаго умозрѣнія ослабѣваетъ душа и шло, рождаются мечты и фантомы воображенія. Но шлесная работа, опдохновеніе и размышленіе, посвящаемое пользѣ своихъ собратій, вливаетъ въ духъ и въ сердце великую дѣятельность, оживляетъ въ насъ человеколюбіе и ведетъ къ истинной мудрости. Такъ говорятъ мудрые мужи — такъ и я говорю по собственному своему опыту:

Другъ Анахарсисъ! послѣ дневныхъ трудовъ потребно шлу надлежащее успокоеніе, чтобы оно собрало силы и дѣятельность для работъ новыхъ. Мѣсяць взшелъ уже высоко. Еслили тебѣ угодно, то мы пойдемъ наслаждаться сномъ, которымъ любезная моя Арета со внучатами своими давно уже насла-

дается. — Анахарсисъ всталъ и пошелъ на покой съ мудрымъ шарцемъ.

Въ слѣдующее утро проснулся онъ съ радостію и съ веселіемъ. Пріятныя сцены прошедшаго дня улаждали сердце его. Онъ благодарилъ боговъ, приведшихъ его къ такому мудрому мужу и къ такимъ любезнымъ поселянамъ; по шомъ бесѣдовалъ съ добросердечнымъ Мизономъ, и просилъ его, чтобы онъ показалъ ему все мѣстечко свое. Мизонъ исполнилъ его волю, и показывалъ гостю своему все примѣчанія достойное. Анахарсисъ осмошрѣлъ домъ челоуѣколюбія; слышалъ наспавленіе, которое почтенныя мужи сообщали опрокамъ въ разумномъ разговорѣ; слышалъ, какъ и благо-разумныя женщины наспавляли дѣвушекъ; обѣдалъ съ Мизономъ за общимъ столомъ, для котораго всякой поселянинъ приносилъ изъ дому какое нибудь блюдо; и хопя обѣдъ былъ умѣренъ, но остроумныя и мудрыя разговоры обѣдающихъ, молодыхъ и старыхъ, весьма уладили его для Анахарсиса. По шомъ видѣлъ онъ игры, копорыя ни зимою, ни лѣтомъ не перерывались. Корощко ска-зашь, Мизонъ показалъ гостю своему все хорощее; и Анахарсисъ при всякомъ

пред-

предметъ радовался такъ, какъ радуется изыщатель Науры, открывъ въ ней новую красоту. Онъ удивлялся Мизону, копорой съ мудрою крепостію, съ разсужденіемъ и безъ властолюбія, не превозносяся своею мудростію, управлялъ всѣмъ мѣспечкомъ, такъ какъ отецъ своимъ семействомъ. Но не менѣе дивился онъ и прочимъ жителямъ, копорые безъ зависти и безъ досады повиновались Мизону, болѣе ихъ просвѣщенному — повиновались такъ, какъ добрыя дѣти повинующся доброму отцу. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на женщинъ, копорыя — вмѣсто того, чшобы смѣяться надъ уборомъ и хозяйствомъ своихъ сосѣдокъ — дружески бесѣдовали, и безъ всякаго злословія разсуждали о хозяйственныхъ дѣлахъ, о разумномъ воспитаніи дѣтей своихъ и о разныхъ предметахъ изъ нравоученія и житейской мудрости; добросердечіе, искренность и важность одушевляли ихъ разговоры. Онъ видѣлъ дѣвушекъ, копорыя — вмѣсто того, чшобы говорить о нарядахъ и другихъ суетностяхъ, и оспрыми словами извись своихъ подругъ — въ радостной невинности и чистотѣ сердца шутили между собою, разсказывали другъ

другу разныя забавныя повѣсти, слышанныя ими отъ родителей, стариковъ и старухъ — загадывали загадки и швердили пословицы. Онъ видѣлъ юношей, которыми въ пріятной бесѣдѣ сообщали физическія знанія и моральныя истины; которые въ игрѣ научались остроумію, а за обѣдомъ мудрости и важной кротости. Онъ видѣлъ спарцевъ, которые съ тихостію и дружелюбіемъ снисходили къ юношамъ, и рассказывали имъ все хорошее и полезное; которые не были привязаны къ старинѣ, безъ всякой досады принимали новыя полезныя учрежденія, и помнили пословицу: *вѣкъъ живи, вѣкъъ учись*. Онъ видѣлъ вѣрныхъ, постоянныхъ, великодушныхъ друзей, какихъ еще ни гдѣ не видывалъ. Коротко сказать, Анахарсисъ нашелъ добрыхъ, чистосердечныхъ, челолюбивыхъ, между собою гармонирующихъ людей, — общество, состоящее изъ почтенныхъ веселыхъ старцевъ, великодушныхъ и благонравныхъ юношей, разумныхъ, рассудительныхъ и снисходительныхъ женщинъ, и добродѣтельныхъ, умныхъ, кроткихъ и скромныхъ дѣвушекъ. Онъ участвовалъ въ ихъ шоржесипвахъ и публичныхъ собраніяхъ, и видѣлъ во всемъ

поря-

порядокъ, дружественность, кропость, снисходительность, благородство душевное и всѣ добродѣтели, копорыя въ Аѳинахъ и другихъ городахъ почивались чудными явленіями. Кто же въ семъ мѣстечкѣ поселилъ всѣ оныя добродѣтели? Мизонъ, мудрой старецъ.

Анахарсисъ увѣрился, что одинъ Мизонъ могъ научить его дѣятельной и истинной мудрости лучше, нежели всѣ прочіе мудрецы Греческіе. Пупешествовавъ уже нѣсколько лѣтъ, рѣшился онъ ѣхать домой, чшобы завести тамъ новой порядокъ, и пошомъ возвратиться къ Мизону, прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ, и бытъ свидѣтелемъ всѣхъ дѣлъ его. Онъ открылъ Мизону свое намѣреніе. Мизонъ не сказалъ ничего противъ онаго; и такъ Анахарсисъ простился съ добродѣтельнымъ старцемъ и со всѣми его добросердечными согражданами, и глаза его наполнились слезами нѣжной горести. Онъ поѣхалъ въ Скиѳскую землю, надѣясь опять скоро возвратиться въ тихую Хену. Но Судьба не хотѣла исполнить намѣренія Анахарсисова, и Анахарсисъ не возвратился въ тихую Хену. При отъѣздѣ его Мизонъ еще повторилъ свою пословицу:

*Можно быть мудрымъ безъ всякаго
блеска и безъ зависти.*

Но Анахарсисъ скоро показалъ, что сею пословицею трудно пользоваться. Черезъ Персію проѣхалъ онъ въ Скиѣскую землю. Тогда Анахарсисъ увидѣлъ ясно, что соотечественники его нравами и религіею своею весьма отличаются отъ Грековъ; и вдругъ рѣшился ввести въ опечествѣ своемъ Греческіе нравы и религію. Но не было у него зрѣлой разсудительности — не зналъ онъ сего вѣрнаго искусства постепенно исполнять свои планы, такъ какъ Мизонъ, которой, подобно мудрой Нашурѣ, мало по малу приводилъ въ дѣйствіе свой полезной планъ. Анахарсисъ не имѣлъ сего мудраго терпѣнія, которое было ему весьма нужно для образованія Скиѣовъ, упорныхъ и надменныхъ своею древностію. Онъ былъ не много поспѣшенъ и тщеславенъ въ своихъ предпріятіяхъ; а сіе стоило ему жизни.

Тотчасъ по своемъ прибытіи принялся онъ съ огненною дѣятельностію перемѣнять нравы и религію своихъ соотечественниковъ; но древніе, жестокіе Скиѣы косо посматривали на такого новичка,

визка, которой хотѣлъ преобразовать наследіе отцевъ ихъ, и самъ Царь умертвилъ его при жертвоприношеніи по Греческому обычаю (*).

И такъ Анахарсисъ не возвратился къ добродѣтельному Мизону; ибо онъ не слѣдовалъ его мудрой пословицѣ: *можно быть мудрымъ безъ всякаго блеска и безъ зависти.*

(*) Сіе поставляетъ причиною смерти его Діогенъ Лаерцій въ описаніи Анахарсисовой жизни; и Геродотъ въ четвертой книгѣ, гл. 72, по Гольдгагенову переводу, говоритъ, что Скиѣны, озлобясь на Анахарсиса за вводимыя имъ новостя, умертвили его въ то время, когда онъ по Греческому обыкновенію приносилъ жертву матери боговъ.

С Т А Р Ч Е С К О Й

П Р А З Д Н И К Ъ (*).

Императоръ Китайской, умершій въ 1787 году, былъ рѣдкой Государь. Въ искусствѣ писать и въ разныхъ знаніяхъ не уступалъ онъ своимъ Ученымъ; сочинилъ поэму въ честь того города, гдѣ родился; самъ воспѣывалъ своихъ дѣшей и внучатъ, и блескъ прона и личныхъ достоинствъ умѣрялъ своею скромностію, весьма необыкновенною между нами Европейцами, и шѣмъ болѣе похвальною, что имѣвшій сію рѣдкую добродѣшель былъ Царемъ 15000000 чловѣкъ.

Кіен - Лонгъ — такъ назывался сей Государь — всегда съ удовольствіемъ воспоминалъ шотъ великолѣпной праздникъ, которой дѣдъ его *Канъ - Ги*, въ 1722, торжествуя шестидесятой годъ своего царшвованія, давалъ старцамъ, и которому въ дѣтствѣ своемъ былъ онъ свидѣтелемъ. Внуку, царшвовавшій почти

(*) Сей анекдотъ взятъ изъ *Memoires, concernant l'Histoire, les Sciences, etc. des Chinois.*

чши столько же лѣтъ (*) и вступившій на 75 й годъ отъ рожденія своего, вздумалъ возобновить сіе торжество.

Въ изходѣ 1784 года было оно воз-
возвѣщено разными милостями. Импера-
торъ пережаловалъ Мандариневъ, ученыхъ
и военныхъ людей, и освободилъ народъ
отъ разныхъ податей. Онъ повелѣлъ
Вельможамъ и Мандаринамъ своимъ изчи-
слить шѣхъ подданныхъ его, *которые —*
говоря собственными его словами — по
благости Небесной пережили обыкновен-
ныя лѣта человѣческой жизни. По спис-
ку, доставленному ко Двору, нашлось
192 фамиліи, которыхъ главы дожили до
пятого поколѣнія. Изъ сего числа четы-
ремъ старцамъ было слишкомъ по сту
лѣтъ. Монархъ послалъ къ нимъ бога-
тые дары; а всего лестнѣе было для
нихъ то, что они получили отъ сего
Государя стихи, самимъ имъ сочинен-
ные въ честь глубокой старости, и пи-
санные собственною его рукою. Имъ поз-
волено было, въ знакъ сей славной оп-
мѣны, высѣвать на дверяхъ домовъ сво-
ихъ щипъ съ начертаніемъ оныхъ сти-
ховъ.

Сіе

(*) Онъ царствовалъ около 50 лѣтъ.

Сіе торжество, столь пріятное для старости, и служащее славнымъ доказательствомъ чувствительности *Кіен-Лон-га*, было въ Пекинѣ 14 Февраля, 1785. Мы забыли сказать, что всѣмъ старикамъ въ государствѣ, которые дожили до шестидесяти лѣтъ, дано было по нѣскольку мѣръ сорочинскаго пшена и кусковъ полошна или шелковой матеріи. Три тысячи стариковъ собралось въ столицѣ. Каждому изъ нихъ дали билетъ, съ означеніемъ ихъ имени, лѣтъ, состоянія и мѣста, гдѣ находились тѣ знамена, подѣ которыми надлежало имъ разположиться на первомъ дворѣ Императорскихъ палатъ, куда и сошлись они въ два часа по утру. Всѣхъ ихъ поименно перекликали, и потомъ ввели на тотъ дворъ, которой находится прямо передъ комнатами Императорскимъ. Въ часъ обѣда, т. е. въ девятомъ часу по полуночи, вышелъ Монархъ и сѣлъ подѣ портникомъ. Все различіе состояло въ томъ, что его тронъ былъ футомъ или двумя выше другихъ, откуда, сидя впереди, могъ онъ къ удовольствію своему видѣть всѣхъ гостей, которые также и его видѣли. Они составляли двѣ параллельныя линіи по обѣимъ сторонамъ галереи.

лерей. Сыновья, внуки и правнуки Императорскіе, могшіе присутствовать при сей церемоніи, окружали престолъ. Принцы крови служили Монарху; а Вельможи и Мандарины гостямъ.

Какъ скоро Императоръ сѣлъ, гостей просили занять свои мѣста, по естѣ, сѣсть на коврахъ, разостланныхъ по землѣ еще прежде ихъ прихода. За каждымъ столомъ сидѣло по чепыре человекъ, и услуга была вездѣ одинакая. Вокругъ столовъ ходили сыновья, внуки и правнуки Монарховы, смотря, чшобы всего было довольно. Старшій изъ сихъ Принцевъ, усерднѣе всѣхъ занимаяся сею должностію, безпрестанно подчивалъ гостей, и побуждалъ ихъ безъ всякаго принужденія участвовать въ радости своего добродушнаго Государя, ими веселящагося.

Началась музыка. На столахъ было столько блюдъ, сколько могло устать-
висься. Чашъ Ташарскаго барана, об-
кладенная разными мясами, соспазляла
лучшее блюдо. Впрочемъ не было ничего
отмѣннаго на столѣ Императорскомъ.
Когда подавали пить Монарху, Манда-
рины наполняли виномъ чаши гостей,
чшобы они имѣли удовольствіе пить
вмѣ.

вмѣстѣ съ своимъ Государемъ, и почно шо вино, которое онъ пилъ.

Когда Императоръ насытился, ударили въ барабанъ, и музыка умолкла: Мандарины сняли со всѣхъ споловъ блюда, сказавъ гостямъ, что Монархъ даритъ всякаго изъ нихъ шою чашею, изъ которой онъ за обѣдомъ пилъ вино, и желаетъ, чтобы они еще долгое время пользовались симъ даромъ, и воспоминали всегда праздникъ этого дня.

Въ другой разъ ударили въ барабанъ, и всякой сѣлъ на свое мѣсто, оборотясь къ Императору. По томъ еще въ барабанъ ударили, и вдругъ явилось двѣнацать человекъ Комедіаншова въ двойныхъ маскахъ: одна была на лицѣ, а другая на запылкѣ. Платье ихъ было спереди и сзади одинакое, такъ что они ни къ Императору, ни къ собранію спиною не оборачивались. Одна маска представляла лице старца, а другая лице молодого человека.

Поклонясь Монарху и всему собранію, они начали играть. Г. Амюшъ, одинъ изъ Сочинителей Китайскихъ Записокъ [*Memoires sur les Chinois*] заключилъ изъ ихъ декламациі, пѣнія, жестовъ и движеній, что они представляли нѣкоторой

второй родъ аллегорическаго балета, изображавшаго различные возрасты человека и перемѣну лѣтъ.

Комедіаншѣ ушли; а мѣсто ихъ заступили Музыканшѣ, и запѣли гимнъ въ честь *Tienу*, благодаря Его за всѣ милости, а особливо за благодѣянія того дня.

Послѣ сего пѣнія Императоръ пошелъ въ свои комнаты. Гости вышли на передній дворъ, гдѣ просили ихъ подождать, пока ихъ позовутъ для принятія подарковъ Его Величества. Для предупрежденія всякаго воровства со стороны евнуховъ и нижнихъ чиновниковъ, Императоръ приказалъ написать на листѣ желтой бумаги, запечатанной печатью Трибунала, имя каждаго изъ пожалованныхъ, съ означеніемъ опредѣленнаго ему дара. Три дни продолжалась раздача подарковъ (*), которые состояли въ маленькихъ кошель-

(*) И всѣмъ прочимъ старикамъ въ государствѣ, какъ выше сказано, розданы были награжденія: девяностолѣтнимъ дано было по трицати мѣръ пшена и по два куска шелковой матеріи, шестидесятилѣтнимъ по пяти мѣръ пшена и по куску подошна.

кошелькахъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ, въ шелковыхъ матеріяхъ, въ Жу-и (*), въ кедровыхъ палочкахъ, обдѣланныхъ на подобіе дракононой головы, и въ знакъ Императорскаго Ордена *Глубокой старости*; сей знакъ бываетъ серебряной съ позолотою, вѣсомъ въ унцію, и привѣшивается къ желтой лентѣ съ такимъ же бантомъ. Къ симъ дарамъ Императорской щедрости были приобщены стихи, сочиненные самымъ Монархомъ на случай оной церемоніи. Сіи стихи показываютъ разумъ, чувствительность, чело-вѣколюбіе сего Государя.

(Продолженіе будетъ впродъ)

(*) Эмблематической скипетръ, сдѣланной изъ благовооннаго дерева, и украшенной малѣькими фигурами изъ камня *Ина*. Слово *Жу-и* значить: *да будетъ все до швоему желанію! многія лѣта!*

Окончаніе Старческаго Праздника.

*Почтеннымъ старцамъ, призваннымъ
весеждиться со мною въ память того праз-
днества, которое нѣкогда величественной
дѣдѣ мой совершалъ при подобномъ случаѣ.*

„Безчисленны благодаренія, мною отъ
„Небесъ полученные. Не возможно мнѣ опи-
„сать оныхъ. Удовольствіе, кошорымъ я
„наслаждаюсь нынѣ, видя себя окруженнаго
„такимъ числомъ почтенныхъ старцевъ,
„есть новое небесное благодареніе, питающее
„сладостію все сердце мое. Мысли времяѣ
„пропекшихъ сами собою возбуждаются
„въ душѣ моей, и представляютъ мнѣ сіи
„блаженные дни, въ которые власы мои,
„составлявшіе единственное украшеніе
„моей главы, пріятно волновалися отъ
„вѣянія нѣжнаго вѣтерка. Невинность
„была душою всѣхъ дѣйствій моихъ. Я
„пользовался неогрѣненнымъ правомъ си-
„дѣшь у ногъ величественнаго дѣда мое-
„го, когда онъ садился на тронъ; я все
„видѣлъ, все слышалъ, былъ свидѣте-
„лемъ всего производившаго вокругъ ме-
„ня. Уже многія лѣта пропекли послѣ
„сего времени!

„Въ сіе щасливое время жизни мо-
 „ей все меня занимало, все веселило; но
 „никакое зрѣлище не было столь привле-
 „кательно для любопытныхъ взоровъ мо-
 „ихъ, и столь пріятно для моего сердца,
 „какъ незабвенное торжество, мною ны-
 „нѣ возобновляемое — торжество, ко-
 „торое воспоминаю съ живѣйшимъ весе-
 „ліемъ. Все сердце мое наполнилось благо-
 „говѣйными и нѣжными чувствами, ког-
 „да увидѣлъ я Князей, Вельможъ и всѣхъ
 „старцевъ, идущихъ на мѣсто торжества,
 „и сающихся подлѣ своего Государя, ко-
 „торой, принимая отъ нихъ услуги, и
 „самъ служилъ имъ. Не было различія
 „ни въ пищѣ, ни въ винѣ; всѣмъ въ одно
 „время подавали блюда, и вездѣ было рав-
 „ное изобиліе; чаши опорожнивались и
 „наполнялись безъ принужденія; чины бы-
 „ли забыты; равенство царствовало меж-
 „ду гостями, которые составляли со-
 „браніе друзей, веселящихся по одной при-
 „чинѣ; румянецъ здравія украшалъ ли-
 „ца ихъ; огонь юности блисталъ въ ихъ
 „взорахъ.

„По ошмѣнному благоволенію Небесъ,
 „вторично наслаждаюсь я симъ зрѣли-
 „щемъ, и сердце мое такъ же возвеселяет-
 „ся.

„ся. Попомки наши безъ сомнѣнія по-
„чувствують живѣйшее удовольствіе и
„глубочайшее почтеніе къ пущамъ Про-
„видѣнія, когда узнають изъ Испоріи,
„что одинъ изъ Императоровъ величе-
„ственнаго рода моего праздновалъ
„шестидесятой, а другой пятидесятой
„годъ своего царствованія, веселяся за
„семеиственнымъ обѣдомъ со всею своею
„націею, представляемою избранными
„шарцами. „

ОПИСАНІЕ ОСТ-ИНДІИ (*).

Хотя подѣ всеобщимъ именемъ Ост-Индіи обыкновенно разумѣютъ всѣ обширныя земли, находящіяся за Аравійскимъ моремъ и за царствомъ Персидскимъ; однакожь сіе имя собственно принадлежитъ Индостану, землѣ, лежащей между Индусомъ и Гангесомъ, двумя славными рѣками, которыя, въ ужасномъ разстояніи другъ отъ друга, впадаютъ въ Индійскія моря. Сіе великое пространство перерѣзывается въ срединѣ цѣпью высокихъ горъ, которыя отдѣляютъ Малабаръ отъ Короманделя, и кончашся у мыса Коморина.

Климашъ и вліяніе стихій столь различны на сихъ двухъ берегахъ, что когда на одномъ идетъ дождь, тогда на другомъ бываетъ совершенно ясная погода. Одна половина горъ отдѣляетъ шамъ зиму отъ лѣта.

А какъ въ большой части Индостана означаются времена года не столько печеніемъ солнца, сколько дождливою погодою, то подѣ зимою надобно разумѣть то

(*) Переведено изъ Leipziger Wochenblatt für Kinder.

шо время, въ которое сильныя вѣтры пригоняютъ облака къ горамъ, разбиваютъ ихъ объ оныя и превращаютъ въ дождь, сопровождаемой великими грозами. Вода съ превеликимъ шумомъ шепчетъ съ горъ, наводняетъ рѣки и залиываетъ равнины. Воздухъ наполняется тогда парами, и ночи бывають весьма темны. Впрочемъ сіе время никакъ не холодно, такъ что большая часть плодовъ приходитъ тогда въ зрѣлость; а растѣнія и цвѣты бывають весьма свѣжи.

Сухое время года можно лучше называть лѣшомъ. Почти ни одного облачка не видно тогда на небѣ. Вѣтръ всегда перемѣняется; днемъ дуетъ онъ съ моря, а ночью съ земли. Иногда бываетъ совершенная тишина, отъ чего происходитъ несносной жаръ.

Различіе временъ бываетъ еще достойнѣ примѣчанія на Индійскихъ моряхъ. Когда на одномъ морѣ самыя худыя суда плавають спокойно и безопасно, тогда на другомъ самыя крѣпкіе корабли не могутъ прошивиться свирѣпымъ бурямъ, безпрестанно ихъ носящимъ. Чужестранные корабли или суда заблаговременно выходятъ изъ сихъ бурныхъ

водѣ; а шамошніе жишели, знающіе по многократнымъ опытамъ, что и въ самой гавани суда ихъ не могутъ быть въ безопасности, выпаскиваютъ ихъ на берегъ и укрываютъ на верфтяхъ въ Арсеналахъ. Сіе опасное время продолжается на Малабарскомъ берегу отъ конца Апрѣля до Сентября мѣсяца. Южные вѣтры, дующіе въ то время на берегу Коромандельскомъ, въ половинѣ или въ изходѣ Октябрия превращаются въ сѣверные, которые шамъ такой же вредъ причиняютъ. Сіе время года обыкновенно бываетъ не шакъ бурно, естли начинается орканами или жестокими бурями.

А какъ сія земля отъ самыхъ древнихъ временъ была изпочникомъ всѣхъ шѣхъ вещей, которыя принадлежатъ къ изобилію и удобности, то всегда почишали ее самою древнѣйшею странною міра. Естли справишься съ памяшниками Исторіи, или разсмотришь положеніе Индоспана на земномъ шарѣ, то въ самомъ дѣлѣ долженъ будешь согласиться, что сей землѣ надлежало быть населенною прежде прочихъ. Въ Исторіи ея шеряется начало большой части наукъ нашихъ. Еще прежде Пиеагора Греки
туда

туда путешествовали, и шамъ научались. Самые первые торговые народы покупали у Индійцевъ полношно, что доказываетъ успѣхъ прилѣжности сего народа въ самое то время, когда еще прочія части міра были пусты и дики. Арабы заняли опѣ нихъ числа, и сообщили оныя намъ. Вообще надобно думать, что пошпъ климатъ, копорой для человѣческаго рода благопріятнѣе, конечно и прежде другихъ населенъ былъ. Чистой воздухъ, благошворной климатъ, плодородная земля, копорую почвы и обрабатывать не нужно — все сіе было привлекательно для первыхъ обитателей нашего шара. Естли человѣческой родъ могъ размножиться въ жестокихъ климатахъ, гдѣ безпрестанно надлежитъ сражаться съ Натурою; естли сухой, горячій песокъ, непроходимыя болота и вѣчной ледъ, могли быть населенными; естли мы обрабатывали лѣса и сшени, гдѣ надлежало намъ защищаться опѣ стихій; дикихъ звѣрей и людей: то могли ли остаться пусты самыя лучшія земли, гдѣ человѣкъ, не зная никакихъ нуждъ, находилъ одно удовольствіе — гдѣ, наслаждаясь лучшими произведеніями и прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ Натуры,

не зналъ онъ ни шуда, ни безпокойства, и по справедливости могъ почитать себя превосходнѣйшимъ существомъ и Царемъ всего Естества?

Таковы берега Гангеса и прекрасныя страны Индостана. Вкуснѣйшіе плоды наполняютъ тамъ воздухъ благовонными испареніями, и служатъ здоровою, освѣжительною пищею; а густыя древесныя тѣни, которыхъ дневной жаръ проникнуть не можетъ, вливаютъ прохлажденіе въ утомленнаго странника. Въ другихъ мѣстахъ животныя должны пожирать другъ друга, не имѣя иныхъ способовъ къ сохраненію жизни своей; но въ Индіи раздѣляютъ онъ съ Царемъ своимъ изобиліе, и купно съ нимъ въ безопасности наслаждаются дарами Природы. Даже и нынѣ, не смотря на то, что Индія нѣсколько вѣковъ сряду довольствуется своими произведеніями самая отдаленнѣйшія страны міра, не изощилась еще плодотворная сила земли сей, и, кромѣ нѣкоторыхъ пустыхъ песчаныхъ мѣстъ, Индостанъ есть самая плодоноснѣйшая страна въ мірѣ.

Когда Португальцы въ концѣ пятаго-надесять вѣка шуда приплыли, то богатство сихъ земель привело ихъ въ

удив-

удивленіе. Самое нравственное состояніе оныхъ показалось имъ необыкновеннымъ. Страны сіи были населены разными народами, отличающимися другъ отъ друга и Религією и нравами. Коренные жители тамошней части міра были потомки древнихъ Браминовъ, шоль славныхъ во времена Грезовъ, которыхъ произхожденіе теряется въ самой отдаленнѣйшей древности.

Брама, которой, по преданію нѣкоторыхъ Индійцовъ, совершенствомъ своимъ превосходилъ Натуру человѣческую, и которой, по вѣроятнѣйшему мнѣнію, есть существо вымышленное, означающее *Премудрость Божію*, былъ великой Индійской законодатель. Ему приписываютъ священныя книги, которыхъ оригиналъ пропалъ; но есть на нихъ изъясненіе, писанное на чужестранномъ языкѣ, которой шолько нѣкоторые Брамины разумѣютъ.

Сія книга, называемая на ихъ языкѣ *Ведамъ*, сообщаетъ понятіе о высочайшемъ Существовѣ, сотворившемъ существа разныхъ родовъ, изъ коихъ нѣкоторыя выше, а другія ниже человѣка, и угѣряетъ въ безсмертїи души, въ наказанїяхъ и награжденїяхъ другой жиз-

ни, и въ переходѣ души. Въспъ главнѣйшее ученіе ихъ Религіи.

Сія книга сообщаетъ мораль не только въ правилахъ, но и въ символахъ, которые простиому народу подали поводъ къ идолопоклонству. Изъясненіе большой части сихъ символовъ пропало. Образъ ихъ осмался и сдѣлался предметомъ богослуженія и идолопоклонства.

Брамыны, которые одни разумѣютъ языкъ сей святой книги, изъясняютъ ее по своей волѣ. Они находятъ въ ней все то, что вдыхаютъ въ нихъ разгоряченное воображеніе, корыстолюбіе, снра-спи и ложная ревность. Сей исключительной санъ исполкователей Религіи даетъ имъ неограниченную власть надъ жителями, которые не смѣютъ слушаться ни разума, ни сердца своего. Всѣ спамощніе народы почитаютъ Ведамъ за спакую книгу, которая содержитъ въ себѣ правила ихъ Религіи; однакожь, не смотря на то, весьма немногіе имѣютъ одну Религію. Многіе несогласны даже въ самомъ главномъ ученіи закона.

Во всемъ Индостанѣ принадлежатъ политическіе законы, обычаи и самые нравы къ Религіи: ибо все происходитъ отъ Брамы, переводчика Божественной воли.

Надо-

Надобно думать, что сей Брами былъ Царь: ибо въ духовныхъ учрежденіяхъ его видно намѣреніе вселить въ народъ глубокое почтеніе и великую любовь къ своей землѣ, и стараніе исправить недостатки климата. Религія Брами есть одна изъ тѣхъ немногихъ языческихъ Религій, которыя можно почесть хорошимъ политическимъ учрежденіемъ. Индійцы имѣютъ удивительное почтеніе къ нему и еще къ тремъ большимъ рѣкамъ въ Индо-станѣ: къ Индусу, Кисшнарсу и Гангесу. Онъ освятилъ по животное, которое употребляется для земледѣлія, и корову, ко-порою молоко соспавляетъ самую здоровую пищу въ жаркихъ земляхъ.

Ему же приписываютъ и раздѣленіе народа на четыре класса, т. е. на Бра-миновъ, военныхъ людей, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Каждой классъ раздѣ-ляется еще на другіе.

Брамыны бываютъ разныхъ классовъ. Они соблюдаютъ Религію и правятъ мнѣ-ніями другихъ людей, которые клянутъ-ся головою сихъ священниковъ и цѣлуютъ ихъ ноги. Нѣкоторые живутъ въ обществѣ и бываютъ обыкновенно обманщики. Вѣ-ря, что вода Гангесова очищаетъ ихъ
опъ

отъ всѣхъ преступленій, и не бояся никакого суда, предаются они всѣмъ порокамъ. Примѣшны въ нихъ только двѣ добродѣтели: сожалительность и милосердіе, которыя въ благошворномъ Индійскомъ климатѣ вообще весьма обыкновенны. Другіе совсѣмъ удалены отъ общесства, и суть малоумные энтузіасты, преданные лѣности, суевѣрію и метафизическому суетумудрію.

Классъ военныхъ людей составляютъ на Коромандельскомъ берегу *Ран*, а на Малабарскомъ *Наиры*. Въ другихъ земляхъ находящіяся цѣлыя народы, на прим. Канарины и Марашты, занимающіеся симъ ремесломъ, можетъ быть по тому, что они производящъ отъ скишающихся поколѣній, которыя прежде посвящали себя оружію; или по тому, что время и обстоятельство перемѣнили ихъ первыя учрежденія.

Третій классъ состоитъ изъ земледѣльцевъ, весьма заслуживающихъ благодарность своихъ согражданъ; они трудолюбивы, прилѣжны, весьма искусно увлажняютъ поля, и могутъ дѣлать плодоснымъ самой сухой грунтъ. Впрочемъ земледѣльцы почти вездѣ одинаковы — они всегда честнѣе и щасливѣе другихъ

гихъ людей, естли Правленіе не портишь и не тѣснишь ихъ.

Классъ ремесленниковъ раздѣляется по разнымъ ремесламъ. Никогда не лзя оставишь оццовскаго ремесла; и потому рабство съ прилѣжностію были тамъ всегда неразлучны, и довели искусства до высочайшей степени совершенства, до которой только могутъ онѣ достигнушь посредствомъ трудовъ и терпѣнія, безъ помощи вкуса и воображенія, которые бывають плодомъ соревнованія и свободы.

Сверхъ сихъ классовъ есть еще пятой, состоящей изъ самыхъ худыхъ людей. Принадлежаще къ оному опправляютъ самыя низкія должности общешитія: погребаютъ мертвыхъ и чистятъ дома и улицы. Они въ такомъ презрѣніи, что естли кто нибудь изъ нихъ осмѣлится прикоснуться къ другому человеку, то сей имѣетъ право умертвить его на томъ же мѣстѣ. Ихъ называютъ *Паріами*. Въ Малабарѣ есть еще другой родъ людей, которыхъ именуютъ *Пулхами*, и которые должны терпѣть еще большее поруганіе и несчастіе. Они живутъ въ лѣсахъ, не смѣютъ строитъ жилищъ, и принуждены дѣлать себѣ гнѣзда на деревьяхъ. Чувствуя голодъ, воють

они

они какъ волки, чтобы возбудить сожалѣніе въ мимоходящихъ. Милосердые Индійцы кладутъ подъ дерево яшено или другую пищу, и тотчасъ удаляются, чтобы несчастной голодной Пулихъ, бросая на пищу, не встрѣтился съ своимъ благодѣтелемъ, которой сію встрѣчу почелъ бы себѣ за безчестіе. — Всѣ сіи классы навсегда отдѣлены другъ отъ друга высокими стѣнами. Они не могутъ брать себѣ женъ изъ другого класса; не могутъ ни жить, ни ѣсть вмѣстѣ. Кто преступилъ сей законъ, тотъ выгоняется изъ класса, имъ обезславленнаго.

Но все сіе перемѣняется, когда они по обѣщанію ходятъ въ большой *Ягернатской* храмъ, храмъ высочайшаго Существа. Браминъ, Рая или Наиръ, земледѣлецъ и ремесленникъ, вмѣстѣ приносятъ шамъ жершвы, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ. Тамъ сказываютъ имъ, что различіе рода есть человѣческое поспановленіе, и что всѣ человѣки братья, дѣти одного Бога.

Хотя въ священныхъ Индійскихъ книгахъ нѣтъ нѣхъ чудесностей, которыми наполнено языческое баснословіе, однакожь ихъ Теологія не складнѣе Теоло-

тін прочихъ языческихъ народовъ. Книга *Шастеръ* — которую почитаютъ нѣкошорые за примѣчанія на книгу *Ведамъ*, а другіе за самое оригинальное сочиненіе, и которая еѣ извлеченіи выдана на Англійскомъ языкѣ — нѣсколь-ко объяснила сію матерію. Вѣчною — говоритъ сія книга — погруженной въ созерцаніе существа Своего, вознамѣрился сотворити такіа существа, которыа могли бы участвовати въ Его славѣ. Онѣ сказалъ, и сотворились Ангелы. Всѣ вмѣстѣ воспѣвали они хвалу Творца своего, и согласіе царствовало на небесахъ; но потомъ возмутились два духа, которыхъ примѣру и другіе послѣдовали. Богъ низвергъ ихъ въ мѣсто мученій, и освободилъ ихъ отъ ошуду единственно по прозвѣвѣ вѣрныхъ Ангеловъ, съ такими условіями, которыа причинили имъ радость и ужасъ. Начальники были осуждены, переходя изъ образа въ образъ, шеришь муки въ нижней пятнадцатой планетѣ, — муки, соразмѣрныя великому ихъ преступленію. Такимъ образомъ каждой Ангелъ долженъ былъ на землѣ семдесятъ восемь разъ перейти изъ шѣла въ шѣло, и потомъ войти въ шѣло коровы, благороднѣйшаго изъ жи-
вотн-

вопныхъ. Сія разныя переходенія суть состояніе наказанія, изъ котораго переходящъ въ состояніе изпышанія, т. е. Ангелъ переходитъ изъ шѣла коровы въ человѣческое шѣло. Тогда разпространяетъ Творецъ разумныя силы и свободу его, и смотря по доброму или худому употребленію оныхъ со стороны Ангела, приближаетъ или удаляетъ отъ него время его прощенія. Мудрой по смерти своей опять соединяется съ высочайшимъ Существомъ; а порокой снова вступаетъ въ кругъ наказаній

Такимъ образомъ, по преданію Шестера, *перехожденіе душъ* есть подлинное наказаніе; и души, одушевляющіе большую часть живыхъ существей, суть ничто иное, какъ порочныя существа. Сіе мнѣніе о переходеніи душъ конечно не вообще принято въ Индіи. Оно вымыслено какимъ нибудь суевѣрнымъ и жестокосердымъ меланхоликомъ. Впрочемъ вѣроятно, что сіе ученіе въ началѣ своемъ было совсѣмъ иное.

[Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.]

Окончаніе Описанія Ост-Индій.

Брама назначилъ разную пищу для разныхъ классовъ. Военные люди и другіе классы могутъ ѣсть дичину и баранину, а нѣкоторые земледѣльцы и ремесленники рыбу. Другіе питаются только молокомъ и распѣніями. Брамины не ѣдятъ живопныхъ. Вообще сія народы весьма умѣренны; однакожь одни умѣреннѣе другихъ, смотря по шѣмъ прудамъ, съ которыми сопряжено ихъ состояніе.

Они женятся въ самомъ дѣшствѣ, и жены ихъ сохраняютъ безпримѣрную вѣрность. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ классовъ могутъ имѣть многихъ женъ. Извѣстно, что жены Браминовъ сожигаются по смерти мужей своихъ. Онѣ обязаны къ тому закономъ; но другія жены подражаютъ имъ изъ пагубнаго славолюбія.

Индійцы крошки, челоѡколюбивы, и почти совсѣмъ не знаютъ шѣхъ страстей, которыя насъ приводятъ въ движеніе. Какое честолюбіе могутъ имѣть люди, принужденные бытъ вѣчно въ

Часть XVII. Но. 9. И одномъ

одномъ состояніи? Они любящъ спокойную работу или праздность, и часто швердящъ одно мѣсто изъ любимой книги своей: *Сидѣть лучше, нежели ходить; спать лучше, нежели бдѣть; а смерть лучше всего.*

Ихъ воздержность и великой жаръ климата ослабляютъ ихъ шѣло и склонности. Одна спрашъ владычествуетъ надъ ними, спрашъ слабого шѣла и низкой души — ш. е. корысполюбіе или скудость.

Религія Браны раздѣляется на семдесятъ шри секты, копорыя вѣ нѣкопорыхъ главныхъ пунктахъ между собою согласны, о прочихъ не спорятъ, и живутъ мирно. Они живутъ мирно и со всѣми иновѣрцами; ибо ихъ Религія не шолько не велишъ, но еще и запрещаетъ обращать всѣхъ людей вѣ свою вѣру. Рѣдко допускаютъ они чужестранцевъ къ своему богослуженію, и шо всегда съ великимъ нехотѣніемъ. Сіе нехотѣніе есть духъ древняго суевѣрія, копорое показываетъ намъ Исторія Египтянъ, Грековъ и Римлянъ.

Португальцы, прибывъ сперва въ Ост-Индію, нашли шамъ и Магомешанъ, кошорые были потомки Арабовъ, нападшихъ на сія земли и заведшихъ шамъ колоніи. Одни предавались удовольствіямъ серала; а другіе, кошорыхъ число было самое большое, служили факшорами Арабамъ и Египтянамъ, симъ господамъ Индійской торговли передъ прибытіемъ Португальцевъ. Они жили во всей Азіи и на Африканскихъ берегахъ, завели селенія, владѣли разными крѣпостями, и весьма размножились въ самыхъ Индійскихъ городахъ; ибо ихъ Религія позволяешъ многоженство, и они женились во всякомъ мѣстѣ, въ кошоромъ надлежало имъ пробыть нѣсколько времени. Владѣльцы обходились съ ними хорошо, желая имѣть дѣло съ Египтянами и Арабами. Они были самые худые люди во всемъ возпокъ. Ихъ-то называютъ Европейцы *Индійскими Неграми*, или просто *Неграми*.

Сія Арабскіе Магомешане, кошорые были вмѣстѣ и проповѣдники и купцы, старались разпространить свою Религію, покупали множество невольниковъ, обрѣзывали ихъ, наставляли въ своемъ законѣ и пошомъ дѣлали вольными. Изъ

гордости не хотѣли они смѣшивать крови своей съ кровію сихъ опгнущенниковъ, которые наконецъ составили особливой народъ, и поселились между Гон и Мадраса. Они называются въ Малабарѣ *Мапоилами*, а въ Короманделѣ *Хуліатами*, и не знаютъ ни по Персидски, ни по Арабски; не разумѣютъ и языка Негровъ, а говорятъ языкомъ той земли, гдѣ живутъ. Торговля есть главное дѣло ихъ. Они изповѣдуютъ Магомешанскую Религію, изпорченную Индійскимъ суевѣріемъ.

Индостанъ, кошорой нынѣ почти весь подчиненъ Европейской власти, во время прибытія Португальцевъ былъ подъ владѣніемъ разныхъ Царей: Камбайскаго, Деллискаго, Деканскаго, Нарзингваскаго и Каликутскаго, у кошорыхъ были данниками другіе малосильнѣйшіе владѣльцы. Послѣдній изъ сихъ Монарховъ, извѣстной болѣе подъ именемъ Заморина [что значилъ *Императоръ*], нежелалъ подъ именемъ своей столицы, владѣть ближайшими къ морю обласьями и всѣмъ Малабаромъ.

Сии выгоды сдѣлали Каликутъ богашѣйшимъ мѣстомъ возшока. Отвсюду привозили шуда драгоцѣнные камни,
жем.

жемчугъ, амбру, слоновыя кости, фарфоръ, золото, серебро, шелковыя и бумажныя матеріи, индиго, сахаръ, всякіе ароматы, пряности, дорогое дерево, прекрасныя лаки, и все то, что можетъ служить къ пріятностямъ жизни. Часть сихъ богатствъ доставлялась шуда водою; но какъ кораблеплаваніе было тогда еще не такъ безопасно и удобно, какъ нынѣ, то многое привозили шуда сухимъ путемъ на волахъ и слонахъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

АНАТОМІИ (*).

— *Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen.* —
Ovid. Met.

То есть:

*Лица бывають у людей не одинакія,
Однакожь и не разнообразныя.*

ТѢ изъ Древнихъ, которые были изкусны въ Анапоміи, заключали по внѣшнему и внутреннему строенію человѣческаго тѣла, что оно есть дѣло Существа весьма мудраго и могущественнаго. Когда люди лучше узнали сію науку, то новыя открытія подали имъ новыя причины удивляться рукъ Провидѣнія въ образованіи тѣла человѣческаго. Анапомическія раздробленія вывели Галена изъ невѣрія; онъ необходимо долженъ былъ признать высочайшее Существо, рассматривая сіе дѣло рукъ Его.

Пра-

(*) Переведено съ Англійскаго языка изъ Слектатора.

Правда, что древніе Анатомисты не знали подлинной надобности многихъ частей; но видя, что всѣ прочія части были съ удивительнымъ искусствомъ принаровлены къ ихъ разнымъ дѣйствіямъ, полагали они, что тѣ, копорыхъ дѣйствія не могли они опредѣлить, конечно съ такою же премудростію были созданы для особливыхъ цѣлей и причинъ. Съ того времени, какъ узнали круговращеніе крови, и какъ наши новые Анатомисты сдѣлали другія великія открытія, видимъ мы новыя чудеса въ человѣческомъ сосавѣ, и усматриваемъ разныя важныя надобности тѣхъ частей, копорыхъ дѣйствія Древніе совсѣмъ не знали. Коротко сказать, человѣческое тѣло есть такой предметъ, копорой пребудетъ наиболѣе изыщанія. Хотя оно съ самаго перваго взгляду кажется сосавомъ весьма мудрымъ, однакожь въ изслѣдованіи безпрестанно увеличивается его изящность; и чѣмъ болѣе узнаемъ его, тѣмъ болѣе возрастаетъ наше изумленіе. — Что сказалъ я о тѣлѣ человѣческомъ, то можно отнести ко всякому животному тѣлу, бывшему предметомъ анатомическихъ наблюденій.

Тѣло животного есть предметъ соразмѣрной нашимъ чувствамъ. Оно есть особливая система Провидѣнія, заключенная въ тѣсномъ кругѣ. Глазъ можетъ управлять онымъ и постепенно обозрѣвать всѣ части его. Когда бы тѣло всей земли, или цѣлой вселенной, могло быть такъ же подвержено испытанію чувствъ нашихъ — естли бы оно было не столь велико и несоразмѣрно силѣ оныхъ, не столь необозримо и огромно для глазъ и рукъ нашихъ: — то безъ всякаго сомнѣнія показалось бы намъ оное столь же удивительнымъ и благоуспрошеннымъ составомъ, какъ и составъ тѣла человеческого. Мы бы увидѣли ту же цѣпь и подчиненность, ту же определенность и полезность, ту же красоту и гармонію вообще и въ каждой части онаго, какую видимъ въ тѣлѣ каждаго особеннаго животного.

Чѣмъ обширнѣе нашъ разумъ, и чѣмъ способнѣе заниматься большими предметами, тѣмъ болѣе Премудрости и Провидѣнія открываетъ онъ въ твореніи, Исаакъ Ньютонъ, чудо нынѣшнихъ временъ, можетъ проницать взоромъ своимъ всю планетную систему, вѣсиль, изчислять и измѣрять ее, и выводитъ изъ
шго

того такія же доказательства безконечной Силы и Премудрости, какія самой ограниченной разумъ можетъ вывести изъ системы человѣческаго тѣла.

Но возвратимся къ нашему разсужденію объ Ананоміи, и рассмотримъ спроченіе и составъ тѣлъ живошныхъ съ одной особенной спорной, которая, по моему мнѣнію, доказываетъ въ ихъ образованіи руку мыслящаго и всемудраго Существа съ очевидностію тысячи математическихъ доказательствъ. Мы можемъ, кажется, принять за неоспоримое правило, что случай никогда не дѣйствуетъ въ безпрепятственномъ единообразіи и согласіи съ самимъ собою. Если бы кто нибудь десятью тысячами костей бросалъ всегда одно число, или всякой разъ точно пятью болѣе или менѣе того, что непосредственно передъ тѣмъ было: то какъ бы ему не подумать, что какая нибудь невидимая сила управляетъ костями? Самой сей случай находимъ мы въ дѣйствіяхъ Натуры. Живошныя одного рода бывають разной величины, отъ чего производятъ разные сорты (species) оныхъ. Пусть человѣкъ обзритъ родъ собакъ или львовъ: онъ увидитъ, что безчисленныя творенія Натуры — естѣ-

ли можно мнѣ употребишь сіе выраженіе — опубликованы въ различныхъ изданіяхъ. Разсматривая міръ пресмыкающихся, или разные роды животныхъ, наполняющихъ стихію воды, находимъ такія же повторенія въ разныхъ сортахъ, которые, кромѣ величины, весьма мало отличаются другъ отъ друга; видимъ, что большія животныя скопированы въ малыхъ видахъ и въ разныхъ пропорціяхъ. Долго будетъ доказывать примѣрами сіе регулярное дѣйствіе Провидѣнія; а кто знаетъ Натуральную Исторію животныхъ, для того будетъ сіе излишно. Великолѣпная гармонія вселенной такова, что безчисленныя раздѣленія основываются на одномъ фундаментѣ. Такимъ образомъ можно отнести сіе разсужденіе и къ мершвымъ частямъ Натуры, въ которыхъ находимъ матерію раздѣленную на подобныя (similar) системы, каковыми кажутся камни, растѣнія и другія подлунныя части творенія, равно какъ и самыя звѣзды съ Планетами. Однимъ словомъ, Провидѣніе явило богатство благости и премудрости Своей не только въ произведеніи многихъ оригинальныхъ родовъ, но и во множествѣ измѣненій (in the multiplicity of descants)

КОПО-

которыя сдѣлало Оно особенно въ каждомъ оригинальномъ родѣ.

Разпространимъ сію мысль еще далѣе. Въ каждой живой твари есть множество вещей сложныхъ (complicated) частей, которыя суть вѣрныя копіи другихъ частей онаго, сложенныхъ такимъ же образомъ. Одного глаза довольно бы было для существованія и предохраненія живошнаго; но, для лучшей удобности его, данъ ему другой, которой находится со всею математическою точностію въ такомъ же выгоднѣйшемъ положеніи, и которой во всѣхъ частяхъ точно такой же величины и такого же состава. Можетъ ли случай дѣйствовать столь точно и единообразно? Если бы кто миллиономъ костей бросилъ два раза сряду одно число, то сіе чудо было бы ничто въ сравненіи съ онымъ. Но когда мы видимъ сію подобность и такое единообразіе въ рукѣ и въ пальцахъ; когда видимъ, что одна половина тѣла точнѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ другой во всѣхъ оныхъ малѣйшихъ оптѣнкахъ, безъ которыхъ человекъ весьма бы могъ существовать; когда видимъ даже и то, что одна часть сто разъ повторяется въ тѣлѣ живошнаго, хотя она и

состоитъ изъ самаго запутаннѣйшаго сплешенія безчисленныхъ фибръ, и что сіи части всегда различны величиною, смотря по удобности ихъ особеннаго положенія: — по конечно надобно имѣть шому человѣку самой спранной разумъ, копорой въ такомъ чудесномъ дѣлѣ не захочетъ признать руки Божіей. Сіе удвоение въ нѣкоторыхъ частяхъ шѣла, безъ коего человѣкъ весьма бы могъ жить — хошя и не споль удобно, какъ съ онымъ — есть ясное доказательство всемудраго Творца; а оныя многочисленнѣйшія копіи, находящіяся въ сосудахъ одного шѣла, очевидно доказываютъ, что онѣ не могутъ быть дѣломъ случая. Сіе доказательство будетъ еще сильнѣе, когда опнесемъ оное ко всякому извѣстному намъ жившному и насѣкомому, и къ шѣмъ безчисленнымъ живымъ шварямъ, копорыя по своей мѣлкости скрываются опъ нашего зрѣнія; и когда подумаемъ, какъ сходны между собою во многихъ частяхъ разные роды цѣлаго жизненнаго міра, смотря по удобности ихъ особеннаго существа. Гораздо скорѣе на стѣ милліонахъ костей ляжетъ случайно одно число сто милліоновъ разъ сряду, нежели случайное спеченіе матеріи произ-

ведетъ одно живошное шѣло. А думать, что подобной же случай могъ произвести и безчисленное множество такихъ чудесъ, будетъ величайшая безразсудность, противная всякому здравому разуму — И при томъ еще каждой родъ живошныхъ регулярно раздѣляется на два рода, на мужеской и женской.

Есть много и другихъ очевидныхъ доказательствъ высочайшаго Существа и Его великой премудрости, могущества и благости въ образованіи шѣла живыхъ шварей, которыя Чипашель мой можетъ найти въ другихъ сочиненіяхъ, а особливо въ шестой книгѣ Поэмы, подъ заглавіемъ *Твореніе*, гдѣ Анапомія шѣла челоуѣческаго описывается съ великою ясностію и краснорѣчіемъ. Я входилъ въ подробное изслѣдованіе той мысли, на копорой основано сіе разсужденіе, для того, что она въ другихъ сочиненіяхъ, по моему мнѣнію, не довольно разпространена.

ФИЗИЧЕСКІЯ

ИЗЧИСЛЕНІЯ

Посредственной вѣтрѣ прошекаетъ 10 фушовѣ въ секунду, или 600 фуш. въ минушу. Вѣтрѣ, протекающій въ секунду 50 фуш., весьма силенѣ. Звукѣ переносишя въ секунду за 1000 фуш., или за 60,000 фуш. въ минушу. И такѣ естли между молніею и громомѣ пройдегѣ 20 секундѣ, то мѣсто воспале-нія находишя огнѣ насѣ въ 20000 фуш.

Счишають, что пушечное ядро при самомѣ сильномѣ зарядѣ перелешаетъ въ секунду 20000 фуш., и пошому 120,000 фуш. въ минушу.

Когда наша земля въ 24 часа перево-ротнишя вокругѣ своей оси, то мѣсто подѣ Экваторомѣ прошекаетъ 5,400 миль въ 24 часа. Сѣ шою скоростію, сѣ кошо-рою земля обходитъ въ годѣ около солн-ца, въ 24 часа прошекаетъ она 128,250 миль; и такѣ она въ 18 разѣ быстрѣе пушечнаго ядра.

Самая величайшая быспроша, намѣ извѣстная, естъ быспроша свѣша, кошо-рой

рой въ каждую минушу протекаетъ 2,000, 000 миль; и по тому онъ въ 400, 000 быстрѣе пушечнаго ядра.

Самая ближайшая изъ неподвижныхъ звѣздъ по крайней мѣрѣ въ 5000 разъ отъ насъ далѣе, нежели солнце. Отдаленіе оной содержитъ въ себѣ болѣе 45, 000, 000 діаметровъ земли, или 77, 400, 000, 000 миль.

По сему лучъ свѣта, выходящій изъ самой ближайшей неподвижной звѣзды, можешь дойти до насъ лѣтъ въ шесть. И такъ, когда ночью видимъ мы самую блистательнѣйшую изъ неподвижныхъ звѣздъ, которая должна быть и самую ближайшею къ нашей землѣ: то лучи, проницающіе въ глаза, и изображающіе въ оныхъ звѣзду, вышли изъ нее еще за шесть лѣтъ передъ тѣмъ. Еслили звѣзда въ ту минушу исчезнетъ или затмится, то мы все еще шесть лѣтъ будемъ ее видѣть; ибо послѣдніе лучи, изъ нее вышедшіе, дойдутъ до насъ въ концѣ сего времени.

Плоскость Европы содержитъ въ себѣ около 69400 квадратныхъ миль, плоскость Азіи 377800, плоскость Африки

275300, а плоскость Америки 314800 квадратных миль.

Такъ называемой старой свѣтъ составляетъ пятую, а новой десятую часть всей поверхности земнаго шара. Половина прочихъ двухъ третей [или 2, 217, 700 квадратныхъ миль] совсѣмъ неизвѣстна; не знаютъ даже и того, изъ чего состоитъ она: изъ моря ли, или изъ швердой земли.

Нельзя точно опредѣлить пропорціи между поверхностію швердой земли и моря; но то, кажется, достоверно, что вода составляетъ болѣе третьей части земнаго шара.

О П И С А Н І Е П У Т Е Ш Е С Т В І Я
О Д Н О Г О У Ч Е Н А Г О
к Ѣ

Швейцарскимъ ледянымъ горамъ.

Мы выѣхали изъ Лозанны 29 Іюля, поущру въ пять часовъ. Чистое небо при возходѣ солнца подавало намъ надежду, что начало нашего путешествія будетъ хорошо. Безъ всякой остановки ѣхали мы до Вевая, находящагося отъ Лозанны въ двухъ Нѣмецкихъ миляхъ. Дорога между сими двумя городками не очень гладка, однакожь весьма пріятна. Съ одной стороны видны Женевское озеро и часть Алпійскихъ и Савойскихъ горъ; а съ другой прекрасныя виноградныя сады, деревни, помѣстья, замки, мѣльницы и проч., которыми гора Юра съ верьху до низу устѣяна, и которыя своимъ разнообразіемъ представляющъ глазамъ прелестнѣйшія картины.

Пробывъ въ Веваѣ часъ, продолжали мы свое путешествіе къ Вильневу, до котораго отъ Вевая будетъ поболѣ мили; — шамъ рѣшились мы обѣдать.

Дорога была шире получше, нежели по ту сторону Вевая, такъ что мы приѣхали туда въ половинѣ одиннадцатаго часа. На половинѣ пуши отъ Вевая къ Вильяну видѣли мы замокъ Шиллюнь, лежащій на мысѣ Женевского озера. Между симъ замкомъ и горою Юрою — копорая шире весьма крута, и состоитъ почти изъ однихъ камней — такъ мало пространства, что только одна коляска проѣхать можетъ; и по тому сие узкое мѣсто можно запереть воротами, и противъ сильнаго непріятеля защищать небольшимъ числомъ солдатъ. У Вильнева кончился Женевское озеро. Тутъ ѣхали мы по равнинѣ, копорая шириною будетъ въ четверть мили, а въ иномъ мѣстѣ и въ полмили, и съ обѣихъ сторонъ окружена горами и скалами. Дорога хороша и ровна, и по большой части обсажена ивами, каштановыми и ореховыми деревьями. По сторонамъ луга или поля, а въ иныхъ мѣстахъ виноградные сады. Земля кажется вообще весьма плодородною.

На пуши къ Эглю, до котораго отъ Вильнева будетъ миля, лежитъ Рошъ, гдѣ находится главной соляной магазинъ, и живетъ самъ Директоръ. Мы не оста-
на-

навливались ни въ шомъ, ни въ другомъ мѣстѣ, поропясь заблаговременно доѣхать до Бекса, куда и пріѣхали въ пять часовъ по полудни. Черезъ четверть часа по прибытіи нашемъ въ сіе мѣсто чувствовали мы землетрясеніе, которое впрочемъ никакого вреда не причинило. Оно произвело шакое же дѣйствіе и почти шакой же шумъ, какъ шяжелая коляска, скоро ѣдущая по улицѣ; столы и окна такъ же попрысалися. За четверть мили отъ Бекса осматривали мы цѣлишельной колодезь, открышой за нѣсколькo лѣтъ передъ тѣмъ, и нашли, что вода его весьма опзывается сѣрою и желѣзомъ.

На другой день, въ три часа поутру, сѣли мы опяшь на лошадей и поѣхали къ славному солянному заводу, находящемуся почти въ полумилѣ отъ Бекса. Дорога туда довольно хороша, до самой подошвы горы, гдѣ живешъ главной надзирашель, и гдѣ находяшся соляныя варьницы, градирные дома, и проч.; но она спановитшя гораздо хуже, когда поѣдешъ на гору. Мы взѣвзжали на сію гору около часа, и по большой части шли пѣшкомъ, чтобы не оспановитшя лошадей своихъ.

Но прежде, нежели отправились мы въ подземной міръ, принесли намъ балахоны и шапки шрубочистовъ, копорыя надлежало намъ надѣть. Человѣкъ съ зажженною лампадою пошелъ впередъ, а за нимъ я; за мною шелъ съ такою же лампадою другой человѣкъ, ведшій моего припеля. Въ такомъ порядкѣ и нарядѣ спустились мы во глубину горы. Стѣна, поддерживающая гору, кончится за нѣсколько шаговъ отъ входа; а прочая часть сего подземнаго хода изсѣчена въ камняхъ, и только въ нѣкопрыхъ опасныхъ мѣстахъ подкрѣплена со всѣхъ сторонъ дубовыми досками. Мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ сошлись работники, т. е. шѣ, которые начали работать отъ нижняго входа, и шѣ, которые сверху въ камняхъ работали. Сія встрѣча такъ вѣрно расположена, что они только двумя футами въ вышинѣ ошиблись. По томъ пришли мы къ большому бассейну, куда проводятъ соляную воду изъ источника. Сей бассейнъ, равно какъ и всѣ соляныя мины, изсѣченъ въ камняхъ; онъ въ длину восемьдесятъ футовъ, въ ширину шестьдесятъ, а въ вышину тридцать, и всегда на нѣсколько футовъ наполненъ водою. Естли въ
сей

сей подземной залѣ выстрѣлишь изъ пистолета, или громко закришишь, по сдѣлается пресильной шумъ. Намъ показали большое колесо, ведущее соляную воду изъ източника въ упомянутой бассейнѣ, откуда она другими трубами проводится низомъ горы въ градирные дома. Сіе колесо въ діаметрѣ восемьдесятъ футовъ, и не далеко отъ онаго сдѣлано большое отверстіе до самой вершины горы, на подобіе печной трубы, вышиною въ шесть сотъ футовъ, — чтобы рабочникамъ легко было дышать, и чтобы впасть въ сіе подземное мѣсто части колеса. Легко можно вообразить, какъ мы удивились, нечаянно увидѣвъ чрезъ сіе отверстіе ясной свѣтъ, котораго мы почти цѣлой часъ не видали. Отъ входа въ гору до колеса считаютъ около трехъ тысячъ футовъ. По сему можно представить себѣ потъ невѣроятной гряды, съ которымъ рылись до солянаго източника въ самой внутренности горы. Отъ сего колеса надобно еще сойти двѣсти футовъ внизъ, чтобы видѣть начало солянаго източника, текущаго чепырьмя жилами, изъ которыхъ одна другой солонѣе. По томъ соединяютъ ихъ въ одну трубу, а на-

сосы, приводимые въ движеніе большимъ колесомъ, тянушъ соляную воду вверхъ, и гоняшъ ее въ бассейнъ, о которомъ я говорилъ выше. Отъ колеса къ изсточнику сходяшъ по тремъ высокимъ лѣсницамъ, которыя, подобно какъ и во всѣхъ иныхъ минахъ, спояшъ прямо; напрошивъ того отъ входа въ гору до колеса идешь какъ бы по ровной землѣ, и находишь на пуши разные другіе переулки, но все глухіе. Въ сей же самой горѣ находятся разные изсточники сладкой воды, которую употребляютъ на воччаніе большаго колеса.

Осмотрѣвъ всѣ сіи подземныя рѣдкости, взошли мы черезъ шриста каменныхъ ступеней въ вершину горы, и на другой сторонѣ вышли на свѣшъ. Тамъ показали намъ ручей, текущій на горѣ, подъ которымъ мы два раза прошли въ подземномъ своемъ путешествіи. Съ горы сошли мы ко входу, сѣли опять на лошадей, и въ восемь часовъ возвратились въ Бексъ, гдѣ не много позавтракали, и черезъ часъ опять въ пушь отправились.

Черезъ три четверти часа пріѣхали мы опять на берегъ Роны, которая въ семъ мѣстѣ отдѣляетъ Кантонъ Бернъ
опшъ

отъ Валлисской земли, и черезъ которую идетъ большой каменной мостъ со сво- домъ. По сую сторону моста сдѣланы во- ропа и караульня на вѣсьма узкомъ мѣ- стѣ, гдѣ выставленъ Бернской гербъ; а на другой сторонѣ поставленъ гербъ Валлисской и построена другая карауль- ня. Мы потчасъ прѣѣхали въ городокъ Св. Мавриція, но не хотѣли путь оста- новиться, и торопились поскорѣе доѣхать до Марпиньи, чптобы тамъ отобѣдать.

За часъ ѣзды отъ Св. Мавриція видѣли мы одинъ изъ самыхъ прекраснѣй- шихъ водопадовъ въ свѣтѣ. Большой ру- чей свергается съ высокой скалы прямо внизъ, съ великимъ шумомъ и пѣною, такъ что часть воды какъ пыль подни- мается опять вверхъ сажень на трищазь, и вѣпромъ разносится на осьмую часть мили. Когда солнце свѣтитъ на сую ле- дящую водяную пыль, то глазамъ представляется прекрасная радуга. Мы оставили лошадей своихъ на дорогѣ, чпто- бы сіе великолѣпное зрѣлище Натуры разсмотрѣть вблизи. Вѣсьма трудно бы- ло пройти черезъ сую водяную пыль, копорая почти не давала намъ дышать, такъ что шоварищъ мой принужденъ былъ стороною взойти на маленькой приго-
I 4 рокъ,

рокъ, подъ которымъ падала вода. А я, не смотря ни на что, прошелъ прямо; но водяная пыль вымочила меня шакъ, какъ будто бы я стоялъ четверть часа на сильномъ дождѣ. Однакожь за сей трудной путь былъ я награжденъ весьма щедро. Не могу описать красоты сего водопада; онъ одинъ стоишь того, чтобы изъ за двѣнадцати миль ѣхать его смотреть.

Черезъ часъ пріѣхали мы на стеклянной заводъ, гдѣ также нѣсколько времени пробыли, чтобы видѣть искусственное составленіе разныхъ стеколъ. Потомъ проѣхали черезъ Дранзу, подлѣ которой на лѣвой сторонѣ лежитъ старой замокъ — и такимъ образомъ черезъ полчаса пріѣхали мы благополучно въ Маршини.

Тамъ наняли мы себѣ проводника съ двумя лошадьми, и въ два часа по полудни отпуду выѣхали. Черезъ четверть часа пріѣхали мы къ горѣ Фурхелю, на которую взѣзжали около двухъ часовъ съ половиною. Отпуду увидѣли мы прочую часть долины до самаго Сіона. При сѣздѣ съ сей горы, на что надобно было около часа времени, проѣхали мы черезъ узкой проходъ, гдѣ были вороша и нѣ-

копо-

которыя старыя каменные укрѣпленія, и спустились въ долину, которая будещъ длиною въ полмилю, а шириною около пяти сотъ сажень. Деревня Триенъ лежитъ въ срединѣ ея, и быстрой ручей течетъ черезъ нее во всю длину отъ Югозапада къ Сѣверовозпоку. Въ южной сторонѣ сей долины увидѣли мы весьма высокую гору, покрытую множествомъ снѣга, а пониже часть ледяной долины, о которой послѣ говорить буду.

Мы пробыли полчаса въ деревнѣ Триенъ, и въ половинѣ шестаго часа поѣхали далѣе къ сѣверовозточной сторонѣ долины. Тамъ въ одномъ ручьѣ, текущемъ по долинѣ, нашелъ я такіе камни, на которыхъ выросли разныя деревья, и даже довольно высокія ели, хотя на нихъ не было почти ничего, кромѣ малаго количества земли, свалившейся можетъ быть съ ближнихъ горъ. Дорога, по которой намъ ѣхать надлежало, была весьма камениста, однакожь довольно хороша, въ сравненіи съ тою, которая шла черезъ западную часть горы, гдѣ намъ послѣ ѣхать надлежало. Тутъ были такія крутизны, что мы съ великимъ страхомъ поднимались на утесы. А дорога
1 5
была

была такъ узка, что только одинъ лошакъ могъ по ней ийти. На правой сторонѣ находилась крутая и глубокая пропасть, при подошвѣ которой текъ шумящій ручей; а на лѣвой верхняя часть горы, покрывая густымъ непроницаемымъ лѣсомъ. Лошаки наши иногда шли по горѣ какъ по лѣсницѣ, возходя и спускаясь по ступенямъ; но по большей части сія узкая дорога была усыяна гладкими и острыми камнями, на которые они весьма осторожно становились, чтобы не поскользнуться и не упасть въ пропасть. Сверхъ того они привыкли ходить по самому краю дороги, чтобы вьюкомъ не зацѣпиться за возвышенія, находящіяся на другой сторонѣ, и черезъ то не потерять равновѣсія; но самое ихъ механическое знаніе умножало страхъ нашъ. Два часа ѣхали мы по сей опасной дорогѣ. Полчаса сидѣлъ я между страхомъ и надеждою на своемъ лошацѣ; но чѣмъ болѣе смотрѣлъ на то, какъ близко къ краю онъ становился, тѣмъ болѣе спрашивался оцѣ одного несчастнаго шага его лишиться жизни — и какъ въ семъ мучительномъ состояніи не могъ я хорошо разсматривать окрестныхъ мѣстъ, то почелъ за лучшее пройти пѣшкомъ всю прочую часть

часть сей ужасной дороги, хотя и былъ весьма утомленъ.

Я видѣлъ разнообразныя камни, и между прочими одинъ вышиною въ сорокъ фушовъ, совершенно круглой и пирамидальной. Черезъ часъ пріѣхали или пришли мы на другую сторону горы, гдѣ увидѣли приходъ Тинго, лежащій на высокой, но плодоносной горѣ, и многіе водопады. Внизу открылась небольшая долина, пересѣкаемая ручьемъ, черезъ которой, сдѣланъ былъ деревянной мостъ. Перебравшись черезъ сей мостъ, поѣхали мы около другой горы къ Сѣверу, черезъ послѣдній Валлискій проходъ; а черезъ четверть часа пріѣхали опять къ маленькому деревянному мостику и къ Савойской границѣ. Ночь заспигала насъ на сей опасной и страшной дорогѣ. Къ счастью нашему миновали мы еще засвѣпло самыя густѣйшія лѣса, которыми горы покрыты; а мѣсяцъ, сіявшій между двухъ высокихъ горъ прямо на насъ, освѣщаль намъ дорогу, такъ что мы благополучно въ девять часовъ вечера пріѣхали на Савойскую долину, въ село Оссину, будучи весьма утомлены. Черезъ четверть часа по томъ мѣсяцъ скрылся за горы, и сдѣлалось
темно;

темно; и такъ намъ надлежало благодарить Небо, что мы уже вышли изъ опасности. Послѣ легкаго ужина спремилась мы къ покою. Хозяйка повела насъ по узкому крыльцу въ нашу спальню. Она была деревянная, такъ какъ и весь домъ, и вышиною не болѣе трехъ аршинъ. Въ ней не было ни одного окна; а свѣтъ могъ шуда проходить въ небольшое опверзстіе, вышиною фуша въ полтора, а шириною въ футъ. Кровать была такъ высока, что лежа на ней могъ я свободно доставать рукою до пола. Постели и самыя подушки были набиты не перьями, а соломой, которой можеть бышь цѣлой годъ не перемѣняли.

Таково-то было мѣсто, гдѣ надлежало намъ успокоиться послѣ трудовъ прошедшаго дня. При свѣтѣ небольшой лампы взглянулъ я съ сожалѣніемъ на моего пріятеля, которой съ неудовольствіемъ качалъ головою; но что оставалось дѣлать? Мы бросились на сію мягкую постелю, и старались заснуть, — но тщетно.

Намъ хотѣлось выѣхать въ при часа поутру; но сильной дождь остановилъ насъ, такъ что мы не прежде шести

ссти

вши часовъ могли оставишь оное пріятное жилище. Мы проѣхали прочую часть долины, которая идетъ отъ Югозапада къ Сѣверовостоку, и длиною будетъ въ холмики, а шириною около четверши. На сей долину лежатъ семь или восемь небольшихъ деревень; земля тамъ весьма плодородна, много луговъ, и ручей течетъ во всю длину сей долины.

По томъ поѣхали мы къ Сѣверозападу черезъ гору, и въ восемь часовъ пріѣхали на большую долину, которая проспирается отъ Юга и Сѣвера, и на которой находится при прихода. Тутъ достигли мы до цѣли своихъ желаній, до славныхъ ледяныхъ горъ. Мы остановились въ первомъ приходѣ, коимъ называется Аржантеръ. Желая поговорить съ какимъ нибудь разумнымъ человѣкомъ, которой могъ бы намъ нѣсколько объяснить сіи чудеса Нэпуры, пошли мы къ католическому священнику, копорого нашли ходящаго по монастырю, и читающаго свой Бревіаріумъ. Получа отъ него отвѣтъ на свои вопросы, хотѣли мы съ нимъ проспираться и итти на ледяныя горы; но онъ принудилъ насъ итти къ нему въ домъ, гдѣ предложилъ намъ хотя проспой, однакожь

весь-

весьма вкусной завтракъ. Во время обѣда пришелъ священникъ той деревни, гдѣ мы ночевали, которой, услышавъ о прибытіи двухъ чужестранцевъ, захотѣлъ съ ними видѣться. Онъ сѣлъ съ нами за столъ; а по томъ пошли мы къ ледяной горѣ, и опшедши къ Востоку около четверти мили, пришли ко льду. Я думалъ, что на льду будетъ весьма холодно; но какъ же я удивился, нашедши тамъ воздухъ такой же теплой, какъ въ долинѣ! Священники наши увѣряли, что если бы солнце сіяло сильнѣе, то отъ великаго жара не могли бы мы шутъ долго пребыть.

На нижней части ледяной горы нашли мы множество песку, и даже множество камней въ нѣсколько центнеровъ. Я думалъ, что они свалились съ ближнихъ горъ; но мнѣ сказали, что ледяная масса въ нѣкопорыя времена — какъ лѣтомъ, такъ и зимою — бродитъ и выбрасываетъ сіи камни и песокъ; а иногда разступается она съ ужаснымъ шумомъ, что показываютъ большія опверзстія, которыя мы въ сей массѣ видѣли, и которыя были наполнены небольшимъ количествомъ воды. Мы шли вверхъ по горѣ около четверти мили;

но

но какъ далѣе совсѣмъ почти не было песку, и въ разсужденіи разсѣлинь опасно было сходить опять внизъ, то мы пошли назадъ въ деревню. Намъ бы надлежало часа три лѣзть вверхъ, чтобы взойти на самую вершину горы. Наши добродушные священники отсовѣтовали намъ сіе сдѣлать, говоря, что мы тамъ не нашли бы ничего, кромѣ большой ледяной долины, простирающейся отъ Юга къ Сѣверу, отъ которой въ разныхъ мѣстахъ идутъ внизъ ледяныя горы, между горами и скалами, до самыхъ нижнихъ плодоносныхъ долинъ. Въ той долинѣ, гдѣ мы были, находится четыре ледяныя горы, а пятая идетъ въ ту, чрезъ которую мы на канувъ того дня проѣхали. Сія верхняя ледяная долина окружена еще высочайшими горами и утесами, на которыхъ лежитъ вѣчной снѣгъ. А топъ снѣгъ, которой зимою падаетъ на ледяныя горы, лѣпомъ шайтъ и ручьемъ стекаетъ въ плодоносную долину.

Ледяныя горы ни лѣпомъ, ни зимою не увеличиваются и не уменьшаются; но говорятъ, что онѣ черезъ два года постепенно становятся болѣе, и сколько же времени постепенно уменьшаются.

юшся. Часто находятъ во льду наилучшіе хрушали, и когда солнце на нихъ свѣситъ, то весь ледъ отъ нихъ прекрасно блискаетъ. Часто большія ледяныя кучи свѣшиваются въ нижнія долины, и бывають подобны остроконечнымъ башнямъ; ихъ называютъ *ледниками* (*Gletscher, glacières*). Вѣтръ, дующій со стороны ледяной долины, бываетъ конечно нѣсколько холоднѣе, однакожь не такъ, какъ бы думать надлежало. Ледяныя горы не суть покрытыя льдомъ горы или скалы, но состоятъ изъ одного льду.

[Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.]

принадлежитъ дому Шабо, находится на лѣвой кѣ Сѣверозападу; а мѣстечко Маршиньи лежитъ въ самомъ углу кѣ Югу. Рона течетъ черезъ сію большую долину отъ Сіона кѣ Св. Маврицію; а Дромза течетъ только со стороны Маршиньи, гдѣ она, въ полмили отъ сего городка, впадаетъ въ Рону. Сія земля съ обѣихъ сторонъ окружена превеликими скалами, и весьма рѣдко увидишь тамъ плодоносныя деревья; только кѣ Югу и Западу находятся прекрасныя виноградныя сады, поля и луга на горахъ.

БЛАГОДѢТЕЛЬНОСТЬ,

Персидская Повѣсть ()*;

Въ Таврисѣ разпространилась зарази-
тельная болѣзнь; а между прочими
занемогъ ею и Гуссеинъ, и такъ сильно,
что сомнѣвались въ его выздоровленіи.
Онъ послалъ нарочнаго за мудрецомъ,
жившимъ уединенно въ горахъ, и быв-
шимъ нѣкогда лучшимъ другомъ его.
Онъ прибылъ. Гуссеинъ заклиналъ мудреца
спасши сына его отъ опасности, съ кото-
рою сопряжена жизнь въ стѣнахъ зара-
женнаго города, и сообщишь ему такое
наставленіе, которое могло бы впредь
устроишь его щастіе. Многіе опыты
увѣрили его, что большая часть человѣ-
ческихъ злополучій происходитъ отъ по-
рочныхъ навыковъ. Онъ показалъ Иба-
ру — такъ назывался мудрецъ —
тайное мѣсто, гдѣ хранились сокровища
его. Но я не почитаю ихъ главнымъ
источникомъ щастія сына моего, гово-
рилъ онъ: мрачная минута, въ которую

К 2

чело-

(*) Переведена изъ Англійскаго Журнала
The Town and Country Magazine.

человѣкъ переходить отъ времени въ вѣчность, занимаетъ всѣ мысли его, и одна добродѣтель остается для него сокровищемъ.

Съ радостію взявъ на себя Ибаръ воспитаніе сына стариннаго своего друга. Онъ увѣренъ былъ въ скорой смерти его, видя, что всѣ его прежнія мнѣнія вдругъ перемѣнились, и что онъ презираетъ богатство житейское, которое прежде было ему столь любезно.

Такимъ образомъ въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ вышелъ Абн-Гуссеинъ изъ главнаго города Персидской Провинціи Абербіяна, и, будучи провождаемъ пустыннокомъ, пошелъ на вершину горы, гдѣ находилось мирное жилище его.

Персія была наполнена прилѣжными кабинетными Учеными, писавшими множество Теорій воспитанія, которыя было пріятно читать, а не исполнять. Ибаровъ планъ былъ самой простой и немудреной. *Дѣлай добро, и будешь счастливъ* — вошъ правило, которое онъ часто повторялъ и старался вкоренишь въ своего питомца.

Ибарово и Абн-Гуссеиново упражне-
ніе ссостояло вѣ томѣ, чшобы обрабо-
вашь поле и садѣ, рвашь шебли сипни-
ка, и плести изѣ нихѣ разныя корзинки.
Они ходили вѣ города и деревни, прода-
вашь свои плоды и корзинки. По томѣ
искали бѣдныхѣ людей, и раздавали имѣ
часть полученныхѣ денегѣ. Ибарѣ назы-
валѣ сіе щасливымѣ благодаріемѣ. Абн-
Гуссеинѣ, живо чувствуя сей родѣ ща-
спія, всякой день хопѣлѣ работашь какѣ
можно долѣе, чшобы болѣе продашь и
облегчишь нужду бѣльшого числа бѣдныхѣ.

Когда Ибарѣ сполько ушвердилѣ ха-
рактерѣ своего пшомца, чшо главныя
краски онаго не могли уже скоро шпе-
решься, шо однажды сказалѣ ему:

Сынѣ мой! ештли Провидѣніе когда
нибудѣ наградитѣ тебя уже не шакимѣ
малымѣ имущесшвомѣ, какое нынѣ прі-
обрѣтаемѣ мы своимѣ изкуссшвомѣ и со-
единенною работою; ештли Оно доста-
витѣ тебѣ вѣ руки большія сокровищи:
шо какимѣ образомѣ употребишь ихѣ вѣ
угодносшъ вышнему Сущесшву?

„Я буду помогашь и служить брашьямѣ
моимѣ „

А что ты сдѣлаешь для самого себя?

„Чего мнѣ желать, кромѣ здравія и сладчайшаго удовольствія сказать бѣдному: возьми, будь прилѣженъ, работай руками своими, будь доволенъ и мудръ подобно Ибару?„

Хорошо, любезной сынъ. Завтра, какъ скоро богъ свѣта разпространитъ свои блистательные пурпуровые цвѣты по воздушнымъ полямъ, доставлю тебѣ средства умножить тѣ чистыя радости, къ коимъ стремится душа твоя. Благо бѣднымъ, слабымъ, безпомощнымъ и утѣсненнымъ, которые съ тѣбою на пути встрѣтятся! Ты можешь сказать имъ: не страшись ничего, братья мои! осушите свои слезы: Аби-Гуссейнъ съ вами — очи его ищутъ бѣдныхъ — онъ подаетъ руку падающему, и утѣшаетъ страдающаго.

Уже священныя пѣсни воздушныхъ обитательей неслись во срѣщеніе дневному свѣтилу, и мудрой Ибаръ привелъ своего питомца къ развалинамъ древней могилы. Помощію принесеннаго подѣма при поднялъ онъ большой и широкой камень. Аби-Гуссейнъ увидѣлъ тутъ круглое
крыльцо

крыльцо; оно повело ихъ подъ сводъ, освѣщаемой слабымъ блескомъ свѣта, которой проходилъ черезъ нѣкоторыя отвѣрстія каменной горы, подпираемой симъ сводомъ. Ибаръ открылъ нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ золошомъ и драгоценными каменьями, и ошдалъ ихъ своему питомцу, кошорой, увидѣвъ лежащія въ нихъ сокровища, съ жаромъ возкликнулъ: Мерзостная причина всего нещастія на землѣ нашей! самовласной тиранъ слабыхъ смертныхъ! ужаснись, свирѣпой Ариманъ (*). Куда я проникнуть могу, вездѣ буду уничтожать злонныя намѣренія помощниковъ твоихъ, и братья мои престанутъ проливать слезы.

Ибаръ, сердечно радуясь благородной ревности любезнаго юноши, поздравлялъ себя съ благополучнымъ окончаніемъ его воспитанія. Онъ привелъ Абн-Гуссеина въ Таврисъ, прижалъ его къ своему сердцу, и сказалъ ему: *прости!* хотя юноша усиленно просилъ его не разставаться съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ поль-

(*) Персіяне называютъ симъ именемъ Причину зла.

зовались сокровищами. Добродушной старецъ былъ пронупъ его нѣжностію, но твердымъ голосомъ повторилъ: *прости!*

И такъ Абн-Гуссеинъ возвратился въ мѣсто своего рожденія, и началъ жить въ изобиліи. Уже пѣснились къ сполу его многіе люди, почипавшіе за великое блаженство услажденіе вкуса; а сіи люди были по большой части болтливые обѣдальны или спихомарашели. Уже бѣдные со всѣхъ сторонъ окружали домъ его, и всякой день наслаждался онъ удовольствіемъ выводить людей изъ нужды. — Скоро особенное обстоятельство, пріятное сердцу его, присоединилось къ сему удовольствію.

Нечаянно — такъ думалъ Абн-Гуссеинъ — узналъ онъ молодую Венеціанку, которая, по словамъ ея, была своимъ отцемъ оставлена въ сей землѣ. Она столько знала Персидской языкъ, что безъ нужды могла имъ изъясняться. Видъ сей женщины, украшаемой въ глазахъ Абн-Гуссеина ея несчастіемъ, ему весьма понравился. Хотя онъ, по избытку богатства и великодушія своего, совершенно во всемъ помогъ ей, однакожь никакъ не

не смѣлъ говорить съ нею о тѣхъ чувствахъ, которыя она произвела въ немъ, чтобъ не подать ей повода думать, будто онъ требуетъ платы за свои благодѣянія. Она сказала ему, что братъ ея Клавдіо страдаетъ въ неволѣ, служа весьма жестокосердому господину. Клавдіо тотчасъ получилъ свободу, и шалъ управителемъ въ Гуссеиновомъ домѣ. Спинешта — такъ называлась Венеціанская красавица — живя у Гуссеина, часъ отъ часу казалась ему прелестнѣе. Наконецъ любовь выгнала изъ сердца его нѣжной страхъ вмѣшатель въ свое благодѣяніе горочное вождельніе. Онъ осмѣлился, началъ говорить, воздыхать, — и Спинешта общала слушать его благоклонно; но черезъ нѣсколько дней по томъ Клавдіо и мнимая сестра его скрылись. Отходящій Караванъ облегчилъ ихъ побѣгъ и мерзостную неблагодарность; — они унесли у благодѣшеля своего все то, что взять могли. Абн-Гуссеинъ долго не могъ опомниться отъ великаго изумленія, въ которое привелъ его такой гнусной поштунокъ. Тогда узналъ онъ отъ одного земляка бѣглецовъ, что Клавдіо совсѣмъ не братъ

Спинештѣ, и что она также была невольница, а получила свободу черезъ лукавство, умѣвъ ослѣпить продавца невольниковъ, которой привезъ ее въ Таврисъ. Абн-Гуссеинъ былъ оскорбленъ, пристыженъ, пораженъ горестію, и старался разперзанное сердце свое изцѣлить разными благодѣяніями.

Узнавъ, что купецъ, сосѣдъ его, былъ въ крайней нуждѣ, и что все его имущество будущъ продавать съ великимъ для него убыткомъ, онъ тотчасъ пошелъ къ нему, и въ тотъ же день привелъ его въ состояніе удовольствоваться тѣхъ заимодавцевъ, которые наиболѣе старались погубить его.

Абн-Гуссеинъ, котораго Ибаръ выучилъ наилучшимъ образомъ удобривать землю и размножать плоды, захотѣлъ разпространить садъ свой, чтобы симъ упражненіемъ разсѣять свои мысли о Спинештѣ. Подлѣ стѣны дома его была порожняя земля, которую хотѣлось ему купить и обработать. Сіе поле принадлежало тому купцу, которому онъ передъ тѣмъ оказалъ важную услугу. Онъ при-

пришелъ къ нему, и дружески просилъ его уступить ему свою землю; но не смотря на то, что онъ давалъ ему двойную цѣну, купецъ находилъ разныя пусыя причины не исполнить его желанія, и наконецъ Абн - Гуссейнъ долженъ былъ за сію землю уступить ему всю сумму, которую далъ ему въ заемъ, хотя земля во сто разъ менѣе того стоила.

Въ самое то время спали пѣшь въ городѣ сапирическія пѣсни на Абн - Гуссейна, и увѣряли, что онъ были сочинены его заспольными стихотворцами. Зависть, возбуждаемая великимъ его богатствомъ, восступила еще наглѣе сего. Вдругъ начали говорить, что онъ обогащѣлъ отъ запрещеннаго шорга. Сему ложному слуху споль охотно всѣ вѣрили, что черезъ нѣсколько дней взяли его подъ стражу и потащили къ Кади, гдѣ почти всѣ сосѣди и друзья его стояли передъ судейскимъ споломъ, и прошивъ него свидѣтельствовали. Онъ не хотѣлъ ничего говорить, а просилъ Кади сдѣлать въ домъ его спрогой осмотръ, оставаясь самъ на сіе время въ судейской

ской комнатѣ. Сіе исполнилось, и подлые доносители были поспыжены.

Не могъ онъ веселиться побѣдою своею надъ клеветою, воображая, что его обругали и какъ преступника тащили къ суду, среди кучи народа, осыпаннаго благодареніями его. Онъ лишился обыкновенной своей веселости, и совсѣмъ почти забылъ исполнять свои добродѣтели. Глубокая меланхолія довела его до того, что онъ для всѣхъ безъ разбора запиралъ двери свои. Коротко сказать, Абн-Гуссеинъ спалъ несчастливъ, и всего несноснѣе казалось ему жить въ Таврисѣ.

Почувствуя однажды сильное умноженіе своей печали, уѣхалъ онъ изъ Тавриса, и посѣшилъ Ибара.

Безразсудной глупецъ! сказалъ онъ Ибару: извѣсны ли тебѣ сердца людей; копорыхъ ты велѣлъ мнѣ любить? Знаешь ли, что они неблагодарныя швари, измѣнники и лицемеры? Для чего вселилъ ты въ меня такія къ нимъ чувства, копорыхъ они совсѣмъ недостойны?

„Для

„Для своего блага.„

Для моего блага? А я несчастнѣ всѣхъ сыновъ Алиевыхъ?

„Скажи мнѣ прежде, сынъ мой, что тебѣ приключилось?„

Абн-Гуссейнъ рассказалъ ему, какъ поступили съ нимъ спихомарашели, купецъ, Клавдіо и Спинешта, и какъ обругалъ его Кади.

Юноша! сказалъ Ибаръ: дѣлалъ ли я оцѣнку добродѣтели? Говорилъ ли я, что ты за благодѣнія свои можешь получить достойное награжденіе? Для чего хотѣлъ ты торговать добрыми дѣлами? — Сшупай, возвратись въ Таврисъ, и дѣлай добро неблагодарнымъ. Единственное награжденіе добродѣтели есть сама добродѣтель; впрочемъ ничто на землѣ не можешь наградить ее. Сшупай, разсмашривай людей для собственнаго своего удовольствія, и не ожидай ничего, а особливо отъ похвалы споловыхъ друзей и риемоспешашелей, отъ женскихъ слезъ и мнѣній народныхъ.

Абн-

Аби-Гуссеинъ возвратился въ Таврисъ, спалъ лучше разбирашь людей, продолжалъ дѣлать добро, и наконецъ, живъ долго въ щасливомъ состояніи, перешелъ въ нѣдра Того Существа, Котораго благодѣтельность была предметомъ его подражанія.

ВОЗТОЧНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ (*).

Кто спокоенъ въ сердцѣ, тотъ обла-
даешъ всѣми сокровищами. У кого
ноги въ башмакахъ, тому кажется, что
вся земля покрыта кожею.

Все чиналъ, все слышалъ и все сдѣ-
лалъ тотъ, кто бросилъ всю надежду,
и не зависитъ отъ ожиданій.

Ядовитое дерево, мѣръ, произво-
дитъ два плода, которые такъ сладки,
какъ вода жизненная: Поэзію, вкусомъ
подобную соку безсмертныхъ, и сообще-
ство правдивыхъ людей.

Богатство подобно праху на но-
гахъ — юность подобна быспрому
ручью, текущему съ холма — муже-
ской возрастъ подобенъ водяной каплѣ,
блестящей и скоро исчезающей — чело-
вѣческая жизнь подобна пѣнѣ.

Горестъ и удовольствіе вертятся
какъ колесо — когда на верху удоволь-
ствіе, берегись; когда горестъ на верху,
также берегись.

Когда

(*) Переведены изъ Англійскаго Журнала
The Universal Magazine.

Когда слонъ съ ношею увязнетъ въ грязи, тогда другой слонъ беретъ на себя ношу его: такъ добрые люди должны помогать другъ другу.

Красота черной Индійской птицы состоитъ въ ея голосѣ, красота жены состоитъ въ вѣрности къ своему мужу — красота несчастнаго есть наука, красота кающагося есть шерпѣніе.

На что богатство тому, кто ничего не даетъ, и самъ ничѣмъ не пользуется? На что тому сила, кто не сражается съ непріателемъ? На что тому святой законъ, кто не исполняетъ добродѣтелей? На что тому душа, кто не хочетъ укрощать спрасшей своихъ?

Когда идетъ дождь, выспаваютъ горшокъ; по каплямъ падаетъ дождь, и горшокъ твой полонъ становишься: такъ поступай въ разсужденіи знаній, добродѣтели и богатства.

М А Л А Б А Р С К О Е
П Р А З Д Н Е С Т В О ,

Описанное очевидцемъ ().*

Любопытство побудило меня въ 1775 году быть на праздникѣ, которой ежегодно торжествуется на горѣ, называемой *Терунамалли*, или *Святою горю*, въ семидесяти миляхъ отъ крѣпости Св. Давида. Празднество начинается въ Ноябрь, въ день полнолунія, и спеченіе народа бываетъ почти невѣроятное. Прежде всего обходящъ въ процессіи гору черезъ нѣкоторую алею, которая по видимому на то и сдѣлана, и въ которой на равномъ разстояніи находишь двашцать чешыре храма; а передъ всякимъ храмомъ сдѣланъ бассейнъ, наполненной чистою водою. По обѣимъ сторонамъ хода стояли Пандараны, въ разныхъ положеніяхъ и платьяхъ, которые держали

Часть XVII. No. 12. Л въ

(*) Взято изъ Англійскаго Журнала The New London Magazine.

въ рукахъ мѣдные пазы, и безиреспубликанно кричали мимоидущимъ: подайте милоспыню, и пріимите небо! Другіе сидѣли передъ храмами боговъ, проповѣдывали дѣла и славу ихъ, и возбуждали народъ къ благоговѣнію. Прославляя такимъ образомъ величество своихъ идоловъ, и стараясь питать въ народныхъ сердцахъ чувства набожности, они безпрестанно смотрѣли на пазы, которые мало помалу наполнялись мѣдными колушками, шамошнею монетою. Нѣкоторые увязывали длинные свои волосы вокругъ ногъ. Другіе лежали среди дороги на одрахъ, подобно трупамъ, и были засыпаны землею, какъ будто бы готовились на сожженіе; ротъ у нихъ былъ разинутъ, и всякому подходящему къ нимъ кричали они о милоспынѣ. Нѣкоторые были совсѣмъ покрыты землею, такъ что я не понималъ, какъ они дышать могли; но чтобы зрители не почли ихъ кучами песку, то поднимали они вверхъ руки и ноги свои. Многіе лежали на остромъ терновникѣ какъ на постелѣ; другіе плясали вокругъ пазовъ, держа подъ лѣвою мышкою связанные зажженные факелы, такъ что пламя до-
спа-

спавало до лица. Въ другой рукѣ держали они сосудъ съ масломъ, кошорымъ пишали огонь, и дѣлали сіе споль искусно, что огонь не причинялъ имъ никакого вреда. Иные висѣли на веревкахъ между деревьями; а подѣ ними горѣлъ огонь. Другіе стояли на головѣ, и совсѣмъ не прогались. На одной изъ небольшихъ Пагодъ висѣло около двѣнашцати колыбелей, наполненныхъ людьми, что составляло чудное зрѣлище.

Народъ, обходя вокругъ холма, покланялся передѣ каждою Пагодою, и кропился водою изъ чановъ. Часто всѣ вдругъ покланялись и передѣ вершиною горы, кошорая, по народному мнѣнію, имѣетъ пять лицъ, означающихъ пять чувствъ или силъ горнаго божества. Особливое почтеніе оказывали они одному памяшнику, стоящему подлѣ холма въ образѣ каменной спашуи, кошорая по ихъ называется *Наделью*, и на кошорой богиня *Унаманія* усмиряла гнѣвъ своего супруга, Арунасалы Испурена.

Одинъ странной человекъ обратился на себя все мое вниманіе: руки его бы-

ли выпянуты вверхъ, пальцы надъ головою крѣпко сложены, составы не имѣли уже никакой гибкости, мускулы ошвердѣли какъ кости, а ногти на пальцахъ проросли черезъ ладони, никогда не разжимавшіяся, такъ что они уподоблялись когтямъ хищнаго звѣря, и по своей кривизнѣ совсѣмъ не казались ногтями живаго человѣка.

Онъ пріѣхалъ изъ земли Марашповѣ; отъ роду было ему сорокъ лѣтъ, изъ которыхъ двашцать провелъ онъ въ описанномъ положеніи. Онъ не говорилъ шамошнимъ языкомъ. Пандараны переводили мнѣ слова его. Онъ сказалъ, что руки его во время молитвы сами собою поднялись вверхъ, и сложились въ семъ положеніи, въ которомъ онъ, слѣдуя мановенію Вышняго, навсегда ихъ оставилъ. Обыкновенно ѣздилъ онъ на лошади; одинъ изъ его свиты велъ лошадь, а Пандараны пеклись о потребностяхъ его. Куда онъ ни пріѣзжалъ, жители вездѣ осыпали его богатыми дарами. Столь сильно дѣйствіе суевѣрія!

Вечеру въ большой Пагодѣ на *Терунамалли* данъ былъ сигналъ пушечнымъ

выспрѣломѣ, и вдругѣ запылала славная лампада на вершинѣ холма. Какѣ скоро народѣ увидѣлѣ сію лампаду и многія другія, зажженныя пусшынниками вѣ пещерахѣ, вѣ самую ту минушу всѣ подняли вверхѣ руки свои, и единогласно возкликнули къ Арунасалѣ, покланяемому богу. Поднятыя руки шакого множества людей вѣ минушу возныланія лампады, приведшей ихѣ вѣ возхищеніе, составляли великолѣпное зрѣлище.

Душа, окруженная поржеспвенными предметами, охошно принимаетѣ всѣ ихѣ впечатлѣнія, отвергаетѣ всякую низкую мысль, предается сладостному чарованію шихой меланхоліи, и наслаждается гармоническими чувспвами, чувспвами любви и кротости. Сіе случилось и со мною — споль сильно пронуша была душа моя, когда явилась лампада, какѣ будто бы сверхѣспственнымѣ огнемѣ возпаленная, и освѣшила лучами своими народѣ, не отвращавшій глазѣ своихѣ отѣ священнаго пламени! Всеобщія шѣлодвиженія и крикѣ показывали сильное движеніе сердца, наполненнаго чувспвами религіи и благочестія,

стія, великодушія и благодарности. Но не могъ я долго пребыть въ семъ пріятномъ состояніи; самыя тѣ существа, которыя были причиною онаго, опять лишили меня сей радости. Съ механическимъ равнодушіемъ оставили они видъ благоговѣнія, и слова возвратились къ тѣмъ ребяческимъ забавамъ, которыя составляютъ большую часть ихъ празднества, и которыми занимаются они съ такою же ревностію, съ какою дѣти играютъ новою куклою. Едва ли ктонибудь изъ нихъ обращалъ глаза на шотъ предметъ, которой за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ приводилъ ихъ въ жарчайшій восторгъ,

Упомянутая лампада горитъ тринадцать часовъ. Люди, зажигающіе и питающіе огонь ея, бывають обыкновенно изъ рыбаковъ, и только изъ тѣхъ, которыя могутъ ловить рыбу въ рѣкахъ и каналахъ, называемыхъ *Сембаравани*; ибо Малабарскіе Поэты, творцы ихъ Мифологіи, нишутъ, что богъ Арунасала Испуриръ взялъ себѣ жену изъ сего класса людей. Лампада есть большой желѣзной кошелъ, въ которой кладутъ семдесятъ ку-

кусовъ полошна, каждой въ штриццать аршинъ длиною; сіе полошно поливаютьъ масломъ и саломъ, и зажигаютьъ. Прежде, когда народъ былъ еще богатѣе и щедрѣе въ такихъ случаяхъ, дѣлались сіи приготовления въ большомъ отперзстіи, образованномъ самою Натурою въ камень. Издержки для сей церемоніи бывають нынѣ частію на счетъ церковной казны, а частію употребляются на произвольные дары, въ храмы приносимые.

Произхождение сего праздника описывается различнымъ образомъ. Одни говорятъ, что Унаманія, жена Арунасалы Испурина — дочь рыбакова, имѣ похищенная — однажды подкралась къ играющему супругу своему, и завязала ему глаза; что въ ту минуту покрылся мракомъ нижній міръ, и всѣ земные боги пришли къ Арунасалѣ жаловаться на тьму; что онѣ, оборотясь къ женѣ своей, бранилъ ее какъ виновницу сего приключенія, и сказалъ, что она не можетъ получить прощенія, естли не пойдетъ въ нижній міръ, и тамъ не покается; что она повиновалась его повелѣ-

Д 4

нію,

нію, но выбрала себѣ въ мірѣ такое жилище, въ которомъ ставили сѣти красовѣ ея, и нѣкоторое время ея намѣреніе не могло исполниться; что наконецъ пришла она къ Терунамзали, принесла покаяніе, поставила упомянутую спашую, и загладила свое преступленіе; что удовольствованной Арунасала явился ей на вершинѣ холма въ пламени, и нижній мірѣ освѣтился. Вотъ краткое начертаніе басни, наполненной многими и подробными поэтическими изображеніями.

Въ заключеніе сего описанія долженъ я сказать нѣчто о пустынникахъ, живущихъ на холмѣ въ пещерахъ. Жители говорятъ съ великимъ удивленіемъ и почтеніемъ о строгой и чудесной жизни ихъ, ушверждая, что они довольствуются единственно тою пищею, которую находятъ подлѣ отверстія своего жилища. Я видѣлъ многихъ изъ сихъ людей, и посѣщаль двухъ, которые почитали себя такими святыми существами, что сперва не хотѣли было меня и впустишь къ себѣ. Но когда я скинулъ башмаки, то они позволили мнѣ войти въ пещеру, и осмогрѣшь все, что я видѣть хотѣлъ.

Сіа

Сии пустынники любящъ загадки, и говорятъ, будто они живушъ шупъ съ самаго сотворенія горы, родились въ семь мѣстѣ, и всѣ предки ихъ жили шупъ же. Въ пещерахъ ихъ нѣшъ поваренной посуды; но внизу есть большой каменной очагъ, прекрасной каналъ и широкое *Баніановое дерево*, гдѣ находится все нужное и удобное для жизни — все то, чего они не могутъ держать въ пещерахъ своихъ.

Еще забылъ я сказать, что когда загорится лампада, то сильное пламя означаетъ, по мнѣнію народа, хорошую, а слабое худую жашву.

О
ГЕНРИХЪ ВЕЛБИ,
Странномъ челоѣкѣ,
Которой
СРЕДИ ЛОНДОНА

*Велъ пустынноическую жизнь цѣлые
44 года (*).*

Доброй и благодѣтельной Генрихъ Велби родился въ Ликольшайрѣ, и получилъ въ наслѣдство 1000 фунтовъ ежегоднаго дохода. По обыкновенію былъ онъ воспитанъ въ Университетѣ, нѣсколько лѣтъ слушалъ коллегіи Правъ, по томъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, возвратился челоѣкомъ просвѣщеннымъ, поселился на своей наслѣдственной землѣ, жилъ весьма гостепріимно, обходился съ тѣми людьми, коихъ любилъ, и произвелъ на свѣтъ прекрасную и добродѣтельную дочь, вышедшую наконецъ за мужъ съ его согласія, и за
шакого

(*) Изъ Англійскаго Журнала The Universal Magazine.

такого человека, которой сосполниемъ
 своимъ былъ ни выше, ни ниже ея. Бу-
 дучи всѣми почиаемъ и любимъ, до-
 жилъ онъ до 40 лѣтъ. Однажды встрѣ-
 тился съ нимъ въ полѣ меньшей братъ
 его, которой былъ съ нимъ въ нѣко-
 шоромъ дѣлѣ разнаго мнѣнія, выхватилъ
 пистолетъ, и прицѣлился по немъ;
 но пистолетъ, къ щастію, оскѣся. Ген-
 рихъ подумалъ, что братъ хотѣлъ его
 поспрацать; и по тому весьма хладно-
 кровно отнялъ у него пистолетъ, поло-
 жилъ его въ карманъ, и спокойно по-
 шелъ домой. Какъ же онъ изумился,
 нашедши въ немъ пули! Сіе произвело
 въ душѣ его такое дѣйствіе, что онъ
 шупъ же на мѣстѣ рѣшился совершенно
 удалиться отъ свѣта, и до конца жизни
 своей пребывалъ твердъ въ семъ спран-
 номъ рѣшеніи. Онъ купилъ прекрасной
 домъ въ Гробспришѣ, ограничилъ число
 слугъ своихъ, разположилъ домъ по сво-
 имъ мыслямъ, и взялъ себѣ три комна-
 ты; въ одной онъ обѣдалъ, въ другой
 спалъ, въ третей читалъ и писалъ. Сіи
 комнаты были рядомъ; и по тому, когда
 старая служанка спавила на столѣ ку-
 шанье, уходилъ онъ въ спальню; а ког-
 да она оправляла постелю, онъ сидѣлъ
 въ

вѣ своемѣ кабинетѣ. Во всѣ 44 года не выходилъ онѣ изъ сихъ прехѣ комнашѣ, до того часа, вѣ которой вынесли его ошшуду на плечахѣ человѣческихѣ, и во все сіе время никто не видалѣ его: ни зять, ни дочь, — ни братѣ, ни сеспра — ни дядя, ни племянникѣ — ни молодой, ни старой — ни богашой, ни бѣдной — кромѣ старой дѣвки, Елисаветы. Она подавала ему свѣчи, оправляла постелю, гоповила кушанье и прибирала комнашы. Впрочемѣ и она рѣдко его видала, и шо при чрезвычайныхѣ случаяхѣ. Сія вѣрная служанка умерла за шесть дней до его смерти. Во все время шихой жизни своей не ѣлѣ онѣ ни мяса, ни рыбы. Овсяная каша была обыкновеннымѣ его кушаньемѣ. Иногда лѣшомѣ Елисавета дѣлала ему салатѣ изъ разныхѣ прохладительныхѣ правѣ. А когда ему хотѣлось полакомиться, шо ѣдалѣ онѣ яичной желшокѣ, а бѣлокѣ всегда оставлялѣ. Изъ хлѣба выѣдалѣ одинѣ мякишь, а до корки никогда не допрогивался. Пилѣ одно пиво; а вина и водки вѣ ротѣ не бралѣ. По временамѣ лакомился конфекшами; пивалѣ и молоко, но только парное, за кошорымѣ Елисавета всегда вѣ деревню жи-

хаживала. Домашнимъ своимъ давалъ онѣ доброй столъ, и весьма изобильной погда, когда прихаживалъ къ нему въ домъ поспоронній человѣкъ и оставался шупъ обѣдать. Онѣ доспавалъ всѣ печатныя книги; но естли онѣ касались до спорной матеріи, то онѣ опкладывалъ ихъ на сторону.

Въ Рождество, въ Свѣшное Возкресење и въ другіе праздники заказывалъ онѣ большой обѣдъ, въ которомъ бывали всякія лучшія кушанья. Служанка накрывала въ его комнашѣ столъ, спавила на него всѣ блюда и множество бушылочъ вина. Прочитавъ молитву, бралъ онѣ чистую салфешку, надѣвалъ длинныя бѣлыя рукава, разрѣзывалъ мясо, и посылалъ одно блюдо за другимъ къ бѣднымъ, жившимъ вокругъ его дома: одному говядину, другому гуся, претьему каплуна, и проч. И такимъ образомъ столъ его становился пущѣ. Тогда, прочитавъ благодарственную молитву, складывалъ онѣ салфешку и рукава; а Елисавета снимала со стола скашертъ. Въ сіи дни уживѣ бывалъ у него такой же богатшій; но самъ онѣ ни за что не принимался — ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ — а все шакимъ образомъ разсылалъ. Не всегда помогалъ онѣ

онъ уличнымъ нищимъ, которые безсмыдно приходили къ нему въ домъ. Но когда изъ уединенной своей комнаты, которая была окнами на улицу, видѣлъ онъ какого нибудь хромага, слабаго, больнаго: то всегда высылалъ ему деньги на лѣкарство или на пищу, — и не копѣйку, а сколько, что бѣдной могъ прожить тѣмъ нѣсколько дней. Сверхъ того освѣдомлялся онъ, кто изъ сосѣдей его прилѣженъ въ своемъ званіи, кто обремененъ дѣтьми, и можно ли имъ трудами и прилѣжностію своею прокормить свое семейство; а есмьли нѣтъ, то посылалъ имъ щедрые подарки, смотря по ихъ нуждамъ. Онъ умеръ 29 Октября, 1636, въ Гробсрипскомъ домѣ своемъ, будучи осьмидесяти осьми лѣтъ, изъ которыхъ послѣдніе сорокъ четыре года провелъ въ произвольномъ уединеніи. Онъ шакъ обросъ волосами и бородою, что при смерти своей походилъ болѣе на лѣснаго пустытника, нежели на жителя одного изъ первыхъ городовъ въ свѣтѣ.

Т Л Ъ Н Н О С Т Ъ (*)

Скоро, скоро летишь время! Шумяшь его быспрыл крылья, никогда и ничѣмъ незадерживаемыя. Предъ сѣдымъ челомъ его блѣднѣетъ величество солнца. Оно низвергаетъ на землю огромные черпоги Владѣтелей міра и гордые олтари; пирамиды и храмы предъ нимъ въ прахъ разпадаются. За нимъ медленно шествуетъ согнувшаяся старость; позади ея, въ грозной рукѣ смерти, страшно блистаетъ острая коса, и, подобно косимой травѣ, падаютъ роды и покрываютъ печальныя поля безчисленными шрупами. — — Тщетно бѣжишь ты отъ кровавыхъ мечей разбойниковъ и отъ губительной стрѣлы убійцы — отъ свирѣпыхъ воиновъ, покрытыхъ блистательнымъ оружіемъ — отъ ревущихъ бурь, отъ опасностей моря, отъ кораблекрушенія и медленно умерщвляющаго глада! Рано или поздно, въ покойной комнатѣ или на кровавомъ полѣ брани, поразитъ тебя смерть
спрѣ-

(*) Изъ Leipziger Wochenblatt.

спрѣлою своею. Мановеніе рока окри-
ляетъ ее — спальный лукъ напря-
гается — и се лепитъ она, лепитъ и
убиваетъ! Не защититъ тебя цвѣшущая
юношь — не сохранитъ роза, сіяющая
на нѣжныхъ твоихъ ланикахъ. Не пры-
гай рѣзво по цвѣтамъ благоуханнымъ!
се увядаютъ они подъ стопами твоими,
и въ жилахъ твоихъ печетъ уже, мо-
жетъ быть, ядъ пожирающей болѣзни.
Невидимо носится всюду Ангелъ смерти,
скоро вступаетъ въ низкую хижину бѣд-
наго, быстро мчится въ чертоги цар-
скіе и преклоняетъ гордую выю ши-
рановъ; внезапнымъ приходомъ пугаетъ
мудраго, и часто ужасаетъ веселый на-
родъ въ шумъ неосторожныхъ радостей,
подобно полунощному грому. Бодрствуй
и ожидай удара его — не устрашишь
его внезапнаго прихода, и закройся щитомъ
невинности. Тогда не приведетъ
тебя въ трепетъ ревущій шумъ под-
земныхъ жилищъ и паденіе горъ.

НЕРВНОЙ СИСТЕМѢ (*).

Та часть человеческого тѣла, которая называется *нервною системою*, наиболее состоипѣ изъ великой мягкой массы, называемой мозгомѣ, которая наполняешѣ пущошу черепа, и, по соразмѣрности тѣла, занимаешѣ у человека болѣе мѣста, нежели у какого нибудь другаго звѣря.

Мозгѣ кажется самѣ по себѣ самую грубою и неизкусственною матеріею, такѣ что во всемѣ тѣлѣ человеческомѣ нѣшѣ такого органа, которой бы, по видимому, былѣ менѣе способенѣ ко связи сѣ мысленною силою. Но хотя намѣ и не лзя вообразить, какѣ можешѣ быть сія связь, или какимѣ образомѣ нервы сущѣ органы чувствованія и движенія; однакожѣ мы совершенно увѣрены, что онѣ сущѣ и по и другое. Не бесполезно узнать, для чего мы сіе миѣніе имѣ-

Часть XVII. No. 13. М емѣ

(*) Взято изѣ Англійскаго Журнала The Universal Magazine.

емъ и утверждаемъ; а практическому лѣкарю необходимо должно разумѣть сіе. Мозгъ есть столица мысли — сіе заключаемъ мы изъ слѣдующихъ причинъ:

1. Всякой чувствуетъ, что онъ въ головѣ нѣчто воображаетъ, помнитъ, разсуждаетъ и всѣ душевныя силы свои приводитъ въ дѣйствіе; а пустоша сей головы вся наполнена мозгомъ.

2. Подобно какъ сильное дѣйствіе рукъ и ногъ производитъ боль въ сихъ частяхъ тѣла, такъ и сильное размышленіе причиняетъ головную боль.

3. Нервы, принадлежащія къ нашимъ чепыремъ чувствамъ — къ обонянію, вкусу, зрѣнію и слуху — идутъ непосредственно изъ мозга. А хотя другія выходятъ и изъ спиннаго мозга, однакожь сей мозгъ имѣетъ почтѣйшую связь съ головнымъ.

4. Что повреждаетъ нервы какогонибудь органа, то останавливаетъ и дѣйствіе его. Такимъ образомъ отъ засоренія зрительныхъ нервъ происходитъ совершенная слѣпота, хотя наружныя части глазъ и совершенно цѣлы.

Видя,

Видя, что поврежденіе нервѣ, идущихъ изъ головнаго или спиннаго мозга въ какую нибудь часть тѣла, повреждаетъ чувство и силы сей части, выводимъ мы изъ того натуральное слѣдствіе, что отъ поврежденія мозговой сущности должны повредиться и всѣ дѣйствія онаго. Сіе въ самомъ дѣлѣ такъ бываетъ, и дѣятельность мозга перяется по мѣрѣ поврежденія онаго.

Рана, или болѣзнь, существенно повреждающая организацію мозга, изпробляетъ мысленную и чувствительную силу, и человекъ умираетъ. Что мозгъ давитъ или тѣснитъ, то разрушаетъ мысленную силу.

Ударъ, которымъ самой острѣеюмной человекъ бываетъ пораженъ въ голову, дѣлаетъ его глупымъ на всю жизнь.

Натуральная глупость происходитъ обыкновенно отъ худой формы черепа, или отъ ослабленія мозговой сущности; а мозгъ бѣшеныхъ бываетъ всегда чрезмѣрно ширъ или тяжель.

Тихое давленіе мозга уменьшаетъ, а сильное разрушаетъ чувствительную силу всего тѣла.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ жилъ въ Парижѣ нищій, кошорой отъ нѣкотораго несчастнаго случая лишился части своего черепа, коша мозгъ и цѣль остался. Когда у него зажила рана, носилъ онъ на ошверзспии черепа жестяной кружокъ, чтобы мозгъ его не повредился отъ какого нибудь случайнаго прикосновенія. Сей бѣдной человекъ за малую монету снималъ закрывку, и давалъ себѣ попихоньку давить мозгъ, черезъ положенной на него плашокъ, или иную легкую машерію. Тогда темнилось у него въ глазахъ, и онъ отъ слабости падалъ. Когда жали мозгъ посильнѣе, тогда онъ лишался всѣхъ чувствъ, тяжело дышалъ, и былъ подобенъ такому человеку, кошораго параличь ударилъ. Какъ скоро переставали давить мозгъ, онъ опять мало помалу отдыхалъ. А какъ сіи опыты не имѣли для него никакихъ худыхъ слѣдствій, то онъ позволялъ ихъ часто повпорять, и они производили всегда одинакое дѣйствіе.

Г Е С Н Е Р О В А (*)

С М Е Р Т Ь.

Филонъ. Возвратись, любезная Лида! возвратись, брось свои цвѣтныя ленты, разнусти волосы и сплети вѣнокъ кипарисной. Нѣтъ уже пѣвца Канпоновъ нашихъ! . . . Поди, плачь съ своими подругами; и когда луна взойдетъ за сосновымъ лѣсомъ, приходи съ ними на лугъ, подлѣ него лежащій.

Такъ говорилъ Филонъ Лидѣ. Прекрасная пастушка онѣмѣла; слезы оросили голубые глаза ея и покатались по блѣдному ея лицу. Не сказавъ пастуху ни слова, она возвращается и сообщаетъ своимъ подругамъ сіе печальное извѣстіе.

Всѣ вдругъ погружаются въ горестъ. Уже не раздаются по рошамъ голоса юныхъ пастушскѣ; нѣжная свирѣль молчитъ, и по временамъ слышно одно бле-

М 3

яніе

(*) За немѣніемъ нѣмецкаго подлинника, сія прекрасная Идиллія переведена съ Французскаго Меерова перевода изъ *Mercure de France*.

яніе заблудившагося агнца. Сидя на берегу рѣки, раздѣляющей лѣсъ на двѣ части, пастушки въ молчаніи плетущь кипарисныя вѣнки.

День былъ тихъ, а по шомъ наступала кротчайшая ночь. Луна, привлеченная симъ торжественнымъ молчаніемъ, взошла весьма рано.

Съ Лидою пошли на лугъ пастушки и пастушки, проходя медленно черезъ алеи старыхъ дубовъ. Пшички молчали и не смѣли летать. Листья пребывали неподвижны, и ручьи текли безъ журчанія. Сей печальной праздникъ былъ свящъ для всѣхъ существъ.

Филонъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Всѣ, отвѣтствовали ему.

Филонъ. Подите за мною въ порядкѣ. Возьмемъ сіи гладкіе камни и опнесемъ ихъ подъ старыя дубы, покрытыя мхомъ — шущь соорудимъ олттарь.

Всѣ пошли за нимъ въ молчаніи; и скоро совершилось сіе простое зданіе.

Филонъ. Положите кипарисныя вѣнки на олтарь; и пусть всякой изъ насъ посвятитъ свой вѣнокъ, какъ ему угодно!

Я посвящаю свой вѣнокъ гармоническому Пѣвцу нашихъ Кантоновъ.

А я, сказалъ Клеонъ, приношу свой вѣнокъ другу нѣжныхъ шутокъ.

Мой вѣнокъ, сказала Эглея, принадлежитъ мудрому и чувствительному Геснеру.

Мой человеколюбивому судьѣ — сказала Теида — доброму гражданину, вѣрному другу, нѣжному отцу, наилучшему супругу.

Лида въ свою очередь подошла къ олтарю и сказала: я посвящаю вѣнокъ свой добродѣтельному Сказала, и закрывъ волосами лице свое, слезами омоченное, упала на землю передъ жертвенникомъ.

Прочіе то же сдѣлали — всѣ молчали.

Почувствовали легкое потрясеніе во всей окрестности — потрясеніе, бывшее знакомъ того участія, которое брала Природа въ смерти своего любимого Поэта.

Пастухи и пастушки возвратились въ томъ же порядкѣ. Всякой шелъ вдыхать въ сельское свое жилище; всякой, удаляясь отъ сего мѣста, обращалъ глаза, слезами орошенные, на скромную Мазолею, которую вѣчная скорбь посвятила памяти умершаго.

Одинъ молодой Русской Поэтѣ, съ
самыхъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ любившій
Геснера, излилъ чувства свои въ раз-
сужденіи сего незабвеннаго Пѣвца, слѣ-
дующими стихами:

Алпійскій Теокритъ, слачайшій Пѣснопѣвецъ!
Еще друзья твои въ печали слезы льютъ —
Еще зеленый мохъ не видѣнъ на могилѣ,
Скрывающей прахъ! Въ возпоргѣ пѣлъ
ты намъ

Невинность-дѣтскому, пастушескіе нравы,
И пѣснямъ пѣнялъ всѣ нѣжныя сердца. —
Сію слезу свою, пенущую толь быстро,
Я въ жертву приношу тебѣ, Аспреинъ другъ!
Ссѣдечную слезу и вздохъ и пѣснь Поэта,
Любившаго тебя, прими, благослови,
О Духъ, блаженный Духъ, здѣсь въ Геснерѣ
блиставшій!

Н Ъ Ч Т О

изъ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРИѦМЕТИКИ.

Есшьли положишь, что на землѣ жи-
вешъ около 1000 милліоновъ людей,
и что каждая генерація [порожденіе] со-
стоишъ изъ 33 лѣтѣ, то въ 33 года
умираешъ 1000 милліоновъ людей. Слѣд-
ственно на землѣ умираешъ

Всякой годѣ	-	-	30000000.
Всякой день	-	-	82000.
Всякой часѣ	-	-	3400.
Всякую минушу	-	-	60.
Всякую секунду	-	-	1.

А какѣ число умирающихъ со-
держишся къ числу родящихся какѣ 10
къ 12, то родишся

Всякой годѣ	-	-	36000000.
Всякой день	-	-	98400.
Всякой часѣ	-	-	4080.
Всякую минушу	-	-	70.
Всякую секунду	-	-	$1\frac{2}{15}$.

Есшьли бы ни одинѣ человекѣ на
землѣ не умиралѣ, то жило бы въ 5725
году отѣ сотворенія міра 173000 мил-
ліоновъ людей. А какѣ твердой земли

няжѣ і человекѣ изѣ 40, вѣ малыхѣ го-
родахѣ і изѣ 32, вѣ посредственныхѣ і
изѣ 28, а вѣ самыхѣ большихѣ 2 изѣ
24 или изѣ 25. Можно положить, что
вѣ цѣлой землѣ умираетѣ і изѣ 36. И
такѣ изѣ 1000 живущихѣ умираетѣ еже-
годно 28 человекѣ.

Есѣли 100 младенцевѣ родится вѣ
одно время, то оспаеѣ изѣ нихѣ
черезѣ 6 лѣтѣ 64.

— 16 — 40.

— 26 — 25.

— 36 — 16.

— 46 — 10.

— 56 — 6.

— 60 — 3.

— 70 — 1.

— 80 — 0.

Изѣ 1000 младенцевѣ, которыхѣ кор-
мятѣ сами матери, умираетѣ по край-
ней мѣрѣ не болѣе 300; а изѣ 1000
младенцевѣ, которыхѣ кормятѣ корми-
лицы, конечно умретѣ 500.

Примѣтили, что отѣ натуральной
оспы умираетѣ болѣе дѣвушекѣ, нежели
мальчиковѣ.

Изѣ 100 младенцевѣ умираетѣ отѣ
натуральной оспы 8.

Изѣ

Изъ 300 младенцевъ, которыми прививается оспа, умираетъ только 1.

По изчисленію, сдѣланному въ Англіи, нашлось въ 100000 умершихъ 7 человекъ во 100 лѣтъ, 5 во 101 годъ, 5 во 102, 4 во 103, 2 во 104, 4 во 105, 2 во 106, и 1 во 107 лѣтъ.

Въ миллионѣ умершихъ было 7 человекъ въ 108 лѣтъ, 3 во 109, 4 во 110, 3 во 111, 3 во 112, 3 во 116, и 1 во 118 лѣтъ.

И такъ по сему содержанію въ 3125 умершихъ находится только 9 во 100 лѣтъ.

Въ Бранденбургскомъ округѣ черезъ 6 лѣтъ сдѣлана перепись умершимъ. Число ихъ простиралось до 351998. Между ими былъ одинъ человекъ въ 114 лѣтъ, 1 во 115, 1 во 120, и 1 во 125.

Нѣкоторые люди жили опмѣнно долго.

Іоаннъ Ровинъ Спапланакарансбетшерской, изъ Темесварскаго Баннаша въ Венгріи, жилъ въ бракѣ съ женою своею, Сарою Дессонъ, 147 лѣтъ, и умеръ на 172 году. Жена его жила 164 года. Когда онъ умеръ, по самому меньшому сыну его было 90 лѣтъ.

Петръ

Петръ Цоршенъ, крестьянинъ Кеве-
решской изъ сего же Баннаша, умеръ 5
Января 1724 на 185 году. Меньшому
сыну его было 97 лѣтъ.

Въ 1670 году умеръ въ Эллершонѣ,
въ Англии, житель Іоаннъ Дженкинсъ на
169 году.

Томасъ Парръ, Шропшайрской кре-
стьянинъ, умеръ въ Лондонѣ — куда
призвалъ его Король Карлъ I. — на 153
году. На 120 году онъ въ другой разъ
женился.

Въ 1648 умеръ въ Миншвалѣ То-
масъ Данимъ на 153 году.

Февраля 6, 1787, умеръ Іоаннъ Эф-
фингамъ на 144 году.

Въ 1783 году умеръ въ Исландіи
старой Норманъ, Христіанъ Яковъ Дра-
кенбергъ, на 146 году. Онъ родился
1626. Въ 1767 году, Ноября 6, празд-
новалъ онъ день своего рожденія, буду-
чи совершенно здоровъ душою. Въ са-
мой сей день ходилъ онъ пѣшкомъ въ
Розенгальмъ, до котораго отъ его жили-
ща двѣ мили. Въ немъ не примѣтно
было никакой слабости, кромѣ слабости
зрѣнія.

Въ Лискенскомъ округѣ въ Пруссіи,
не далеко отъ Баршенштейна, живеть
Іоаннъ

Иоаннѣ Шидлау (*), которому идетѣ 120 годѣ. Сей старикѣ родился въ Шпокгольмѣ, служилѣ при Карлѣ XI, и по помѣ былѣ во всѣхѣ походахѣ при Карлѣ XII. Въ Полтавѣ взяли его въ плѣнѣ, и съ того времени живешѣ онѣ безпрестанно въ Пруссiи.

Вѣ гористыхѣ мѣстахѣ находится старыхѣ людей болѣе, нежели въ низкихѣ.

Можно полагагати, что человекѣ вездѣ проживешѣ отѣ бо до 90 и до 100 лѣтѣ, естли жизнь его не сокращишя какими нибудѣ внѣшними случаями.

По сравненiю разныхѣ вѣдомостей о умершихѣ съ довольною вѣроятностiю вычисляется, сколько лѣтѣ можетѣ прожить человекѣ всякаго возраста. На прим. вѣроятно, что новорожденной младенецѣ проживешѣ еще

		34 года, 6 мѣсяцѣ.	
Младенецѣ	1 года	41 годѣ, 9	—
—	3 лѣтѣ	45 лѣтѣ, 7	—
—	5 —	46 — 4	—
—	10 —	44 года, 9	—
			Чело-

(*) Сiе писано въ 1784 году.

Человѣкъ	лѣтъ	прожив.	41 годѣ,	6 мѣс.
—	20	—	38 лѣтъ,	3 —
—	25	—	35 —	3 —
—	30	—	32 года,	3 —
—	35	—	29 лѣтъ,	8 —
—	40	—	26 —	6 —
—	45	—	23 года,	
—	50	—	20 лѣтъ,	11 —
—	55	—	17 —	
—	60	—	14 —	2 —
—	65	—	11 —	5 —
—	70	—	5 —	11 —
—	75	—	6 —	8 —
—	80	—	4 года,	10 —
—	85	—	3 —	3 —
—	90	—	2 —	

КОНЕЦЪ XVII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

XVII Части.

	Стран.
Новый Годъ.	3
Сновидѣніе.	17
Краткое Извѣстіе о нѣкоторыхъ басно- словныхъ птицахъ.	25
Отрывокъ Рѣчи.	44
Мизойъ Женской.	49
Старческой Праздникъ.	106
Описание Ост-Индіи.	116
Разсужденіе о Анатоміи.	134
Физическія Изчисленія.	142
Описание путешествія одного Учена- го.	145
Благодѣтельность.	163
Восточныя Пословицы.	175
Малабарское Празднество.	177
О Генрихѣ Велби.	186
Глѣбность.	191
О Нервной Системѣ.	193
Геснерова смерть.	197
Нѣчто изъ Политической Археологи- ки.	201

